

РУССКИЕ ЗВЕЗДЫ

ДМИТРИЙ
ЯНКОВСКИЙ

МИР ВЕЧНОГО ЛИВНЯ

РАЗБУДИТЬ БОГА

Рапсодия гнева

Дмитрий Янковский
Мир вечного ливня

«ЭКСМО»

2005

Янковский Д. В.

Мир вечного ливня / Д. В. Янковский — «Эксмо»,
2005 — (Рапсодия гнева)

Александру Фролову, бывшему снайперу, вернувшемуся из Чечни, постоянно снится странная война между людьми и загадочным противником. Фролов узнает, что война эта происходит в сфере взаимодействия – параллельном мире, в который попадают техника и оружие, поврежденные в вооруженных конфликтах на Земле. Александр становится ночным наемником в сфере взаимодействия, одновременно пытаясь днем наладить свою гражданскую жизнь, однако очень скоро выясняет, что события, происходящие в его снах, зловещим образом влияют на реальную действительность и могут оказаться смертельно опасными...

© Янковский Д. В., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
Глава вторая	28
Глава третья	38
Глава четвертая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Дмитрий Янковский

Мир вечного ливня

*Сон. Приснилось мне,
Что я воюю в чужой стране.
Рок, неравный бой...
Я ранен в голову, я герой...*

Л. Федоров

Пролог

Я видел много дождей, но этот поражал воображение – подлинная лавина воды, непрерывно падающая из низких лохматых туч. Немудрено, что между деревьями по краям дороги такая болотина. Хотя и дорога та еще – бронетранспортеры с трудом пробираются через размокшую глину, колеса прокручиваются, швыряя протекторами комья грязи. А сверху льет, льет, льет...

Иногда за шумом дождя и ревом моторов можно было различить душераздирающие крики в лесу – то ли звери какие-то рвали друг друга из-за добычи, то ли наша колонна пугала задремавших от непогоды птиц. Сизый дым за нами низко стелился у самой дороги, смешиваясь с водяной пылью.

Время текло сонно. Невозможно было понять, как долго мы премер по этой дороге, – освещение не менялось час от часа, будто над тучами не солнце двигалось по эклипике, а завис цеппелин с закрепленными дуговыми прожекторами. Видимость же во время дождя никуда не делась, так что с трясушей брони БТРа не разглядеть ничего дальше стометровой дистанции. Вот такой путь из никуда в никогда. Однако никто из наших этого не замечает – устали уже.

В колонне три бронетранспортера, набитые мотопехотой, мы же внутрь не поместились, приходится на броне кочумать. А в такую погоду что на броне, что в бассейне – никакой разницы. Камуфляж промок до нитки, броник отяжелел еще больше, снайперка промокла, прицел пришлось снять и уложить в футляр, а сигареты я уже давно выкинул из кармана. Точнее, то, во что они превратились, – промокшую картонную коробку с табачным месивом.

Мы замыкаем колонну. На броне нас трясется семеро вместе со мной – все, что в этот раз осталось от нашей группы. Командир – Игорь Зверев. Андрей – корректировщик. Витек – подрывник по прозвищу Цуцык. Иришка-Искорка, тоже снайпер, как и я. И двое крепких парней для штурмовой поддержки. Каждый раз за нами закрепляли новых штурмовиков, иногда не закрепляли вообще, так что я давно путаю их имена. К тому же лица у них... Ну, не то чтобы одинаковые, но есть в каждой общая черточка, настолько яркая, что нивелирует любые различия.

Вдруг сквозь шелест ливня и взрывывание мотора слышу – свист наверху. Не свист даже, а клекот, как у огромной хищной птицы. И тут же быстрая тень по тучам.

– Рейдер! – пригибаясь, крикнул Андрей и застучал кулаком в люк.

Но это и без него было понятно. Просто у корректировщика подобные навыки в рефlekсах – увидел цель, тут же назвал ее, а дальше пусть стрелки разбираются. БТР под нами остановился, проехав с полметра юзом в грязи. Передние тоже замерли у обочин.

В такие моменты сразу видно, у кого какая реакция. Игорь Зверев из нас самый опытный, так он свой «АК-74» изготовил для стрельбы раньше, чем мы с Искоркой плюхнулись в грязь у колес. И тут же по ушам рубануло очередь. Раскаленные гильзы закувыркались по броне, с

шипением посыпались в лужу. Пришлось еще и от них уворачиваться, а то попадет за шиворот – вспомнишь такие ругательства, которые раньше и на язык бы не навернулись.

Рейдер тем временем темным пятном прошмыгнул в пелене туч, но пальнул всего пару раз – Зверев так плотно держал его под огнем, что у пилота вся сноровка ушла на увертки, некогда было прицелиться. Он описал дугу и ушел выше, так что я потерял его из виду. Пилот скорее всего неопытный. Другой бы плотнее нас прижал плазмоганами, а этот то ли струхнул, то ли ошибся в выборе тактики, но так или иначе дал Игорю возможность перезарядить рожок в автомате.

Сзади под днище втиснулись двое штурмовиков, а за ними Цуцык и Андрей.

– Легкий рейдер, – уточнил корректировщик. – Без силовых экранов. Если еще раз сунется, Игорь завалит его на раз.

– А вы чего зашхерились? – рявкнул я на штурмовиков. – Мне, что ли, снайперку собирать или Искорке? На кой вы нужны с автоматами, если командир один отдувается?

– Да че ты? – огрызнулся один. – Это же пукалки против рейдера! Одно дело из «калаша» долбить, а другое – из штурмовых пиндюров с глушаками. Они же, блин, под пистолетный патрон!

В этом он был прав, и мне пришлось заткнуться. Однако оставлять Игоря одного показалось мне непростительным. Ну что за народ? Все под броню, а один прикрывает. Снайперку изготавливать я, конечно, не собирался – на это уйдет с полминуты, не меньше, да и толку с нее против скоростной цели никакого. А вот где взять «калаш», я знал.

Свист пикирующего рейдера между тем приближался.

– Эй, салажье! – я выскочил из под брони и пару раз пнул ботинком в десантный люк, за которым пряталась мотопехота. – Автомат кто-нибудь даст?

Тут же тяжелая створка сдвинулась, и мне протянули сразу два «калаша», причем не «иглометы» 5.45, как у Зверева, а полноценные «АКМ» калибра 7.62. Из такого если дать прицельно, то с рейдера вмиг кожа слезет.

Один автомат я протянул Цуцыку, а с другим полез на мокрую броню, поддержать огнем Игоря. Честно говоря, я надеялся, что brave штурмовики тоже выклянчат у шпаков по автомату, и мы в пять стволов покажем рейдеру, на что годится армейский спецназ Российской Федерации. Но те предпочли из-под брони не вылезать. Ну и хрен с ними.

Я прислушался, чтобы рассчитать, где покажется рейдер, но мне помогло солнце – сначала на тучах показалась тень, затем уплотнилась, а через секунду из этого пятна вывалился матово-черный равнобедренный треугольник с пиками плазмоганов на двух углах.

На это раз пилот действовал пошустрее, он выпустил две плазменные очереди раньше, чем кто-либо из нас успел выжать спусковой крючок. Огненные комки ударили сначала в грязь перед БТРом, поднимая в воздух фонтаны глины и пара, затем в броню, так что нам пришлось-таки прыгать вниз и ретироваться под днище. За БТР можно было не беспокоиться – плазмоганы нашу броню не берут. Американскую прошивают, как нож масло, а нашу хоть специально против плазмы не проектировали, но случайно там оказалась какая-то изюминка в технологии, то ли омагниченность паразитная, то ли что-то еще. В общем, не берет ее плазма, хоть из тяжелой пушки пали. Так что наши БТР и танки в войсках ценятся по первому классу.

Наконец рейдер достиг нижней точки траектории и прошел над нами на бреющем, швырнув два «ежа». Один грохнулся на броню, о нем можно не думать, а другой угодил в грязь едва не у наших ног. Цуцык молодец, не растерялся, отшвырнул автомат, скинул броник и накрыл им «ежа». Так что когда бомбочка взвыла, разгоняя силовым полем сотню керамзитовых игл, лететь им оказалось некуда – половина ушла глубоко в землю, а половина, не набрав нужного ускорения на старте, застряла в титановых пластинах. Вот кому что, а Цуцыку главное не дать чему-нибудь взорваться. Интересно, он и в новогоднюю ночь брошенные петарды обезвреживает?

Сразу, как броник дернулся от удара, мы вдвоем с Игорем выкатились из-под днища и взяли уходящий рейдер в огненный клин. А он, зараза, плоский, как фанера, точно в хвост ему хрен попадешь. Но только рейдер начал закручивать петлю, наши пули его достали, продырявив, как мишень на стрельбище. Машинка дернулась, крутанула бочку и по кривой дуге ушла в лес. Через секунду из-за деревьев полыхнуло фиолетовым пламенем, и клекот стих.

Я глянул под броню и увидел Андрюхин кулак с выставленным вверх указательным пальцем. Затем поднял взгляд и... Блин, мы забыли совсем про второго «ежа». А он оказался с замедлителем, лежал себе на броне и поджидал жертву. Пилот, что его сбросил, сам уже в плазму превратился, а нам смертельное наследство оставил.

– Ложись! – рявкнул я изо всех сил и кинулся на «ежа» раньше, чем он взвыл.

Однако расстояние до бомбочки было слишком большим, иглы успели разогнаться как следует и прошили меня вместе с броником навывлет. Боль была, но не такая сильная, как я ожидал, – словно меня хлестнули десятком розг по голому телу. Иришка закричала, а я захлебнулся хлынувшей изнутри кровью и рухнул на спину. Прямо в лицо мне лились потоки дождя.

Глава первая

Розыгрыш

Я вскрикнул, проснулся и чуть не свалился с дивана. Грудь жгло, а дыхание восстанавливалось с трудом.

– Черт! – ругнулся я, скидывая одеяло. – Ну что за напасть!

Свет хмурых предутренних сумерек пробивался через занавески, еле заметно разжигая темноту в комнате. Я пошарил рукой по полу, ища сигареты, но не нашел. Наверное, против обыкновения я оставил их на столе. Сон запечатлелся в памяти отчетливо, но это ненадолго. Только начнешь шевелиться активно, он истончится и быстро перейдет границу, отделяющую реальные воспоминания от фантазий. В такие минуты главное – успеть его поскорее записать, пока еще понятна внутренняя логика сна, пока он не превратился в бессвязный бред.

Для этих целей у меня была специальная тетрадь – толстая, в обложке под кожу, с желтоватыми клетчатыми страницами. Конечно, далеко не все сны я туда записывал, но такие, как сегодняшний, – обязательно. За время, проведенное в госпитале и дома после ранения, они мне снились не меньше двух десятков раз. Эти ночные видения отличались от других тем, что всегда были про войну. Причем про войну в одном и том же залитом водой лесу, через который вела, по всей видимости, единственная грунтовая дорога, размытая и размочаленная до последней возможности. В лесу всегда шел дождь – непрерывно. Однако содержание снов отличалось порою весьма значительно. Сегодня, к примеру, почти не было боя, а в прошлый раз пришлось брать штурмом какую-то заросшую деревьями высоту у дороги, на мой взгляд, совершенно бессмысленную, но тем не менее очень хорошо укрепленную. Тогда из многоствольного лучемета накрыли Искорку в укрытии, и я видел в прицел, как ее тело в одно мгновение разнесло на сотню обугленных кусков. Кажется, тогда всем досталось. Причем я держался молодцом, меня убили одним из последних.

Вставать с дивана не хотелось, а вот желание курить было неистовым. Оно пришло из сна, где мне в который уж раз не удалось сохранить сигареты сухими. В конечном итоге пришлось этому желанию уступить.

Я поднялся, и тут же под ногой хрумкнула картонная пачка.

– Черт! – в сердцах выругался я, не понимая, как мог не найти ее сразу.

К босой пятке прилипли табачные крошки и крохотный обрывок картона. Нагнувшись, я убедился, что ни одной целой сигареты внутри не осталось. Можно было, конечно, вытряхнуть табак и свернуть самокрутку, но не хотелось возиться, к тому же мысль о вонючем дыме газетной бумаги притупила тягу к никотину.

Я решительно швырнул пачку в мусорное ведро на кухне и достал из стола тетрадку для записи снов. Поначалу особой системы в таких дневниках не было, я просто по памяти переписывал военные сны, которые в отличие от всех остальных помнились очень ярко. Но позже, когда я понял, что воевать по ночам приходится примерно в одной и той же местности, примерно с одним и тем же противником, против вооружения единого типа, мне пришла идея все упорядочить.

Начал я с оружия и местности. Сперва составил нечто вроде энциклопедического словаря, состоящего из небольших статей, в которых было одно или несколько жаргонных названий оружия, его внешнее описание, принцип действия, как я его понимал, а также поражающие факторы и тактико-технические данные, полученные, как правило, опытным путем.

Поначалу с названиями была путаница – в разных снах разные люди называли одни и те же вещи по-разному. Но потом я понял, что, несмотря на это, все понимают, о чем речь, так

что я стал записывать то название, которое больше всего нравилось мне самому, а остальные иногда указывал в скобках.

Потом случайных людей в моих снах почему-то становилось все меньше и меньше, а из тех, с кем мне в реальности пришлось пройти огонь и воду, сформировался некий костяк. В конце концов небольшая часть нашего взвода, которым мы воевали на афганской границе, превратилась в сплоченный отряд. Правда, в реальности этот отряд было уже не собрать. Игорь Зверев погиб в Таджикистане, Искорку списали по здоровью после третьей чеченской, причем здоровье я сам ей подпортил, но выхода другого не было. Лучше полгода похромать, чем раньше времени улечься в могилу. Андрей чуть позже сам уволился и уехал на родину. Там он служил в дорожной милиции, а я чуть не вовлек его в отчаянную авантюру, когда американцы собирались вторгнуться в Крым. Но не успел. В один жуткий для меня день Андрей, сопровождая на патрульной машине колонну автобусов с детьми, принял на себя лобовой удар встречной машины, выехавшей на встречку. И надо же – по жуткой иронии судьбы этой машиной оказался «Хаммер», в котором командир американских десантников ехал на встречу в городскую администрацию. В общем, Андрей детей спас, а сам... Я даже к нему на похороны не пошел, не проводил. Не сумел заставить себя увидеть его мертвым. Хотя, говорят, его в закрытом гробу хоронили.

Реально в строю из сегодняшних остался только Цуцык, но мы с ним не виделись довольно давно.

Независимо от того, кто из нас был жив, а кто погиб, мы все погибали в снах. Я по многу раз видел смерть каждого из соратников, а меня самого она настигала каждый раз перед пробуждением. Но затем мы снова встречались в лесу под ливнем, на размокшей и раздолбанной колесами и гусеницами дороге, стараясь не обсуждать того, что было в предыдущие разы.

Лишь просыпаясь, я спешил записать все в тетрадку, систематизировать опыт, чтобы второй раз не наступать на одни и те же грабли. Я учитывал причины как собственной гибели, так и гибели друзей, я был готов поделиться с ними наблюдениями, но, засыпая, сам попадал под власть неписаного закона – о смерти ни слова.

В этот раз большого опыта я не набрал, поэтому запись оказалась скупа – я запечатлел на бумаге только поход из ниоткуда в никуда, состав команды, число бронемашин. В статейку о «ежах» я добавил, что они могут иметь систему замедления взрыва более чем на десять секунд, поэтому следует внимательно отслеживать каждый сброшенный с рейдера снаряд.

Сам легкий рейдер описывать не было необходимости – эти машины, непонятно кем и как управляемые, появлялись чуть ли не в каждом сне и были мною подробно описаны. В поведении этих боевых летательных аппаратов было, на мой взгляд, одно важное противоречие, которое я до сих пор не разрешил. Из-за очень плоской формы летающего крыла в нем не мог уместиться пилот, однако в бою рейдеры всегда вели себя так, словно управлялись не дистанционно, а изнутри. Ну, это всегда можно понять – пилоту за пультом где-нибудь в бункере не страшно вести аппарат на пули, а рейдеры всегда активно маневрировали в бою, спешно уходя за тучи, если попадали под плотный обстрел. Получалось, что либо пилоты несли очень серьезную ответственность, вплоть до смертельной, за потерянный аппарат, либо они все-таки находились в кабине, а не в бункере. Если допустить второе, то они имели просто крохотные размеры.

Во сне это казалось естественным, но после пробуждения я каждый раз задумывался над тем, кто наш противник. Точнее, нет, судя по навороченному вооружению, понятно было, что это не люди или люди далекого будущего, но я не мог понять, как моя фантазия рождала столь сложные конструкции. В детстве, конечно, я придумывал всякие штуки, а потом наворачивал разные истории с ними, и друзья вечерами слушали мои байки с большим интересом. Но то было в детстве.

Хотя, скорее всего, человек никогда не взрослеет. Просто ребенок с возрастом вынужден вгонять свое поведение в довольно жесткие рамки, в результате чего его действия упорядочиваются и делаются похожими на поступки других взрослых людей. Но внутри все по-прежнему остаются детьми. Один мой верный друг, с которым судьба раскидала нас очень давно, написал как-то песню, в которой были такие слова: «Лишь выросли в цене игрушки да соски превратились в кружки». Куда уж точнее.

Поэтому основной версией происхождения моих странных снов была теория о реинкарнации детских фантазий в теле реального боевого опыта, полученного на войне. Иногда, перелистывая тетрадь, я всерьез подумывал о том, чтобы написать книгу про команду наемников, воюющих в этом странном лесу непонятно с кем. Получилась бы боевая фантастика. Наверное. И хотя я считал, что неплохо могу излагать мысли на бумаге, но, представляя, какой титанический путь ждет меня в случае подобного решения, я малодушничал и отказывался. Кстати, для отказа от книгописания у меня в последнее время появился веский предлог – глупо тратить время на то, чем нельзя заработать, а уж тем более глупо заниматься тем, что требует немалых вложений. Я был уверен, что современные писатели в отличие от советских публикуются за свой счет, а значит, все они люди изначально состоятельные, чего обо мне уж точно сказать нельзя.

Кстати, именно сегодня мне обещали работу, так что надо приводить себя в порядок и выдвигаться. Снова захотелось курить, но я взял себя в руки. При нынешнем финансовом положении на новую пачку у меня банально не было денег. Вот так. Дожил боевой офицер.

Мелкий осенний дождик крапал с низкого московского неба, заставляя прохожих шуриться от смешанных с ветром брызг и кутаться в воротники плащей. Говорят, что дело, начатое в дождь, обречено на успех. Не знаю, я не вел статистики. Может быть, сегодня вообще первый случай, когда мне в дождь придется начинать новое дело.

Жерло метро всасывало в себя людской поток, как сливное отверстие раковины втягивает воду. Час пик. Толкотня. Как-то я отвык от этого. Шесть лет в горах, почти безвылазно, перестраивают восприятие на другой лад, так что городская суeta начинает напрягать в высшей степени, вызывая беспричинные приступы паранойи. Особенно плохо бывает в метро. И дело вовсе не в клаустрофобии, я ею никогда не страдал, а в невольном перемалывании бродящих в толпе эмоций. Негативные это эмоции, вот в чем дело. Чаще всего раздражение – это днем, в давке, особенно на кольцевой ветке. Вечерами, когда почти пусто, – страх или беспокойство. В праздники или в дни футбольных матчей – пьяный кураж. И всегда – ощущение несбывшихся надежд, невыполненных желаний, ощущение бесцельно пробегающих дней.

Я влился в поток и опустил воротник плаща. Мокрая лестница, прозрачные двери, сверху донизу оклеенные рекламными стикерами. Запах горячей слоеной выпечки – это из притулившегося в переходе киоска. Каждый такой пирожок по девять рублей, я знаю, но у меня в кармане завалялась только одна десятирублевая монета и проходка в метро. Все, что осталось от положенного по увольнению пособия. В принципе эту монету можно было потратить, поскольку Гришка, старый приятель, клялся, что если меня возьмут на работу по его рекомендации, то сегодня же я получу подъемные в счет будущей зарплаты. Но вот это «если» не давало мне покоя, поскольку если ничего не получится, то надо будет возвращаться домой, купив билет в метро за семь рублей. Ни на пирожок, ни на сигареты тогда точно не хватит. Дома же еще в достатке гречневой крупы, так что пирожок можно с полным основанием считать блажью.

В общем, эта поездка была для меня довольно рискованной, несмотря на заверения Гриши. Я невольно усмехнулся этим мыслям.

«Дожил, – подумал я, продираясь через турникет к платформе. – Ну и укатала меня гражданская жизнь! Четыре месяца назад под минометным обстрелом скакал, а теперь на работу устраиваться рискованно».

Однако все обстояло именно так. Три месяца в госпитале и месяц почти безвылазно дома превратили меня совсем не в того, кем я был в отряде. На госпитальной койке я вдруг понял, что моя жизнь, скорее всего, имеет еще какую-то ценность, кроме заявленной Уставом и командирами. Сначала мне трудно было об этом думать, но, глядя в экран телевизора и читая газетные статьи, я очень быстро понял, что Родины, собственно говоря, никакой и нет. Точнее, физически она есть – пространство от Калининграда до Петропавловска-Камчатского, – но вот в сакральном понимании – фикция. Все это физическое пространство на поверку принадлежало не тем, кто сейчас толпился вокруг меня на платформе метро, а совсем другим людям, чьи лица мы никогда не видим за темными стеклами «Мерседесов» с мигалками. Причем Родина принадлежала им вполне реально, их владение ею было подтверждено финансовыми и юридическими документами. Эти люди могли строить на ней, продавать ее как целиком, так и по частям, извлекать из нее прибыль, писать и переписывать ее законы, не подчиняться им, отдыхать в лучших ее местах, недоступных тем, кто защищает ее границы с автоматом и снайперкой в руках.

Вообще-то насчет автомата и снайперки я погорячился, конечно. Это сразу по выходе из госпиталя я так думал, но потом, когда город начал меня в себя вбирать, я увидел, что за Родину каждый день борются миллионы людей, даже не думающих об этом. Они ходят на заводы и фабрики, стоят за прилавками, водят такси и делают для Родины огромное количество других каждодневных подвигов. Но она им все равно не принадлежит. Они ей принадлежат, а она им нет. Такая вот математика.

И вот тогда я впервые испугался по-настоящему. Так, как не боялся под огнем крупнокалиберных пулеметов, хотя это тоже не для слабонервных времяпрепровождение. Я понял, что, если бы меня убили тогда, это было бы самой большой глупостью, какую можно вообразить. Не глупо получить ножом в печень во время драки с грабителями, отбирающими последние деньги у матери троих детей. А вот погибнуть в бою, отстаивая чужую собственность, из которой кто-то другой извлекает прибыль, – глупо до невозможности. Это все равно что пытаться ценой собственной жизни остановить разборки между двумя городскими бандами, начавшими перестрелку из-за вопроса, кому снимать дань с казино. В общем, разница между казино и Родиной стерлась в ноль – и то и другое теперь было полноправной чужой собственностью. Только дань у владельцев Родины называлась не данью, а налогами, но сути это не меняло – все равно процент от прибыли.

Причем мне обидно было не столько за себя, сколько за деда – морского пехотинца, раненного во время керченского десанта. Я-то хоть деньги получал, пусть и скромные, от владельцев Родины, а он бил фашистов и победил, отстоял Родину совершенно бесплатно. Для Березовского отстоял, для Ходорковского и нефтегазовых корпораций. Они ею попользовались как следует, отстроились за границей, кого-то из них посадили, кого-то нет, а смысл все равно остался прежним. Просто придут другие владельцы, повыжимают из Родины еще по капле, может быть, некоторых из них тоже посадят.

И что самое удивительное, я понимал, что это нормально, что иначе никогда не было и никогда не будет. Одни владеют собственностью, другие на ней работают за скромную плату. И при первобытном строе так было, и при рабовладельческом, и при феодализме ничего в этом плане не изменилось, и при капитализме, и при социализме, и при нынешней демократии. Более того, я уверен, что и при коммунизме было бы точно так же. Весь мир принадлежит очень малому количеству людей, а остальные на них работают. И никакими бунтами, никакими революциями изменить ничего нельзя, а можно лишь поменять горстку одних владельцев на

горстку других. Ну не может народ ничем владеть, что бы об этом ни говорили. А потому воевать народу нет никакого смысла – разве только за деньги.

Поэтому я и голосовал за Путина, когда его выбирали на второй срок. Многие обещали сделать профессиональную армию, но он первым сделал в этом направлении реальные шаги. Это было достойно как минимум уважения – не отбирать чужую кровь, а покупать ее.

Однако, кроме этого выбора, я сделал для себя и другие. После всех своих войн я начал последнюю – войну с иллюзиями, превращающими людей в быдло. Я вычленил вирусы заблуждений, рассаживаемые средствами массовой информации и народными слухами, препарировал их, пытался понять, как они работают, на каких низменных чувствах играют и кому они выгодны.

Я выбрал цель. Нет, этой целью не были газеты или телекомпании. Я слишком хорошо умел убивать людей, чтобы опускаться до терроризма. Терроризм – оружие трусов, а я себя таковым не считал. Моей целью стали иллюзии сами по себе, а не те люди, кто придумывает их и распространяет.

Я выбрал оружие. Не снайперскую винтовку, с которой неплохо умел обращаться, а отказ от иллюзий. Для себя самого. Никому другому я навязывать ничего не собирался, даже пропагандировать свои идеи мне бы в голову не пришло. В общем, я не хотел никого освобождать от иллюзий, я просто решил обороняться от них сам, не пускать их к себе в голову, отказываться от взгляда на жизнь, к которому они подталкивают, – и все.

За несколько недель, проведенных в городе после госпиталя, я понял, что не ошибся ни в выборе цели, ни в выборе средств. Были и первые победы. К примеру, я выследил одну пронырливую идейку, проползающую в умы из рекламных роликов, отыскал в себе ее следы, поймал за хвост и навсегда вышвырнул из головы. Это была иллюзия того, что быть бедным хорошо, а богатым – стыдно.

«Говорят, что они крепко стоят на ногах, – говорил рекламный диктор за кадром, пока на экране переходили дорогу мелкие клерки какого-то крупного коммерческого учреждения, – и нам до них никогда не подняться. Но это только кажется».

Далее камера начинала двигаться вперед, менеджеры разбегались, а на экране появлялся логотип «Лада». Такая вот дурь. Как будто обладать наспех свинченной пьяными слесарями «Ладой» было куда более почетно, чем работать мелким менеджером в крупном коммерческом учреждении.

Я знал, что этой иллюзией поражено большинство населения нашей необъятной страны, покупающего отечественные сигареты потому, что это якобы патриотично. «Мальборо», мол, пусть буржуи курят. Хотя стоит глянуть на боковинку «Золотой Явы», чтобы найти там торговую марку истинного производителя – того же самого, что и у «Мальборо», кстати. «Ява», конечно, дешевле, но не потому, что отечественная, а потому, что американцы набивают ее коровьим дерьмом вместо табака.

То же и с пивными брендами, которые все без исключения принадлежат западному капиталу. Однако, зная, сколько людей находится под властью этих иллюзий, я не собирался проповедовать отказ от них. Это была моя война, и ничья больше. Я хотел хоть раз повоевать сам за себя, а не за кого-то другого. И чем дальше, тем больше мне это нравилось.

Убив в себе первую иллюзию, я понял, что в богатстве нет ничего постыдного. Напротив, богатство есть мера человеческого достоинства – во сколько каждый сам себя ценит. А если так, то любой честный способ заработка хорош. То есть быть водителем «Мерседеса» и получать пятьсот долларов в месяц ничуть не хуже, а даже лучше, чем с теми же навыками развозить пиццу на раздолбанной «Ладе» за сто пятьдесят. И если ты зарабатываешь мало, то это повод для поиска новой работы, а не для гордости.

Правда, в этом поиске мне поначалу не очень везло. Бывшему армейскому капитану, уволенному по состоянию здоровья после ранения, не так легко устроиться на гражданке, как

можно подумать. В серьезные охранные фирмы не берут по многим причинам. Во-первых, твой боевой навык там никому не нужен. Здесь город, а не чеченские горы. Во-вторых, здесь важен высокий рост и внушительный вес, дистанционно убеждающий потенциального злоумышленника, что с таким громилой лучше не связываться. Даже если громила на ногах едва держится. Я же ни ростом, ни весом похвастаться не мог – снайперу это ни к чему, только мешают забираться на высокие огневые точки и таскать с собой снаряжение.

Так что меня и без ранения в охранной фирме не очень ждали, а уж с двумя минометными осколками в животе – так и вовсе. С другой стороны, на войне чему только не научишься – я и машину неплохо водил, и по части механики руки были под инструмент заточены. Но главное, что на войне вылетает из тебя напрочь, – это трусость. В общем, я готов был взяться за любую работу – знал, что получится. Научиться можно чему угодно, был бы спрос на работу.

А недавно Гриша, мы с ним еще в школьные годы вместе в фотокружке занимались, звонит, говорит, что им в фирму нужен водитель на «Мерседес» за полтысячи долларов в месяц. Вообще-то на «мерсе» я не ездил даже справа, но чем не машина? Разберусь.

Поезд подземки с грохотом мчался во тьме тоннелей, за стеклами пролетали транссирующие очереди фонарей. Окружающие люди, находясь по сути в одном вагоне, пребывали тем не менее в разных мирах, чаще всего не замечая друг друга. Разве что если кто-нибудь на ногу другому наступит. Многие читали книжки в мягких обложках, желая хоть на время поездки очутиться в веселых мирах, созданных мастерицами иронических детективов. Иногда я видел в руках любовные романы – по большей части у дам, во всех отношениях небогатых и чаще всего немолодых. Молодые люди предпочитали отправляться в фантастические миры, где из-за спины главного героя можно было подглядеть, как тот дерется с инопланетянами или собирает эльфов в поход против гоблинов. Иногда можно было заметить в толпе обложку какой-нибудь распиаренной псевдоэзотерики вроде Пауло Коэльо. Однако подавляющее число пассажиров метро предпочитало газеты. Есть в нашем народе какое-то неизбывное доверие к печатному слову. И многие верят, что в газетах пишут правду. Ну, хотя бы в некоторых рубриках. Хотя бы иногда.

Под землей расстояние между станциями кажется больше, чем когда поднимаешься на поверхность. Никак не могу понять, отчего возникает такая иллюзия. В центре от входа на одну станцию видно следующую, а ехать – минут пять, а то и десять. Не может же поезд ехать медленнее, чем идет пешеход! Но сейчас у меня не было настроения разбираться в этом.

На Пушкинской я пересел на другую ветку и отправился дальше, в те места, где бывал крайне редко. Чем дальше от центра, тем проще убранство станций, тем меньше в них навязчивого пафоса сталинской эпохи. Стоя без дела в вагоне, я невольно вспоминал сон, в котором меня пронзили иглы «ежа». Довольно глупо получилось. Однако, пытаясь понять, как следовало поступить в таком случае, я не мог найти однозначно верного решения. Лучшим выходом было кинуться под броню, но я ведь не один вылез. Тогда бы убило всех. Всех, кроме меня. А так меня одного, поскольку я был к бомбочке ближе всех.

Я усмехнулся, поняв, что сегодняшняя моя гибель впервые была не поражением, а победой. Пожалуй, в снах я добился определенных боевых успехов, чего про реальность пока не скажешь.

На станции «Октябрьское поле» я выбрался на поверхность и присел на парапет под навесом, ожидая приятеля. Судя по времени, он должен был явиться минут через десять. Дождь продолжал капать, Москва поросла грибами – полосатыми, черными и клетчатыми грибами зонтов. Иногда попадались яркие, флюоресцирующие шляпки молодежных зонтиков. Я невольно вспомнил дождь из сна. Странно, но в таких снах мне постоянно хотелось курить, однако непрерывные потоки воды с неба начисто исключали такую возможность. Иногда мне приходила мысль забраться внутрь БТРа или хотя бы под днище на стоянке, чтобы покурить,

пользуясь укрытием. Но даже в самом начале сна пачка сигарет в кармане оказывалась насквозь промокшей.

Поначалу я думал, что можно сосредоточиться на том, что во сне сигареты должны оказаться в герметичном портсигаре, мол, так и будет. Ан нет. Моя начальная экипировка всегда была одинаковой. Менялся состав команды, причем помимо моего желания, менялось количество бронетехники, иногда присоединялась авиация, но лично я всегда оказывался во сне в камуфляже, с тяжелой снайперкой калибра 12.7 миллиметров, с пистолетом «АПС» в пластиковой кобуре и с пачкой промокшей «Золотой Явы» в кармане. Причем, что характерно, на войне я камуфляж почти никогда не носил, у нашего подразделения была черная форма, вроде той, какую в советские времена носила морская пехота. Что же касается снайперки и «стечкина», то это и впрямь было оружие, которым я действовал в реальных боях. А вот с «Явой» промашка. Я ее бросил курить еще в госпитале, перейдя на пусть и более дорогой, но куда более приличный «Честер».

В назначенное время Гриша не пришел. Честно говоря, этот факт нагнал на меня такую волну уныния, которую можно было сравнить с девятым валом на одноименной картине Айвазовского. Холодную, тяжелую волну безысходности. Хоть вой. Если быть точным, то это был мой единственный шанс устроиться на работу. А так... Бутылки, что ли, начать по помойкам выискивать?

Собрав волю в кулак, я спустился под землю в надежде выклянчить у кого-нибудь один звонок по таксофонной карте. Это было стыдно, но я хотел выяснить у Гриши, в чем дело. Пристроившись у лотка с книжной продукцией, я принялся высматривать кандидата. В основном люди звонили занятые, спешащие, говорили урывками, телеграфными кодами, бросали трубки, взбегали по лестнице наверх. Их место занимали другие, точно такие же. Лишь минут через пятнадцать я заметил крупную грубоватую девушку лет двадцати пяти. На ней были зеленые вельветовые брюки, оранжевый свитер крупной вязки и рыжая куртка-ветровка чуть короче свитера. Она несколько раз набрала номер, но на том конце, по всей видимости, было занято, поэтому она отошла от таксофона в надежде повторить звонок через некоторое время. Для меня это был идеальный вариант.

– Девушка, – шагнул я к ней. – Позвольте, пожалуйста, сделать один звонок по вашей карте.

Она оглядела меня с глубоким непониманием того, почему я не могу купить карту всего за тридцать пять рублей. Ей было проще протянуть мне свою, чем напрягаться и думать об этом.

– Спасибо. – Я улыбнулся и поспешил к таксофону.

Набрав Гришин мобильник, я услышал голос электрической женщины, который сообщил мне, что телефон абонента выключен или находится вне зоны досягаемости. Со вздохом я вынул карту и вернул хозяйке. Оставалось только спуститься еще глубже в метро, но девушка неожиданно меня окликнула.

– Извините, – она посмотрела мне прямо в глаза. – Можно задать вам вопрос?

– Пожалуйста. – Я пожал плечами.

– Почему вы попросили у меня карту?

То ли непонимание моих действий всерьез поставило ее в тупик, то ли, что показалось мне более вероятным, она решила как-то меня использовать. Можно было, конечно, отмахнуться и идти куда шел, но она меня выручила, и не хотелось ее обижать. Хотя была и еще одна причина, по которой я ей ответил. Более веская, если честно. Нет, не то чтобы я намеревался с ней флиртовать, этого и в мыслях не было – ну, не в моем вкусе девушка. Хотя какой к черту вкус после многомесячного одиночества? Короче, я помимо воли ей ответил:

– У меня нет денег, а надо было сделать важный звонок.

– Даже пятидесяти рублей нет?

Я не смог уловить, какой огонек блеснул в ее глазах, но это была какая-то яркая эмоция.
– Даже пятидесяти.

– А хотите заработать?

У меня екнуло сердце. Вообще-то на такие предложения лучше сразу отвечать отказом. Не то что у меня был горький опыт, но, исходя из банального здравого смысла, следовало, что это какая-то разводка. Просто потому, что для удачи слишком ярко. Она редко так вот, открыто, идет к тебе в руки. Куда чаще под удачу маскируются махинации нечестных людей.

С другой стороны, терять мне было нечего. Что с меня можно взять? Развести на десять рублей? Вряд ли кто-то станет тратить время на это, да к тому же, именно в случае со мной, могут возникнуть проблемы. Просто в силу специфики моей бывшей профессии.

– Хочу, – ответил я.

– Тогда давайте поднимемся, сядем в кафе, и я вам объясню, в чем суть дела.

– А здесь нельзя? – Идея с кафе мне очень не понравилась.

– Ну... Как-то странно здесь говорить о делах.

«Разводка, – уверенно подумал я. – Наверное, у нее в том кафе есть возможность поставить клиента на счет. Тут уж не будет разницы, есть у меня с собой деньги или нет. С ментами все равно будут проблемы, а мне они сейчас не нужны».

– Нет, – покачал я головой. – Извините, но ни в какое кафе я не пойду. И на такси никуда не поеду. Своих денег у меня нет, а в долг у вас я ничего брать не буду. Простите мне такую невежливость?

– Прощу, – усмехнулась незнакомка. – Если честно, то я сама круто попала и мне нужен помощник, чтобы сохранить лицо.

– И вы мне за это заплатите?

– Нет, конечно. У меня у самой голяк. Но я пашу на фирму, которая лепит рекламу.

– И что?

Ее сленг начал меня напрягать. На мой взгляд, у девушки язык должен быть поблагозвучнее.

– Им нужна модель.

Я чуть не расхохотался.

– Кто, извините?

– Модель для фотографии. Нужно сделать рекламу одеколona в журнал.

Больше всего меня поразило, с каким честным видом милая девушка лепит подобную чушь. Ну ладно, пусть твоя профессия разводить лохов, но нельзя ведь держать людей совсем за дебилов! Хотя, если такие приемы прижились, значит, на то есть причины. Огромное число людей играют во всевозможные лотереи, надеются на удачу с игровым автоматом, участвуют в различных газетных конкурсах, на полном серьезе надеясь получить больше, чем вложили, хотя рассчитывать на это может только полный дебил. Системы разные разрабатывают...

– Нет, спасибо, – я развел руками в извиняющем жесте. – Поищите кого-нибудь другого, ладно?

– Черт! – психанула незнакомка, зло засовывая карту в карман. – Что за день у меня сегодня?

Не обращая на меня больше внимания, она снова подошла к таксофону и, прижав трубку к уху, нервно застучала по кнопкам. Это меня остановило. Ее нервность как-то не вязалась с моей теорией. Или девочка очень хорошая актриса, что в общем-то не редкость среди разводчиков, или у нее действительно неприятности. Если вероятность второго хотя бы процентов пять, то я козлом буду, если не помогу. Она-то ведь мне карту дала, когда мне было надо.

Наконец незнакомка дозвонилась, но радость, мелькнувшая на ее лице, была недолгой. Поговорив меньше полминуты, она снова чертыхнулась себе под нос и повесила трубку.

Оставаясь в сомнениях, я прикинул возможные последствия, вздохнул и шагнул к ней.

– Я решил вам помочь, – сказал я, глядя ей в глаза.

– Вот как? – в глазах ее снова разгорелся огонек.

– Да. Идемте в кафе или куда там.

Она секунду не сводила с меня взгляда, словно пытаюсь понять, почему я передумал. Затем кивнула.

– Ладно, в кафе. И не грузитесь вы так! Ничего ужасного я вам не предложу.

Мы поднялись наверх и устроились в простеньком кафе, расположенном между «Ростиком» и пивнушкой. В общем, заведение для людей, не обремененных лишними средствами.

– Меня зовут Катя, – сообщила девушка, усаживаясь за круглый столик из зеленого пластика.

Я повесил плащ на стоящую рядом вешалку, стесняясь потертых серых брюк и оттянутого черного свитера. Однако оставаться в мокром плаще мне показалось в высшей степени неудобным.

– А меня Александр, – назвал я свое настоящее имя. – Можно, конечно, Саша. И давайте на «ты», ладно? Не такой я старый.

Катя глянула на меня чуть искоса, словно оценивая, не начал ли я ее клеить. Именно этот взгляд окончательно меня успокоил. Разводчице было бы без разницы, точнее, мой сексуальный интерес она бы использовала в собственных целях. А эту напрягло. Возможно, ей действительно нужна была только моя помощь.

– Ну, фишка тут вот в чем, – не очень уверенно начала она. – Я недавно устроилась в рекламную фирму. Ну, там ролики всякие лепим, делаем фотосессии для журналов, озвучку для телерекламы... У меня только кончился испытательный срок, в этом месяце мне должны дать первую зарплату. Но сегодня получился крупный облом. Мне надо было договориться с Аликом, одним артистом, о проведении фотосессии, а у него аппендицит. Словно специально. Еле дозвонилась, все занято, занято, а потом его сожитель говорит, что у Алика аппендицит.

Про аппендицит она сказала таким голоском, каким пародисты копируют геев. Я усмехнулся. Мне не приходилось лично сталкиваться с представителями сексменьшинств, но мысль о том, как именно они предаются любовным утехам, вызывала во мне невольное отвращение.

– В общем, Алика увезли на «скорой», – со вздохом продолжила Катя.

– И что в этом страшного? Твоей-то вины нет, так чего беспокоиться?

Подошла официантка. Катя заказала себе чай и пирожное, а мне просто чай. Хотя от пирожного за чужой счет, пусть и за счет дамы, я бы сейчас не отказался. Какое к чертям рыцарство на пустой желудок? Гречка не в счет, она из меня скоро сыпаться начнет. В чистом, непеваренном виде.

– Да я грузанулась, что никакого аппендицита у Алика нет, – вздохнула Катя. – Этот форс-мажор может быть чистым палевом.

– Чем? – Дешифратор сленга в моей голове начал давать сбои.

– Ну, проверкой для меня. Понимаешь, наш босс, Веничка-Ирокез, постоянно втирает о необходимости проявления инициативы в разумных пределах.

– Он, случайно, не служил офицером? – спросил я с усмешкой, вспоминая речи нашего майора.

– Как ты догадался? – она усмехнулась, поднимая чашку к губам. – Да, он вроде был штабником. Кто-то гнал, что даже в Чечне.

– У меня есть опыт общения с армейскими офицерами, – сказал я.

После выяснения боевого прошлого Венички-Ирокеза мысль о подставе с целью проверки не казалась такой уж глупой. Еще во времена срочной службы был у нас замполит, который страсть как любил проверять караулы скрытым порядком. Не любили его люто. Правда, одна из таких проверок для замполита закончилась плачевно. При попытке проникнуть в караульное помещение незамеченным он был задержан караульным бодрствующей смены Аленом

Тартлайном, эстонцем. В память об этом инциденте у подполковника прибавился внушительный синяк под глазом, убавилось зубов, а после взыскания командующего еще и звездочек на погонах.

– Веничка все время парит народ, мол, сотрудник должен не просто пахать и получать зарплату, а инициативно реагировать на изменения обстановки с целью увеличения прибыли предприятия. В общем, он мог запросто позвонить Алику раньше меня и сказать, чтобы тот отмазался аппендицитом.

– А смысл?

– Ну как же! Посмотреть, как я выкручусь.

Она достала пачку «Винстона» и одноразовую зажигалку. Закурила.

– Понятно, – я вздохнул, вбирая ноздрями табачный дым.

Куриль хотелось до одури, но стрелять у девушки было для меня табу. Пирожное вот запросто, а сигарету – никак.

– Угощайся. – Она заметила выражение моего лица.

Я взял сигарету и прикурил. Черт возьми! Какое же удовольствие может иногда доставлять дурная привычка! Привычка, которую почти не замечаешь, когда есть сигареты, или которая раздражает, когда куришь слишком много.

– Короче, Ирокез мог устроить мне испытание – смогу я найти замену Алику или нет.

– И ты решила подобрать на улице первого встречного?

– Не первого. У Алика очень фактурная внешность. Он такой, знаешь, мужественный педрилка. Ну, это трудно объяснить. Короче, в основном если мужественные, то отвратительные мужланы. Волосатые и заскорузлые. А педрилки чаще всего чересчур смазливые. Серединка же бывает крайне редко.

– Хочешь сказать, что я похож на этого Алика?

– Да нет, не грузись! Но в тебе есть та же самая фишка. Ты не качок, но в выражении лица есть что-то боевитое. Как будто ты кого-то убил, а тебе за это ничего не было.

«Она что, психолог по образованию?» – с удивлением подумал я.

– Я такие вещи вижу, меня за это в фирму и взяли. Еще у меня хорошо получается фокус-группы формировать. Короче, психологическое образование, пусть и неоконченное, даром не пропадает.

– Ну, ничего себе! – такого поворота я не ожидал. – Психолог с такой манерой изъясняться – перебор».

– А почему неоконченное?

– Да так, – Катя махнула дымящейся сигаретой. – По финансовым соображениям. Ну что, поедешь сниматься?

– Вообще-то это бред. Ну какая из меня модель? Рожа осунувшаяся, патлы нечесанные. Грима тонна уйдет. Не позорься. Скажи, что у Алика аппендицит.

– Ну да. За сессию фотографу заплачено, за аренду студии тоже, визажисты сидят на стреме, и им тоже уплачено за день... А я приеду и скажу, что облом. Уволят к чертям под горячую руку.

Вообще-то она была права, а мне поехать ничего не стоило.

– Если не веришь, что я из фирмы, вот визитка. – Катя протянула мне картонный прямоугольник.

Конечно, наклепать сотню визиток с данными хоть старшего курьера «Лукойла» стоило немного. Но что-то трогательное было в том, как Катя попросила помощи. Было в ней что-то от опустившегося боевого офицера, у которого нет денег на таксофонную карточку. Потенциал в ней был, вот что мне показалось. И жалко было ей отказать. В конце концов я психанул сам на себя.

«Ты превращаешься в урода, – шепнул мне внутренний голос. – Совсем недавно ты рисковал жизнью всего за триста долларов в месяц, а теперь сдрейфил откликнуться на просьбу девушки? Это что, страшнее, чем лететь на вертолете по ущелью под прицелом зенитных ракет?»

Я сунул визитку в карман. Не знаю, что побудило меня это сделать. Если быть до конца честным, то, скорее всего, наличие среди прочих атрибутов еще и домашнего телефона. Хотя это вряд ли было осознанно – у меня и мысли не было по нему звонить. Хотя нет, вру. Была мысль. И состояла она в том, что если я Катю выручу, то она в какой-то мере будет мне обязана, а значит, позвони я ей, она, может, и не откажется провести со мной вечерок, сходить в кино или что-нибудь в этом роде. Конечно, сейчас у меня не было ни на вечерок, ни на кино, но я очень надеялся как можно быстрее изменить ситуацию.

– Едем, – кивнул я.

Мы допили чай, после чего новая знакомая заплатила по счету, а затем убедила меня ехать на такси, а не на метро.

– Во-первых, мы спешим, – говорила она, стоя у края дороги с поднятой рукой. – Во-вторых, деньги на такси мне выдают на работе. Можно, конечно, схалтурить, поехать в подземке, но после такого испытания работать можно только на заводе. Творческую жилку метро слизывает без остатка.

Надо признать, что во многом я был с ней согласен, а предложение ехать на метро было с моей стороны не более чем демонстрацией нежелания пользоваться ее деньгами. Правда, эта игра уже начинала меня утомлять. В конце концов, она сама за меня платила, а человек не будет этого делать, если ему невыгодно. Лишать же ее выгоды в мои планы совершенно не входило. Интересно, какую заковыристую философию можно придумать, чтобы оправдать отсутствие денег в кармане. Я вспомнил рекламу «Лады» и отметил, что это как раз и есть частный случай такой философии, мол, если не могу купить нормальную машину, надо внушить себе и другим, что «Лада» ничем не хуже «мерса», а по некоторым параметрам лучше. Ценой, например. При этом опускается тот факт, что для своего качества «Лада» жутко дорогая машина – ей красная цена в базарный день тысячи четыре, а продают ее за все шесть. Такая вот арифметика.

Вскоре Катя поймала машину – выдавшую виды «Вольво». Мне предложила занять место на заднем сиденье, а сама устроилась спереди, рядом с водителем.

– На улицу Вильгельма Пика, – назвала она адрес. – К северному входу ВВЦ.

Конечно, ехать на машине было куда приятнее, чем в вагоне метро. Я немного расслабился, откинулся на спинку сиденья и любовался видами через окно. Несмотря на дождь, Москва выглядела празднично, но я знал, что это просто от непривычки путешествовать по поверхности. Сверху Москва воспринимается совершенно иначе, нежели из-под земли. Для пассажиров метро она имеет вид окрестностей разных станций, а для тех, кто ездит в машинах, город приобретает некую целостность. Причем это имеет не столько географическое, сколько психологическое значение. Начиная воспринимать цельность города, ощущаешь цельность мира вообще, поскольку для жителя мегаполиса город представляет собой если не весь мир, то огромную, а главное – постоянную его часть. Гриша, к примеру, похвастался, что, как купил машину, сразу пошел в гору. Для меня в этом не было ничего удивительного. Хуже было то, что и сукой он тоже стал, причем редкостной. Ну зачем выключать мобилу? Неужели трудно ответить по-человечески, что нет, дескать, возможности устроить на работу. Я бы понял. А если бы сразу не выделялся, если бы честно признал, что на его мнение там не сильно опираются, я бы вообще не выезжал из дома и не тратил бы проходку в метро. Правда, тогда мне бы не выпал шанс немного подзаработать.

Когда водитель нас довез и мы выбрались из машины, я запоздало спросил:

– Кать, а сколько за это платят? Ну, за съемку в рекламе?

Честно говоря, я не имел ни малейшего представления о расценках в этом бизнесе. Судя по журнальным статьям, модели получали очень много, ездили на лимузинах и жили в шикарных квартирах. Однако я отдавал себе отчет в том, что за разовую работу никаких головокружительных гонораров не будет. Дадут долларов триста – и то хорошо.

– Ну, обычно башляют тысячу, – ответила она. – Иногда бывает и полторы, если поработаешь хорошо. Это только кажется, что работа легкая, а на самом деле не такой уж и сахар. Лампы шпарят в лицо, жарыща, грима на лице вот такой слой. – Она широко развела пальцы.

«Ничего себе! – думал я между тем. – Тысяча баксов! Да на войне мне за три месяца столько не прилетало!»

Однако что-то меня насторожило. То есть тысяча долларов соответствовала моим представлениям о заработках в рекламном бизнесе, но такая сумма была все же великоватой для первого встречного. Отсюда можно было предположить другие единицы измерения этой тысячи, а именно – рубли. Тогда получалось до неприличия мало.

Если так, то схема разводки у меня более или менее вырисовывалась. Получалось, что меня хотели развести не на деньги, а на бесплатную работу. Не совсем, конечно, бесплатную, но стоящую значительно больше, чем за нее собирались платить. И Катя в таком случае выполняла те функции, которые я ей с самого начала приписал, – она искала и привозила лохов. В данном случае меня. Наконец до меня дошло, что именно не стыковалось в истории моей нанимательницы. Ну на кой черт надо было ехать к этому Алику? Его что, нельзя было вызвать на студию по телефону? Вообще дураком надо быть, чтобы попасть на такую удочку.

Ощущать себя лохом было в высшей степени неприятно. Но здесь была не война, здесь были совершенно другие условия, здесь сила, ловкость и боевые навыки, по сути, не значили вообще ничего. Зато на первый план выходили хитрость, умение пользоваться чужими слабостями и знание расстановки сил. В общем, тоже боевые навыки, но несколько иного порядка.

С другой стороны, даже поняв суть разводки, я не собирался уходить. В моем нынешнем положении и тысяча рублей здорово бы меня поддержала. Короче, условия мне подходили в любом случае, так что я решил не уточнять, в рублях или в долларах измеряла гонорар Катя. Еще я подумал, что она, скорее всего, получает проценты от такой вербовки.

Фирма оказалась в здании киностудии имени Горького. На вахте охранник осмотрел мой паспорт и записал в журнал посещений. Катю он хоть и знал в лицо, но пропуск посмотрел. Через минуту мы уже спускались по лестнице в подвал. Пахло сыростью, снизу доносились гулкие голоса.

– Мы тут арендуем помещение для студии, – на ходу объясняла Катя. – Ну, в смысле Ирокез с командой.

– Помещение студии, где снимают рекламу, я представлял себе более презентабельным.

– На основании чего? – усмехнулась моя новая знакомая.

Этот вопрос поставил меня в тупик. А действительно, на основании чего люди делают заключения о том, чего никогда не видели? Получают информацию от знакомых? Нет, среди моих приятелей не было никого, кто бы работал в рекламном бизнесе. Из газет? Но я не мог вспомнить, чтобы читал статью о чем-то подобном. В конце концов, мне пришло в голову, что существует такой источник информации, как усредненное общественное мнение. Тысячи людей что-то видят, что-то слышат, с кем-то знакомы, затем они передают чуть искаженную информацию другим, она распространяется все дальше и дальше, все более искажаясь. Однако когда на ее пути встречается знающий человек, он корректирует информацию, вследствие чего искажения усредняются и, в конце концов, не превышают каких-то предельных значений. В результате получалось, что чем больше в обществе людей, обладающих достоверной информацией о чем-либо, тем более точным на этот счет можно считать общественное мнение. А сколько людей, в процентном отношении, задействовано в производстве телевизионной или журнальной рекламы? Единицы, если сравнивать с общей людской массой в Москве. А если по

России смотреть, так эта цифра вообще исчезающе мала. Так откуда же взяться достоверной информации? Правда, все равно я не думал, что ролики о шикарных яхтах и дорогих машинах клепают в каком-то сыром подвале.

Тут меня осенило.

«Так вот откуда в общественном сознании мнение о рекламном бизнесе! – подумал я. – Из самой рекламы! Если загорелые модели пьют дорогое пиво на шикарной яхте, значит, и в реальности жизнь у них не менее шикарная. Человек рефлекторно верит движущемуся изображению, вот в чем дело».

Довольный догадкой, я догнал Катеньку в коридоре. Там, кстати, было не так убого, как на лестнице. А студия, куда мы попали, еще более соответствовала моим представлениям. Там были дорогие, как я думал, осветительные прожектора, белые экраны и штативы. На кожаном диване сидели трое тощих парней в кричащих нарядах и девушка возраста Кати. Она хмуро курила, стряхивая пепел в переполненную пепельницу. Макияж на ее лице показался мне ужасным – темно-коричневые тени над глазами, яркая помада, откровенно накладные ресницы и румяна как у царевны Несмеяны. Прическа тоже та еще – включенные крысиные хвостики, намазанные гелем для сохранения отвратительной формы. Мало того, волосы были неравномерно выкрашены в синий цвет. Рядом на столике валялись три пустые пачки от сигарет «Парламент» и пластиковая бутылка с остатками «Спрайта».

– О! Явилась! – Увидев Катю, Несмеяна вскочила с дивана. – А где Алик? И что это за хмырь с тобой?

– У Алика аппендицит.

– Очень вовремя. Ты этого типа вместо Алика притащила? В каком бомжовнике ты его выцепила? Мля, ну и прическа...

Она подошла ко мне и бесцеремонно ухватила за волосы, словно пробуя их на прочность. Я был так шокирован, что вообще не отреагировал.

– На хер... – Несмеяна безнадежно махнула рукой и снова уселась на диван. – Я с такими волосами работать не буду. Сейчас Веник придет, будешь с ним объясняться.

Один из парней наблюдал за мной искоса, стараясь явно не показывать интерес. Заметив мой взгляд, он нарочито отвернулся, и воцарилась тишина.

Я стоял, совершенно не представляя, как поступить в столь по-идиотски сложившейся ситуации. Вообще-то самым разумным было просто развернуться и уйти, не обращая ни на кого внимания, но два соображения меня останавливали.

Во-первых, я не терял надежды получить свои деньги. Точнее, не просто получить, а честно их отработать. Мне казалось, что Катенька заслуживает во много раз большего доверия, нежели раскрашенная и расфуфыренная Несмеяна. Ну и что, если она недовольна? Приедет Веник-Ирокез и все расставит по местам.

Во-вторых... Это не так просто понять гражданским, но не уходил я еще потому, что не получил на это команду. Смешно? Мне не очень. Когда от правильных действий командира зависит и его, и твоя шкура, когда он с десятков раз вытягивал твою задницу из зубов смерти, способность подчиняться у тебя прорастает в спинной мозг, закрепляется там и руководит тобой, как некий модуль, влияние которого не обойти.

Ну, не то чтобы я вообще не мог шагу ступить без команды, как дрессированная собака, но, попадая в ситуацию, когда мои отношения с человеком складываются на основе некоторой иерархии, я невольно, не особенно отдавая в этом отчет, начинаю им либо командовать, либо ждать от него команды. Отстроиться от такого поведения не так просто, если раньше от этого напрямую зависела твоя жизнь. В общем, раз Катя меня сюда привела, то она должна была меня и отпустить. Или пресловутый Веник, которому, с ее же собственных слов, она подчинялась.

В результате минуты три я стоял, как столб, в полном молчании. Кроме Кати, на меня никто не обращал внимания, а ей, я видел, было неловко. Поэтому я тоже молчал, чтобы не подливать масла в огонь. Наконец у Несмеяны заиграла мобила.

– Это Веник, – буркнула она, глянув на экран. Затем приложила трубку к уху и сказала: – Да. Катя пришла. Нет, без Алика. Привела какого-то... с жуткими волосами. Хорошо. – Она отключила телефон и повесила в футляр на пояс. – Держитесь, – Несмеяна нехорошо усмехнулась. – Сейчас Веник приедет.

Один из парней протянул руку к пустой сигаретной пачке, потряс ее и тихо ругнулся.

– Не заплатит, – уверенно заявил другой. – На кой черт было вставать в такую рань? Лучше бы я к Бруно на съемки поехал.

– На съем, – усмехнулась парикмахерша-Несмеяна.

– Иди ты, – беззлобно огрызнулся парень.

Они еще переругивались, когда я услышал шаги в коридоре. Даже если бы я не знал, что Веник-Ирокез служил в армии, я бы все равно определил это по походке. Не знаю, мне кажется, что военного офицера или мента можно отличить и в плотной толпе на нудистском пляже. Он шагнул в студию молча, ни с кем не здороваясь, никому не кивнув. Снял кожаный плащ и повесил на вешалку. Волосы его были почти сухими – понятно было, что дождик лишь едва сбрызнул их, пока Веник шел от машины.

– Этот? – спросил он, не глядя на меня.

– Да, – ответила Несмеяна.

– А Катенька что же молчит?

– У Алика аппендицит, – подала голос моя новая знакомая.

– И что?

– Вы же сами учили проявлять разумную инициативу.

– Понятно. Но обратила ли ты внимание, что инициатива в этой фразе стоит на втором месте, а на первом – разумная? Я, знаешь ли, более чем уверен, что тащить в студию бомжа было в высшей степени неразумно. А ты?

– Но мне показалось, что этот человек подойдет не хуже, – попробовала оправдаться Катя.

– Когда кажется, надо креститься, – недобро ухмыльнулся Веник. – Ладно, с тобой мы позже поговорим. А сейчас проводи этого проходимца до выхода. Надеюсь, это не твой знакомый?

– Нет.

– Ну, тогда живо! Я что, должен еще тратить на это драгоценное рабочее время?

Сначала у меня была мысль возмутиться, но потом стало понятно – пустое. Ну что толку вступать в конфликт с человеком, которого я никогда больше не увижу? Да и с Катенькой мы вряд ли встретимся. Она легонько подтолкнула меня, и мы вышли в коридор.

В голове мелькнула странная мысль. Суть ее состояла в том, что иногда реальные события, происходящие вокруг, оказывают на человека меньшее влияние, чем сны. Взять к примеру мои военные приключения в залитом ливнем лесу. От них по крайней мере оставались заметки в тетради, а от этого случая не останется ничего. Я позлюсь немного, но ни Веник, ни Катя не окажут никакого влияния на мою дальнейшую жизнь. Они останутся теми же молекулами, которые хранят память о сновидениях.

– Извини, что все обломилось, – негромко сказала Катя.

– Ладно, – миролюбиво ответил я. – Твоей вины в этом точно нет.

– Если хочешь, можешь взять мои сигареты. Бабла в качестве компенсации не дам. У меня у самой зарплата под угрозой.

Она протянула мне начатую пачку «Винстона», и я решил не корчить из себя черт-те что – взял. На самом деле это было хоть что-то, по крайней мере лишние сутки не придется мучиться без курева. А там поглядим.

– Вообще-то я могу и сам добраться до выхода, – сказал я, подозревая, что Катя предпочла бы поскорее выяснить отношения с Веником.

– Жаль, что так получилось. – Она опустила глаза.

Мы секунду молча простояли на лестнице друг против друга, затем Катя решительно развернулась и сбежала вниз, скрывшись в коридоре. Я усмехнулся и направился к выходу. Однако не успел я добраться до охраняемого вахтером турникета, как меня бесцеремонно поймали за локоть. Я собирался было пустить-таки в ход крепкие армейские выражения, но, обернувшись, увидел перед собой женщину лет пятидесяти. Она была одета вполне прилично, не то что мымра Несмеяна. А может быть, ее одежда была для меня более привычной. Не знаю. Но как бы там ни было, ругаться мне сразу же расхотелось.

– Простите, – она была готова в любой момент снова меня удержать. – Вы кто?

– Меня пригласили на съемки, но я не прошел тест.

– Кто пригласил?

– Катенька. У них студия внизу.

– А... Понятно. Значит, Венику вы не подошли?

– Нет.

В ее устах кличка бывшего офицера прозвучала не очень естественно.

– Замечательно. Тогда я вам предложу работу у нас в студии. У нас расценки выше, да и передача намного солиднее. Зайдете побеседовать с продюсером?

– А деньги сразу дадите? – Мне понравились такие виражи случайностей.

– Если подойдете, то сразу после съемок.

– Ладно. Куда идти?

– Сюда. – На этот раз пришлось не спускаться, а подниматься по лестнице. – Меня зовут Зинаида Исайевна. Могу я узнать ваше имя?

– Александр Фролов.

– Москвич?

– Да.

– Кем работаете?

– Никем. Недавно уволился из Вооруженных сил.

– Староваты вы для призывника.

– Я офицер.

– А, извините. Кстати, вот и наш продюсер.

На лестничной клетке под пиктограммой, означающей место для курения, стоял тощий, гибкий, затянутый в черную кожу мужчина лет тридцати пяти. Его длинные волосы были завязаны на затылке в хвост, а совершенно круглые очки без оправы делали его похожим на спец-агента из японских мультфильмов.

– О! – он широко улыбнулся. – Зиночка, да ты молодец! Где раздобыла такую фактурную внешность?

– Представляешь, он чуть не ушел! Отвергнутый кандидат для одеколона, как я выяснила.

– Да, для одеколона слишком. А для нас... Удивительно! Я уж боялся, как бы не пришлось на рынке искать подходящую внешность.

– На рынке нельзя, – вздохнула Зинаида Исайевна.

– В том-то и беда. – Дождавшись, когда я подойду поближе, продюсер протянул мне руку и представился: – Кирилл.

Он лущился дружелюбием и энергией. Я ответил на рукопожатие и назвал свое имя.

– Нет, ну нам сегодня просто везет! – еще шире улыбнулся Кирилл. – И псевдоним придумать, скорее всего, не придется. У тебя много знакомых? Ну, на заводе, или где ты там работаешь?

– Нет. Я недавно вернулся с афганской границы. Бывший офицер.

– Ого... Да это не просто удача! Зина, премия тебе обеспечена. И тебя, дорогой, тоже не обидим. Пойдем, пойдем.

Он бросил окурок в хромированную урну и широкими шагами направился в полумрак коридора. Затем мы протиснулись в приоткрытую дверь, за которой оказалась студия – раз в десять больше той, что у Веника. Да и оборудование не сравнить – съемочные краны, множество камер на штативах, операторы за ними, осветители с прожекторами, два режиссера за огромным пультом.

– Скоро массовка подтянется, – Кирилл заметил, что студия произвела на меня впечатление. – А мы с тобой пока побеседуем. Роль у тебя непростая, так что надо подойти к работе вдумчиво. Готов?

– Вполне. Но если надо будет много говорить перед камерой, то я не большой специалист.

– Напротив, ты говоришь как надо. Артиста этому еще учить надо, а у тебя... В общем, расслабься пока.

Через всю студию он провел меня в кабинет, поражающий размерами. У нас в школе спортзал был такой же, если не меньше. Первое, что бросилось в глаза, – полуметровая нефтяная вышка на письменном столе. Она сверкала желтым металлом, и я вполне серьезно подумал, что это украшение может оказаться из чистого золота. Сам стол тоже был не из магазина «Шатура» – массивная конструкция из черного дерева с инкрустациями в виде знаков зодиака. Один этот стол, наверное, стоил больше, чем «БМВ» Гришани. По крайней мере, выглядел он точно внушительнее. На нем вполне естественно, чуть ли не скромно, выглядел компьютерный монитор почти метр в диагонали. Да и ворсистый ковер под ногами после такого стола тоже не поражал воображение. А что касается картин на стенах, то мало у кого возник бы вопрос по поводу их подлинности и художественной ценности, хотя я в этом совершенно не разбирался.

– Садись, – Кирилл небрежно махнул рукой, указывая на ряд кожаных кресел вдоль окон. – И давай начнем с главного. Знакомых у тебя, говоришь, мало?

– Буквально три человека.

– Хорошо. А в лотерею ты играешь?

– Нет. Во-первых, я не такой придурок, чтобы тягаться с мафией в азартные игры. Во-вторых, просто не до того было в силу специфики профессии.

– При штабе служил? – он окинул взглядом мою фигуру.

– Да, писарем, – вспомнил я фразу из фильма «Брат».

– Понятно, – хозяин кабинета понимающе улыбнулся. – Ну, троих знакомых мы как-нибудь переживем. Значит, так, дорогой: будешь сегодня играть счастливчика, выигравшего машину в лотерею. Как тебе роль?

– Нормально. А настоящий счастливчик? У него тоже внезапный аппендицит?

– Ценю твое чувство юмора, – за тонкими стеклами очков в глазах Кирилла мелькнул стальной отблеск. – Значит, так. Чтобы народ покупал лотерейные билеты, он должен думать, что хоть кто-то выигрывает не как они – сто рублей на тысячу вложенных, а сразу и много. Эдакий аналог американской мечты, адаптированный к тяжелым российским условиям. Однако каждую неделю вручать кому-нибудь по машине мы, понятно, не можем. Даже эта сраная «Лада», которую мы, типа, разыгрываем, составляет примерно десятую часть рекламного бюджета за неделю. Думаешь, лотерея много приносит ее создателям? Одни эфиры, дорогой, стоят столько, что съедают львиную часть прибыли. А без рекламы никак. Вот на тебя даже реклама не действует, хотя в карманах пусто, а у кого есть копейка, тем вообще каждый день надо

вдалбливать идею быстрого и беспроblemного обогащения. Так что, если бы ты был игроком, я бы тебя отпустил. Понимаешь причину?

– Чтобы не болтал потом.

Кирилл интеллигентно рассмеялся.

– Знаешь, дорогой, вот за это я меньше всего боюсь. Все, что ты можешь разболтать, каждую неделю пишут в желтой прессе, причем мы же сами эти статьи и финансируем. Народ ведь знает, что желтым газетам доверять нельзя, вот мы и вычлeняем народные догадки о реальности, облекаем их в усредненную форму и публикуем в «Мегаполисе» или «Экспресс-Газете».

– Забавно. – Я усмехнулся, хотя всего пару недель назад, скорее всего, дал бы этому Кириллу в морду прямо в кабинете.

А сейчас у меня не было такого желания. И что самое странное, Кирилл меня совершенно не боялся. Почему? Ведь внешне я за три недели не изменился! Или изменился? Этот вопрос меня поставил в тупик и занял внимание больше, чем объяснения о том, как надо дурить народ.

– Ну, если забавно, то у тебя с психикой все в порядке. – Стальной блеск в глазах Кирилла не пропал. – Тогда поговорим о частностях. Если знакомых у тебя мало, то сниматься будешь под собственным именем. Вид у тебя достаточно лоховской, не обижайся, так что играть особенно не придется. Понимаешь, народ должен увидеть в тебе своего, у него должна возникнуть иллюзия, что каждый из них мог быть на твоём месте. И скорее всего будет, если продолжит покупать билеты. Эта мысль – главное, для чего мы снимаем. Теперь слушай свою легенду. Ты работаешь сторожем на автостоянке. В прошлый розыгрыш ты выиграл машину. Мы тебя пригласили в студию, вручить ключи. Чтобы не переигрывать, просто представь, что все это взаправду. Ну как бы ты себя вел, если бы на самом деле выиграл машину.

– Тогда мне бы денег для достоверности.

– Умно. – Стальной блеск в глазах Кирилла начал угасать. – Сразу после съемок получишь сто баксов. Вдвое больше, чем Веник бы тебе заплатил.

– Сто пятьдесят, – спокойно ответил я.

Мне важна была не сама по себе прибавка, а принцип. Просто взять больше, чем мне собирались дать. Хотя Кирилл мог просто меня выгнать, но что-то мне подсказывало – не станет.

– Хорошо. Сто пятьдесят, – кивнул он. – Вот тебе текст. Вопросы ведущего и что ты должен на них отвечать. Идем, я тебя отдам в руки гримеров, а потом вызубришь, тут немного.

В следующие полчаса я понял, почему Катя говорила, что работа не сахар. Я и на женщинах косметику не особо любил, а на мужчинах она мне казалась абсурдной. Давать же накладывать ее на себя... В общем, мне это стоило немалых усилий.

На протяжении всей экзекуции Кирилл внимательно наблюдал, как я реагирую.

«Диссертацию он собирается писать, что ли? – зло подумал я, косясь на него. – Еще один психолог, мать его!»

Наконец я не выдержал и спросил:

– Зачем эта штукатурка, если вы хотите показать сторожа с автостоянки? Где вы видели сторожа с подведенными ресницами?

– Не гунди, дорогой, – улыбнулся Кирилл. – Жизнь на экране – всего лишь иллюзия. А я, можно сказать, император этих иллюзий. А? Как тебе аналогия? Так вот, я в этом бизнесе уже десять лет и знаю, что иллюзия, чтобы быть похожей на правду, должна очень от нее отличаться. К тому же есть чисто технические проблемы. Свет, например. Прожектора настолько яркие, что если не прибить блеск лица пудрой, то на экране твоя морда будет выглядеть сплошным белым пятном. В общем, те физиономии, которые ты видишь на экране, всегда нарисованы. Настоящее лицо камера просто не снимет, это тебе не «Сапоп» за тысячу долларов. Правда, все, что снято «Сапоп», ты по телевизору и не покажешь. Видел документальные съемки чеченских боевиков в новостях? Сильно отличаются от того, как снят диктор в этих

же новостях? Вот то-то. Наши камеры стоят десятки тысяч, выдают мельчайшие подробности, но нуждаются в хорошем свете и требовательны к гриму.

Мне оставалось только умолкнуть и терпеть дальше. В конце концов у меня на лице образовался двухмиллиметровый слой из нескольких тональных кремов и пудры, на ресницах ощущалась тяжесть туши, а на губах, что казалось самым отвратительным, вкус губной помады. Однако в зеркале это выглядело не так плохо, как я думал. Лицо, хоть и являлось по сути маской, было очень похоже на мое собственное, только намного темнее и контрастнее. Визажисты дело знали.

– Пойдем, – кивнул Кирилл.

Мы направились в студию.

– Самое главное – адаптироваться к прожекторам, – инструктировал он меня на ходу. – Постоишь немного, привыкнешь, чтобы не шуриться. Бить они будут прямо в глаза, так что прояви мужество. Свет должен существовать только для оператора и уж никак не для зрителя. Понял?

– Попробую.

Он поставил меня на подиум рядом с новенькой белой «Ладой». Поток света от прожекторов был физически ощутим, и, как я ни старался, все равно сощурился.

– Ничего, – успокоил меня Кирилл. – Пстой немного, почитай бумажку, что я тебе дал, заодно выучишь. Только вслух, в полный нормальный голос. Звукорежиссер заодно аппаратуру настроит, а ты перестанешь стесняться.

Я вынул из кармана бумажку и принялся читать вслух. Текст там был следующего содержания.

«Ведущий: „Вы довольны?“ Ответ: „Да. Моя теща умрет от радости“.

К моему удивлению, никто не улыбнулся, а напротив, началась сосредоточенная работа – операторы двинули камеры по рельсам, звукорежиссеры склонились над пультом, осветители поймали меня в фокус прожекторов. Это придало сил, и я начал читать дальше. И чем больше читал, тем большей галиматией мне это казалось. Вскоре глаза адаптировались к яркому свету, и я перестал шуриться.

– Все! – Кирилл поднял руку. – Стоп! Заводите массовку.

Массовка в моем понимании – человек сто, но в зал ввели всего два десятка людей. Большинство было молодыми людьми и девушками, скорее всего студентами театрального вуза, лишь несколько статистов, точнее, статисток имели фактурную «народную» внешность. Одна женщина была тучной и рыхлой, другая наоборот – дамочка крепкая и худая, похожая на усредненный образ кассирши продуктового магазина. Были и трое мужчин. Один выделялся запояющейся клетчатой кепкой, двое других – пиджаками с Черкизовского рынка.

Когда Зинаида рассадилась всех по одной ей понятной схеме, операторы тут же придвинули к группке несколько камер. Я удивился, поскольку каждый раз, когда мне доводилось видеть розыгрыш лотереи по телевизору, там в студии было гораздо большее количество зрителей.

И тут же новая мысль мелькнула у меня в голове, заставив улыбнуться. Розыгрыш лотереи и розыгрыш лохов прочно объединились у меня в сознании в один сплошной бесцеремонный розыгрыш.

«И сам я участвую в этом розыгрыше! – подумал я почти без эмоций. – При мне разыгрывают лотерею, а я разыгрываю всю страну перед камерой».

Однако это не побудило меня уйти, хотя такой способ заработка мне самому отнюдь не представлялся честным.

«Один раз – не пидорас, – успокоил я сам себя. – Где я еще денег возьму? Не на большую же дорогу идти!»

Невольно в памяти всплыли кадры из «Звездных войн», где Оби Ван наставлял молодого Люка. Если один раз ступишь на темную сторону Силы, то она уже не отпустит тебя. Эту мысль я прогнал, она была мне сейчас невыгодна.

Наконец Кирилл скомандовал начать съемку. Меня усадили в первом ряду среди массовой, а на подиум поднялся загримированный еще плотнее меня популярный телеведущий. Его лицо из-за темного тонального крема походило на лицо мумии, однако я вспомнил, как оно выглядит на экране, и успокоился.

Ведущий что-то лопотал, с ним сделали несколько дублей, пробовали разные варианты текста. Затем позвали меня. К тому времени я устал от духоты и нервного напряжения, устал беспокоиться о том, смогу ли справиться с этой работой. В общем, я находился в более чем заторможенном состоянии. Меня подвели к машине, и я смотрел на нее как баран на новые ворота.

«Выгонят, – думал я, пока ведущий рассказывал мою биографию. – Выгонят и не заплатят».

Наверное, о том же каждый раз думает проститутка, лежа под клиентом. Выгонят или заплатят? Потому что они и нанимаются к сутенерам – чтобы платили, а не выгоняли.

Наконец мне всучили ключи.

– Вы довольны? – спросил ведущий.

– Невероятно, – ответил я, сообразив, что данный Кириллом текст полностью выветрился из головы. – Честно говоря, я не очень даже надеялся. Ну, думал, выиграю немного... А тут – целый автомобиль. – Я вспомнил про тещу и добавил: – Теща, кстати, тоже обрадуется.

Массовка по команде Кирилла разразилась аплодисментами.

– Что вы можете посоветовать зрителям?

Я задумался, пытаюсь вспомнить формулировку с бумажки, но быстро понял, что не смогу. Тогда выдал:

– Когда выиграете машину, не нарушайте правила. Потому что лучше купить еще лотерейных билетов, чем платить штрафы инспекторам.

Краем глаза я заметил, как Кирилл показал мне вытянутый вверх большой палец, совсем как Андрей в сегодняшнем сне.

Вскоре начали гаснуть прожектора, а массовка выстроилась в очередь за деньгами, которые выдавала Зинаида Исаяевна. Кирилл подошел и хлопнул меня по плечу.

– Ну ты выдал, дорогой! Премию заработал. Прирожденный артист!

– Да я же стоял как чучело. – Почему-то похвала вызвала у меня приступ смущения. – И текст забыл.

– Чучело от тебя и требовалось, а насчет текста расслабься. Твой спич о штрафах на выигранной машине был воистину гениален. Ты что, правда при штабе работал писарем?

– Да, – не моргнув глазом соврал я, не представляя зачем.

– И что писал?

– Речи для начальства на праздники.

– Заметно. А для нас хочешь речи писать? Мой сценарист бухает как сапожник, совершенно от рук отбился. Ничего, кроме мертвой тещи, придумать не может, это она его достала, наверное. Кабинет тебе дам.

– А зарплата?

– Зарплата, дорогой, на заводе. У нас коммунистический принцип – каждому по труду, от каждого сколько сумеем выжать. Вот тебе три сотни. – Он достал из кармана три сто долларовые бумажки. – Сто пятьдесят, как договаривались, и столько же премии. Месяц поработаешь на испытательном сроке, в конце выдам тебе шестьсот. Ну? А там поглядим.

От такого предложения было трудно отказаться. Хотя, если честно, я не был уверен, что стоит ввязываться в дело, в котором я не смыслил ровным счетом ничего. Что с того, что много

лет назад, в армейской учебке, я действительно написал пару речей для праздника? То было дилетантство чистой воды, просто повод, чтобы увильнуть от покраски забора. Здесь же все было иначе – другие люди, другая ответственность. Хотя и деньги другие.

В конце концов у меня в голове произошло нечто вроде короткого замыкания. Я вдруг понял, что все сомнения по поводу новой работы лишены всякого смысла. Почему? Да все очень просто. Что может с человеком случиться самого плохого? Он может быть покалечен или убит. Хуже ничего не бывает. В принципе ничем таким назначение сценаристом к Кириллу не грозило.

Но даже если пойти дальше, даже если представить, что я не справлюсь с работой, что меня поставят на счетчик, вывезут в лес, покалечат или убьют, даже если представить самое худшее, то все равно получалось, что... Мне ведь уже грозило все это! И ничего, справлялся. На войне меня могли убить или покалечить. За триста долларов в месяц. За триста! А тут мне предлагали шестьсот. Причем каждодневная работа предлагалась более легкая. Не надо таскать на себе шестнадцатикилограммовую снайперку, не надо мокнуть в дождь и страдать от жажды в жару. Не надо кормить комаров в засаде, не надо каждый день видеть, как гибнут друзья. Надо просто приходить на работу и придумывать строчки текста. И в самом худшем случае меня, так же как на войне, могли покалечить или убить. Но за шестьсот долларов, а не за триста. Так о чем же я беспокоился?

– Согласен, – кивнул я.

– Но спуску не дам, – сощурился Кирилл.

– Не нуждаюсь. Начинать работу сейчас?

– Нет. Сегодня к одиннадцати вечера будь на вахте. Тебе выпишут постоянный пропуск.

А пока свободен, писарь.

– Не понял... Что значит к одиннадцати вечера? Почему не завтра с утра?

– Вопросов много. Ответы простые. Обычно днем здесь работают другие люди. Сегодня исключение. Считай, что тебе повезло, а то бы мы никак с тобой не встретились. В общем, работаем ночью, пишем тексты, записываем звук, монтируем. Снимаем чаще всего тоже ночью, но иногда днем. Достаточно?

– Да. – Я пожал плечами.

Он развернулся и направился в сторону кабинета, временно забыв о моем существовании.

«Раз уж сегодняшний день начался такими бурными переменами, – подумал я, покидая студию, – надо бы выжать из него все, что можно».

Эта идея возникла у меня не на пустом месте. Теперь у меня в кармане было и на кино, и на вечер. Странно, но мне захотелось провести его с Катей, хотя она точно была не в моем вкусе. Не знаю, почему именно с ней. Может, потому, что этот удивительный день начался с нее?

Не глядя на вахтера, я пересек вестибюль и быстрым шагом спустился по лестнице. Однако, почти добравшись до студии Веника, я замер в нерешительности. Вряд ли меня там ждут. Катя наверняка получила приличный нагоняй, и сегодня ей не до романтического времяпрепровождения. К тому же Веник может на меня наорать, увидев второй раз, а я не удержусь и срублю его. Тогда меня вышвырнет охранник и вечером возникнут проблемы с получением пропуска. Зачем Кириллу сценарист-дебошир? Нет. Постоянный риск на войне приучил меня не пренебрегать случайностями. Получение работы на студии было именно случайностью, точнее, цепью совпадений. Подобные цепи я рвать не решался. Это было нечто вроде суеверия, но оно оправдывалось практикой.

В общем, я тихонько, стараясь не выдать себя звуком шагов, поднялся наверх и вышел на улицу. Надо было сдать доллары, чтобы взять такси.

Глава вторая

Выгодное предложение

Добравшись до дома, я накупил продуктов, взял блок «Честера» и решил предаться чревоугодию. Полученных денег при моем уровне трат должно было хватить месяца на три. Это оказалось сильнейшим средством борьбы со стрессом – более сильным и эффективным, чем прием алкоголя. Так что выпивать я не стал. Как-то не ощутил надобности, хотя и было что отметить.

Я немного попялился в телевизор, посмотрел «Самолет президента» с Гаррисоном Фордом и понял, что ждать вечера глупо, – лучше лечь спать. В этом был резон – выспаться и не проспять на работу. Страховки ради я отыскал давно заброшенный механический будильник, оставшийся от родителей вместе с квартирой, завел и поставил возле дивана. Он тикал сухо и громко, даже в некоторой степени угрожающе. Как часовой механизм взрывного устройства. Но, как ни странно, это помогло мне уснуть, несмотря на дневной свет, пробивающийся через шторы.

...Дождь падал лавиной из низких туч, цеплявшихся за верхушки деревьев. Подбитый БТР опаленной глыбой увяз в грязи, но уже не горел – ливень погасил уставшее пламя. Дымом, однако, все равно воняло, но больше от леса, в вышине он еще полыхал после обстрела, несмотря на жуткую сырость.

– Попали мы, – сплюнул Андрей. – От колонны отстали, БТР сгорел...

– Сигареты опять промокли, – добавил я, вытряхивая из кармана табачное месиво.

– Что значит «опять»? – корректировщик подозрительно на меня покосился, так что я решил промолчать.

– Ребят жалко, – на полном серьезе заявил Цуцык, закончив осмотр останков бронетранспортера.

«Неужели они не понимают, что это сон? – подумал я. – Быть ведь такого не может! Надо будет с Андреем поговорить наедине при возможности».

– А вы жаловались, что пришлось на броне мокнуть, – пробурчал Андрей.

Ирина-Искорка молча сидела на корточках, положив легкую снайперку на колени. Дождь промочил ее волосы, струйки воды ползли по щекам, оставляя следы на забрызганной грязью коже. Кажется, она плакала, но я не был уверен. Дождь перестал хлестать и принялся капать, стало немного светлее.

– Что будем делать? – спросил Цуцык у корректировщика.

– Хрен его знает. Тут вообще что-нибудь есть кроме этой дороги и леса? Пешком догонять колонну нет ни малейшего смысла, я тебя уверяю. Рации у нас тоже нет. Через лес вряд ли пройдем, там болотина.

Я обратил внимание, что с нами нет Зверева, хотя в прошлом сне он присутствовал. Однако никто, кроме меня, его отсутствия не замечал, и я не стал выяснять подробности.

– Надо ждать, – негромко сказала Искорка и смахнула капли с лица. – Командир колонны поймет, что мы отстали, не сможет установить связь с БТРом и вышлет подмогу. Больше ничего мы не сможем сделать.

– Тогда надо искать укрытие. – Цуцык оглядел окрестности. – В БТР мне лезть что-то не хочется. Но если останемся под дождем, нас к приходу помощи просто размочит.

Неожиданно я услышал позади на дороге рев мощного дизеля. Услышал не только я, потому что все обернулись почти одновременно.

– На обочину! – выкрикнул Андрей.

Мы кубарем посыпались в грязь, приводя оружие в боеспособное состояние. Прицел мне цеплять было некогда, так что я просто загнал патрон в тяжелую снайперку. Она хоть и однозарядная, но с калибром 12.7 можно многих повергнуть в ужас единственным выстрелом. Даже не очень прицельным. У Искорки винтовка полегче, калибр поменьше, но были у такого оружия другие достоинства. По крайней мере снарядить ее не дольше, чем обычный «калаш». А прицельность... В пятак можно с трехсот метров попасть при должной сноровке. А у Искорки сноровка была, в этом мы не раз убеждались.

Звук приближался с той стороны, откуда помощь подоспеть никак не могла, если эта чертова дорога, конечно, не замкнута в кольцо. Да и дизель не БТРовский.

– «Хаммер», – определил Андрей. – «Н1» в армейском варианте.

– Американцы, – шепнул Цуцык. – Может, подберут, докинут до наших.

Такое было возможно. Люди на этой раскисшей дороге питали друг к другу почти братские чувства вне зависимости от национальности. Воевать-то приходилось против общего врага – странного и непонятного. В прошлых снах нам, например, приходилось взаимодействовать с французской авиацией и американской бронетехникой.

Однако могло быть и другое. Например, однажды мы попали в засаду на этой дороге. Первый БТР подорвался на мощной термической mine, за секунду превратившись в лужу расплавленной брони, а по остальным начали молотить автоматические плазмоганы, не давая мотопехоте высунуться наружу. Нам пришлось залечь под днище и по возможности отстреливаться из автоматов. Но нас крепко прижали к земле. И тут подоспела подмога – мы увидели приближающийся с тыла танк «Т-80». Чьего подразделения это была машина, нас не волновало совершенно – лишь бы танк. С ним у нас появился неплохой шанс продвинуться дальше, поскольку без всякой мотопехоты танк мог разворотить огневую точку противника из главного калибра. Он приблизился, занял позицию, опустил пушку...

Только стрелять начал не по противнику, а по нас. И не снарядами. Точнее, снарядами, но не теми, к каким мы привыкли. В нем что-то завывало, и он с огромной скоростью начал выплевывать из жерла пушки заостренные металлические цилиндры. Они легко пробивали броню БТРов, влетали внутрь и грохотали там многочисленными рикошетами, превращая все живое в окровавленный мясной фарш. БТР, под которым мы укрывались, загорелся, и нам пришлось броситься врассыпную. Я видел, как раскаленный цилиндр в ключья разорвал Игоря, как напололам разнесло Цуцыка, но он, лишившись тела ниже пояса, все равно пытался ползти. А потом накрыло меня. Проснувшись, я занес в тетрадку новую статейку о том, что техника противника способна мимикрировать под нашу, подходить с тыла и выкидывать прочие подлые штучки.

Так что в этот раз, несмотря на гул в общем-то человеческого мотора, мы были готовы встретить врага. Через минуту из-за поворота показался «Хаммер» с тяжелым пулеметом на крыше. Искорка сразу взяла на прицел лобовое стекло, за которым должен был находиться водитель, а я примерился пальнуть из «Рыси» в радиаторную решетку. Пуля 12.7 легко пробила бы не только радиатор, но и весь блок цилиндров, превратив мотор в груды металлолома. Цуцык сунул гранату в подствольник автомата. С дороги нас не могло быть видно без специального оборудования, но «Хаммер» тем не менее остановился. Из громкоговорителя на крыше донеслось по-русски с легким английским акцентом:

– Мы приехали сделать вам выгодное предложение. В вашем подразделении сейчас находится Александр Фролов, мы бы хотели с ним побеседовать.

– Ни фига себе, – тихонько присвистнул Андрей. – Это что-то новенькое. Пойдешь?

– Пойду. Любопытно очень, откуда меня знают америкосы и что им от меня надо. Прикрой.

Я протянул корректировщику винтовку, снял с предохранителя «стечкин» и выбрался из укрытия. Дождь усилился, к тому же сделался холоднее. У меня под камуфляжем забегали

мурашки по коже, по руке с отставленным в сторону пистолетом ручьем стекала вода. Может, кстати, мурашки были не только от холода и сырости. Очень уж напряженная обстановка сложилась – иду в полный рост неизвестно куда, прикрытый с тыла лишь потенциальным огнем товарищей. Когда я приблизился к «Хаммеру», стало видно, что внутри сидят люди. Это меня сильно успокоило, надо признаться. Один американец, в каске и полном снаряжении, открыл правую дверцу и прыгнул в грязь.

– Фролов? – спросил он.

– Так точно, – ответил я. – Александр Фролов.

– Вам следует проехать в наш штаб. Меня зовут лейтенант Хеберсон.

– Это что, арест? На каком основании?

– Нет, что вы! С вами хочет побеседовать один человек. Весьма важная персона. Он просил передать, что хочет сделать вам выгодное предложение.

– Забавно. А ребята? – Я коротко кивнул за спину, не упуская американца из вида.

– В ребятах нет ни малейшей необходимости. Их здесь нет, – спокойно ответил лейтенант.

Фраза прозвучала неожиданно, и ее смысл дошел до меня не сразу. А когда через секунду я понял, что именно он сказал, нервы мои в мгновение ока напряглись до предела.

Во-первых, я понял, что он не врет, что нереальность сна перескочила на какой-то иной уровень абсурда. Во-вторых, он достал из кармана не успевшую намокнуть сигару и прикурил ее от зажигалки. В залитом дождем лесу это было настоящим чудом, поскольку на моей памяти никому еще не удавалось сохранить здесь табак сухим. Точнее, он был мокрым сразу, как я начинал осознавать себя в таком сне. А тут – сигара и клуб дыма, запах которого показался мне восхитительным.

Я осторожно обернулся. Андрей, Искорка и Цуцык продолжали сидеть в укрытии, держа вздеход под прицелом.

– Что значит «их здесь нет»? – осторожно спросил я. – А там кто в кювете?

– А вы пойдите посмотрите, – улыбнулся американец, показав белоснежные зубы, которым табак, похоже, никак не вредил.

Я ощутил исходящий от него аромат одеколона, а порыв ветра донес от «Хаммера» запах солянки. У меня закружилась голова, так как я понял, что раньше во сне запахов не ощущал. Точнее, в снах были не запахи, а указания на них. Когда горел БТР, пахло горелым БТРом, когда стреляли, пахло порохом. Но посторонние запахи, без которых немислима жизнь, отсутствовали начисто, словно этот мир был стерильным. Но самое главное, от моих соратников не пахло ни потом, ни грубой кожей ботинок. Я не обращал на это никакого внимания, попросту не думал об этом, а сейчас обратил, поскольку от американца пахло и кожей, и одеколоном, и табаком.

Я показал лейтенанту спину и быстрым шагом направился к друзьям. Честно говоря, колени у меня при этом дрожали. Каким-то излишне реальным стал вдруг этот лес, дождь приобрел настоящую, а не символическую мокроту, а грязь оказалась скользкой и липкой – она сильно мешала идти. Ничего этого я раньше не замечал.

Пройдя несколько шагов, я понял, что имел в виду американец, когда говорил, что ребят нет. Все они не двигались. Нет, они не были мертвы! Что я, мертвых не видел? Они просто не двигались, словно невидимый киномеханик остановил пленку в аппарате. Дрожали ветви деревьев, летели тучи, падала с неба вода, пузырились лужи под ногами, а Цуцык, Искорка и Андрей пребывали в тех позах, в которых я их оставил. И ни от кого из них действительно ничем не пахло. Я тронул Цуцыка за плечо, но он никак не отреагировал.

– Что вы с ними сделали? – крикнул я американцу.

– Ничего. Успокойтесь, пожалуйста. Просто это не люди, а элементы очень сложного тренажера. Неужели вы не чувствуете странность этого сна?

– Чувствую.

– Тогда идите сюда. А эти... изображения мы сейчас выключим.

Он что-то крикнул по-английски, я услышал шипение рации в машине, и мои друзья вдруг начали терять плоть, истончаться, превращаться в призраков, а затем исчезли без всякого следа. Больше всего меня озадачило, что в грязи не осталось никаких следов.

– Так вы идете? – крикнул Хеберсон.

– Да!

Оскальзываясь, я выбрался из кювета и поспешил к урчащему «Хаммеру». У меня появилась надежда, что мне объяснят суть и значение происходящего. Это казалось очень важным.

– Прошу! – Лейтенант пропустил меня в кабину первым, затем сел вперед и захлопнул дверцу.

Кроме нас и водителя-сержанта, внутри никого больше не было. Уже устроившись на сиденье, я понял, что смотрю с пистолетом в руке по меньшей мере нелепо. Сунул его в кобуру. Жаль было оставлять винтовку, но это сработал скорее рефлекс, чем рассудок. Рассудком я понимал, что раз уж люди были элементами тренажера, то оружие и подавно. Теперь же, скорее всего, меня везли к начальнику этого тренажера. Забавно было бы на него посмотреть.

«Хаммер» развернулся на ухабах, взревел мотором и бодро разогнался, кидая колесами фонтаны грязи. Мне пришлось ухватиться за спинку переднего сиденья, чтобы не удариться подбородком. Упоминание тренажера объясняло многие странности моих снов. Например, ту, что на дороге я ни разу не попадал в одно место дважды. Наверное, у них там нечто вроде картриджей для детских компьютерных игр – поменял его, и меняется сюжет сна. Только почему картриджи такие однообразные? Все время дорога, все время дождь. Хоть бы ради приличия солнце рисовали время от времени. К тому же оставалось неясным, как хозяевам тренажера удалось вклинить мне в голову с этими картриджами. Это же голова, а не телевизор!

Забавно, какими логичными во сне кажутся самые невероятные чудеса. Вот я еду как ни в чем не бывало, пытаюсь анализировать бред, генерируемый моим же собственным мозгом. И при этом прекрасно понимаю, что сплю. Утром проснусь, запишу все в тетрадку... Зачем, интересно?

Я вздрогнул, осознав, что мысль о мире бодрствования впервые возникла у меня во сне. В реальности я часто вспоминал эти сны, но вот чтобы во сне реальность – никогда раньше. Однако сегодняшний сон с самого начала пошел не так, как остальные, похожие на него. Это же надо было такое выдумать! Бред высшего порядка – я думаю, что веду во сне боевые действия, а на самом деле некто обманывает мои органы чувств при помощи сложного тренажера, чтобы создать иллюзию боевых действий. Иллюзия во сне – это от души. Хотелось бы круче, как говорят, да некуда.

К моему удивлению, лес вскоре начал редеть. Никогда я не видел в этих местах, чтобы деревья становились реже или гуще. Обычно местность вокруг вообще не менялась. Менялась техника, менялись люди, иногда появлялись укрепленные холмы и здания у дороги, но местность и погода – никогда. А тут на тебе. Как по заказу. А скорее всего и не «как», а именно по заказу. Это ведь сон, не стоило забывать об этом и относиться к происходящему слишком серьезно. Что бы здесь ни произошло, оно никак не может повлиять на мою обычную жизнь. Что бы тут ни случилось, даже смерть не является исключением, все останется в прошлом с наступлением утра. В моем личном прошлом, как ни странно оперировать такими понятиями в отношении собственной смерти. Каждый человек, наверное, умирал во сне хоть однажды. Некоторые не однажды. А я что-то зачистил, хотя это и не сказывается на здоровье.

Еще меня позабавило, что о хозяевах тренажера я думаю как о посторонних людях, хотя именно мой мозг создал их из небытия вместе с лесом и тучами. От мысли, что кто-то мог залезть ко мне в голову и сгенерировать этот мир, как картинку на экране, я отказался. Не

то чтобы я не мог допустить такого, – если подумал, значит, уже допустил, – но подобное допущение сделало бы меня жертвой, а столь неловкую позицию занимать не хотелось.

Вскоре кончился дождь. Слабел, слабел, а потом прекратился совсем, причем меня это не очень удивило – я ждал чего-нибудь в этом роде. Тучи постепенно истончались, становилось светлее, и в конце концов в разрывах показалось солнце. Хорошо, что мы не видели этого раньше. Рейдеры и плазмоганы, термические мины и «ежи» – все это странно, конечно, но жаркое синее солнце в светло-зеленом небе вообще ни в какие ворота. От удивления у меня челюсть отвисла, но я закрыл рот, чтобы не выглядеть растяпой в случае, если лейтенант обернется.

– Солнце что, только здесь светит? – позволил я себе закономерный вопрос.

– Да, – серьезно ответил американец. – Вокруг базы расположены антиоблачные генераторы. Иначе никакие строения не выдерживают этого проклятого ливня, даже бетонные.

Я и подумать не мог, что у меня во сне так многогранно работает фантазия. Антиоблачные генераторы... Надо же такое придумать! Посмотрев вперед, я получил ответ на вопрос, мучивший меня как в снах, так и после пробуждения, – замкнута ли дорога в кольцо. Нет, замкнута она не была. Она начиналась, а может, кончалась у высоченных ворот огромного бетонного здания. Здание было безликим, иначе трудно сказать. Узенькие окошки, кажущиеся с расстояния едва заметными черточками на светло-коричневой стене. И ворота. Тоже прямо в стене – без всякой ограды. Грязная раздолбанная дорога упиралась прямым в темные, цвета застарелой ржавчины проклепанные створки. Здание имело форму правильного куба. Монолит, торчащий посреди красной глинистой равнины.

Колеса вездехода загрохотали по пересохшей почве. Грязь кончилась, солнце теперь шпарило так, что пришлось стянуть куртку и бросить ее на сиденье, оставшись в камуфляжной футболке. За нами тянулся в безветрии шлейф рыжей пыли.

– Это база. – Американец показал рукой на исполинский бетонный куб.

– Там кондиционеры хоть есть?

– Да, – ответил лейтенант. – Там комфортно. Внешний вид неказистый, но это техническая оболочка против непогоды и других внешних воздействий.

Он снял каску и бросил себе под ноги, растрепав пальцами примятые волосы. Одеколоном запахло сильнее.

По мере приближения бетонный саркофаг увеличивался в размере, нависал, а под конец затмил половину неба, упершись крышей в сияющую корону голубого солнца. Тень от него была ровной и резкой, как лезвие армейского ножа. Ворота при ближайшем рассмотрении оказались действительно ржавыми, склепанными из толстых стальных листов заклепками величиной с детскую голову. Я все не мог понять, что напоминает мне база, кроме черновыльского саркофага, но вдруг понял – древнеегипетский храм. Сходство было не столько внешнее, сколько эмоциональное, от совокупности резкого освещения, простирающейся пустыни и колоссальных, подавляющих размеров постройки.

В самом уголке правой створки ворот оказалась крохотная стальная дверца, высотой не более десяти метров и шириной метров шесть. «Хаммер» остановился перед ней, лейтенант выбрался наружу и прикурил погасшую сигару. Водитель достал сигарету из пачки.

– Можно? – я решил стрельнуть у него.

– What? – не понял меня сержант.

У меня вылетело из головы, что он мог не знать русского. Для сна это была столь нехарактерная ситуация, что у меня мурашки пробежали по коже, несмотря на жару. Мне пришлось жестами показать водителю, чего я хочу. Он улыбнулся и протянул пачку «Мальборо». Я взял. Мы вместе прикурили от его зажигалки.

Время от времени я и раньше общался с иностранцами, язык которых не знал. Преодоление языкового барьера, в зависимости от обстоятельств, происходило либо с помощью улыбок

и миролюбивых жестов, либо при помощи оружия и неприличных жестов. Сейчас был первый вариант, поэтому мы соревновались, кто шире растянет рот.

Недокурил я сигарету и на треть, как стальная дверь дрогнула и с легким гулом начала открываться. За ней оказалась непроницаемая темнота. Водитель стряхнул пепел и сел за руль, шурясь от дыма. Я вопросительно глянул на лейтенанта.

– Там можно курить?

– Сколько угодно! – ответил тот, усаживаясь следом за мной.

«Хаммер» заурчал мотором и с зажженными фарами въехал внутрь. Высоту потолка определить было невозможно, но, к моему удивлению, в коридоре вездеход едва протискивался, так было узко. Непонятно, зачем городить ворота такого размера, если внутрь ведет нора. В конце концов я списал это несоответствие на особенности собственного воображения. Во сне и не такая бредятина привидится.

Впереди забрезжил электрический свет, и я невольно вытянул шею. Дым от сигареты попал мне в глаз, заставив хорошенько проморгаться. Наконец по пологому пандусу мы въехали в то, что можно назвать гаражом, – огромное помещение, заставленное всевозможной техникой, как нашей, в смысле человеческой, так и чужой. Некоторых штукovin я раньше не видел, наверное, моя сонная фантазия теперь чем попало забивала пространство. Больше всего поразил металлический паук размером с овчарку, с легким плазмоганом на спине. Человеку там уместиться было не легче, чем в рейдере. Чужое железо я впервые видел так близко.

Водитель приткнул «Хаммер» на свободное место, и мы выбрались из машины. Лейтенант что-то по-английски сказал сержанту, тот козырнул и вскоре скрылся среди техники. Я отбросил окуроч.

– А нам в другую сторону. – Хеберсон улыбнулся и пригласил меня вслед за собой.

Пройдя через гараж, мы вскоре оказались перед решетчатыми дверями лифта. Они раздвинулись в стороны, мы шагнули внутрь, и лейтенант нажал одну единственную красную кнопку. Лифт дрогнул, поползли вниз бетонные перекрытия. Мы поднялись на шесть или пять уровней, когда американец сказал:

– А теперь я вынужден вас покинуть. Дальше сами.

Лифт остановился, двери поползли в стороны.

– Подождите! Я тут заблужусь!

– Не беспокойтесь. Вас встретят прямо у лифта.

Что-то меня напрягло в его словах и в том, как он их произнес. Нехорошее предчувствие возникло. Как ни странно, меня не успокоило даже то, что это всего лишь сон. Хеберсон махнул на прощание и скрылся за углом, двери стали на место, и лифт снова тронулся. Звуки были гулкими, эхо звонким и до нереальности отчетливым.

Я заметил, что постепенно, уровень за уровнем, становится все темнее. Это не прибавило мне положительных эмоций. Подчиняясь бредовой логике сна, я достал пистолет и перевел его на автоматический огонь. В темноте лучше бить очередь, больше шансов задеть цель хоть одной пулей. Говорят, что были в истории стрелки на звук, но мне их видеть что-то не приходилось. Из дробовика я бы и сам на звук пальнул не задумываясь, чего там – куча картечи. А вот пулей более чем сомнительно.

Наступила полная темнота, механизмы лифта продолжали гудеть, пол подрагивал под ногами. Вдруг громкий щелчок и остановка. Я услышал, как открываются двери. Приглядевшись, заметил, что темнота не полная – далеко впереди мерцает крохотная звездочка света. Но не успел я в нее взглянуть, как мне в глаза ударил тугой луч голубоватого света. Пришлось зажмуриться изо всех сил.

– Выходи, дорогой, – раздался чуть насмешливый голос, усиленный громкоговорителями. – Два шага вперед, не бойся.

Даже с пониманием, что это все сон, мне нелегко было шагнуть вперед. Представлялась бездна с металлическими зазубренными кольями внизу. Навязчиво представлялась.

– Это сон! – громко произнес я, направляясь в сторону источника света.

– Да, сон, сон. Только не кричи так.

Голос показался мне знакомым. Свет между тем начал тускнеть, и вскоре я уже смог поднять веки. Теперь я увидел собеседника, точнее, его силуэт – черную фигуру в кресле на фоне круглого светового пятна. Все, кроме этого пятна, находилось во мраке – ни стен, ни потолков.

– Александр Фролов... – голос сделался еще более насмешливым. – Уверен, что ты не имеешь ни малейшего представления, зачем тебя сюда привезли.

– Даже смутно не догадываюсь, – признался я. – Но это точно сон или вы копаетесь у меня в голове какими-то волнами или лучами?

– Сон. Несколько необычный, как ты можешь заметить, но именно сон. Кстати, с пистолетом поосторожней.

– Если это сон, то я могу спокойно пальнуть себе в голову и проснуться.

– Не совсем так.

– Ой, не надо, – я сунул пистолет в кобуру. – Я здесь уже умирал.

– Не здесь, а на тренажере, – поправил собеседник. – Есть существенная разница.

– Заметил. Тут солнце светит. А там везде дождь.

– Это, конечно, не Солнце.

– Я в общем смысле. А... Погодите, если не Солнце, то что? Другая планета?

– Замечательно! Триумф дедуктивного метода.

«Этот гад надо мной издевается», – зло подумал я.

– Да, другая планета. Нормально? – сказал он.

– Пока да. Вообще-то я заинтригован. И действительно не понимаю, в чем смысл происходящего.

– Все просто. Я хочу нанять тебя на работу.

От неожиданности я замер с отвисшей челюстью. Если собеседник меня видел, это наверняка доставило ему удовольствие.

– Нет уж, спасибо! Я еще во сне не работал! – мне оставалось лишь превратить это в шутку, пряча за смехом растерянность. – Раньше я днем лодырничал, тогда бы и нанимали. А теперь мне днем придется спать, а ночью работать, я уже устроился в хорошее место. Кажется, на полную ставку.

– Ты не понял... – Собеседник щелкнул пальцами, и свет за его спиной начал меркнуть.

Вместе с тем тьма в помещении стала разжижаться, я разглядел черные стены, черное кресло и человека, затянутого в черную кожу. Это был Кирилл.

– О! Все. Я просыпаюсь! – теперь я рассмеялся оттого, что мне действительно стало весело, а не для прикрытия растерянности. – Это бред на почве сегодняшних сумбурных событий. Ты меня один раз уже нанял. Заплатил денег...

– То был аванс, – спокойно ответил Кирилл, поправляя очки на носу.

– Это уж фиг! Я его отработал. Мне, черт побери, губы помадой мазали. Все! Все свободны!

Я хотел проснуться, но не знал, как это сделать. Разве что действительно пальнуть себе в лоб. Но рука не слушалась, не тянулась к пистолету. Нет, меня не заблокировали, просто я допустил на мгновение, что Кирилл не врет. Ни в чем. Даже в том, что здесь все иначе, чем в тренажере. Понять, какой вред может нанести мне попадание пули во сне, я представить не мог, но решил не экспериментировать. И это был самый страшный момент из всех моих снов. Страшнее, чем когда в ключья разорвало Искорку.

– Не спеши, – мой наниматель расплылся в улыбке. – Будильник зазвонит, тогда и закончим разговор. А пока давай без взбрыков. Ты хороший боец, Саша, а у нас тут война. Насколько я знаю, ты сетовал на то, что пришлось уйти со службы. В охранную фирму хотел устроиться. Так?

– Было дело, – сдался я. – Но что тебе от моих заслуг, если мы во сне?

Я подчеркнул обращение на «ты», чего в реальности сегодня позволить себе не мог, хотя мы с Кириллом были ровесниками. Он вновь усмехнулся. Так усмехнулся, что я понял – отсутствие разницы в возрасте между нами не имеет значения. Мне все равно придется называть его на «вы», пока он сам не захочет иначе. С этим было трудно смириться – и вовсе не из-за того, что я ощущал несправедливость в его превосходстве. Как раз напротив. Просто меня в который уж раз ткнули носом в то, что боевой опыт в мирной жизни ничего не значит. И неважно, что это сон! Тот, реальный Кирилл имел надо мной такое же превосходство. Он не ел тушенку в окопе, не сидел под дождем в засаде со снайперкой, не делал ничего из того, чем я гордился, возвратившись к гражданской жизни. Но он оказался, что называется, круче меня. А все дело в том, что у него здесь тоже была война, и он, в отличие от меня, сумел в ней стать победителем. Я получил осколки в живот, а он «Мерседес» и студию для съемок. О чем тут говорить? На войне командира можно назначить, но остается им в поле тот, кто реально умеет побеждать и за кем идут люди. Я, может, и был неплохим офицером, но, пока я там скакал под пулями, Кирилл отвоевал право нанять меня на работу. Какими бы способами он этого ни достиг, я вынужден был признать их честными. Потому что уж где-где, а на войне победителей точно не судят. Но хорошенько все обдумав, я решил-таки называть Кирилла на «ты». По крайней мере во сне.

– Какая разница, во сне мы или нет? – Кирилл перестал усмехаться. – Я хочу нанять тебя на работу за вполне реальные деньги.

– Что значит «за реальные»? – Он все же сумел меня заинтриговать.

– Очень просто. Работать будешь здесь, а деньги получать там. Более чем реальные.

– Там? Не во сне?

– Конечно. Думаешь, ты такой прямо талантливый сценарист, что тебя без рекомендаций взяли на крупную студию, работающую на телевидение? Знаешь, дорогой, сколько людей на твоём месте уже побывало? Примерно столько же, сколько розыгрышей различных лотерей прошло с середины девяностых годов. Поначалу людей просто вышвыривали после съемок. Позже платили долларов тридцать и тоже вышвыривали. А ты сразу отгреб три сотни. За красивые глаза?

– За что же тогда?

– За то, что ты очень хороший снайпер. За то, что ты сейчас не у дел. А мне как раз нужен хороший снайпер, умеющий обращаться с тяжелой крупнокалиберной винтовкой.

– Здесь?

– Да.

– А если я откажусь? Что будет с моими деньгами?

– Не знаю. Сто пятьдесят долларов ты заработал на съемках, так что ими ты распорядишься по собственному усмотрению. А вторая половина, полученная в качестве премии, пойдет коту под хвост. Может быть, их украдут, может, потратишь на какую-нибудь глупость.

– Очень интересно. – Я не знал, как на все это реагировать, верить или нет, принимать всерьез или плюнуть.

– И с работой на студии тоже придется распрощаться, – со вкусом добавил Кирилл. – Ты ведь не сценарист, понимаешь? Ты снайпер. И нужен ты мне именно как снайпер. Сценаристов я из училища пачку найму за копейки. За обещание карьеры. И будут работать.

– А снайперов мало?

– Тех, кто не у дел, действительно мало. Я не могу нанимать тех, кто служит. А кого мог, всех уже нанял. Здесь есть свои трудности с подбором кадров. К тому же тяжелая снайперка, ты же сам знаешь, вещь особая.

– Я остался последним, кого ты можешь нанять?

– Нет, конечно. В реальности идут войны, народ обучают, потом увольняют. И большинство попадает ко мне. Ну, те, конечно, кто того стоит. Пушечное мясо мне не нужно, мне нужны победители.

– Тогда это не ко мне.

– Хреново ты себя ценишь, Саша. Я погонял тебя на тренажере и теперь знаю тебя лучше, чем ты. Не вдаваясь в подробности, ты годишься. Дело лишь за твоим согласием.

– Так, хорошо, – мне надоело упираться впустую. – Давай поговорим об условиях.

– Условия очень простые. Ты воюешь здесь, а деньги получаешь там. Шесть сотен, как договаривались, в качестве сценариста и три тысячи за здешние подвиги в качестве снайпера.

– Долларов? – от неожиданности суммы я несколько опешил.

Это было в десять раз больше, чем я получал за реальную службу.

– Конечно. И это не предел, я тебя уверяю. Хеберсон вон младше тебя по званию, служит при штабе, чуть ли не писарем, а получает пять косарей на руки. С учетом того, что налогом такое жалованье не облагается даже в Америке, он весьма доволен. В России же это еще более приличные деньги. Но есть условие. Вообще-то я с него начал, но ты меня грубо прервал. Хорошо было бы, если бы в следующий раз ты так не поступал. Ладно?

– Субординация?

– Типа того. Так вот, дорогой, жалованье я тебе буду платить независимо от трудности задания, независимо от того, на базе ты будешь торчать несколько снов подряд или надрываться в тяжелых боях. Может, вообще ты мне здесь не будешь нужен и у тебя будут обыкновенные сны, без войны. Деньги ты будешь получать независимо от всего этого – каждый месяц. Но если погибнешь в бою – все. Кормушка захлопнется. Ты не получишь более ничего, и со студии тебя тоже уволят.

– А если не в бою?

– Нет разницы. Если хоть как-то умрешь во сне, я утрачу к тебе всякий интерес. Так что осмотришься поначалу, на амбразуры не кидайся.

– Понятно. Таким образом дается стимул халевщикам? – догадался я.

– И это тоже. Закон вступил в силу с момента встречи с лейтенантом Хеберсоном, поэтому я и не советовал тебе пускать себе пулю в лоб. В общем, мне нужны победители, а не смертники. И имя у тебя подходящее. Искандар.

– Да?

– Так персы называли Александра Македонского. Всю Ойкумену захватил, шельмец.

– Завидуешь? – я позволил себе усмехнуться.

– В общем-то нечему. Он в тридцать три года коньки отбросил. То ли от малярии, то ли от сифака. Да и именем я не вышел. Ладно, дорогой, скоро будильник зазвонит. Нужен твой ответ – да или нет.

– Кто со мной будет в команде?

– Хватит трепаться! – вспыхнул Кирилл. – Времени остались секунды.

– Ладно, согласен!

– Хорошо. Ты нанят. Звание остается прежним. Но нагрузка будет не только снайперская, здесь деньги зря не платят. В общем, разберешься. Только поосторожнее поначалу.

Наконец затрещал будильник. От его звука, усиленного громкоговорителями, дрогнули бетонные стены.

– Ну у тебя и машинка, – недовольно пробурчал Кирилл. – Мертвого поднимет.

Я вскочил с постели и шарахнул ладонью по кнопке будильника. Он крякнул и заткнулся. Я сел на край дивана и растрепал волосы – старый способ быстро прийти в себя после сна. Можно было еще уши потереть, но это уж для совсем тяжелых случаев. За окном было уже темно.

Натянув брюки, я первым делом сделал запись в тетрадке. Коротко описал происшествие с Андреем, Искоркой и Цуцыком, сделал пометку о тренажере, потом целый абзац посвятил Базе, решив написать это слово с прописной буквы. Подумав, нарисовал здание на отдельном листе. Почему-то мне очень хотелось запечатлеть его на бумаге – бетонный куб с черточками окон и огромными воротами. Подрисовал солнце с короной лучей.

Хотел написать про Кирилла, но призадумался. Закурил, походил по комнате, оставляя серые ленты дыма. Кирилл нанял меня в реальности, нанял сценаристом, а то, что было во сне, было всего лишь сном. Я не осмеливался смешать два мира. А точка смешивания была лишь одна – Кирилл. В общем, у меня решимости не хватило сделать главную запись о моем найме. В сущности, я вел дневник для упорядочивания того мира, больше в качестве памятки о свойствах местности, вооружений и техники противника. К этому Кирилл отношения не имел, так что можно было смело оставить его за кадром. Я докурил и написал, что внутри Базы находится штаб хозяев тренажера. Без подробностей.

Глава третья

Окурок

Выйдя из дому, я привычно поспешил на автобус, но вовремя одернул себя. Нет ничего глупее, чем ждать его после девяти часов, когда час пик миновал и ходят они раз в полчаса. Шиковать на такси я зарекся, так немудрено и за неделю все деньги спустить, а вот прокатиться на маршрутке – самое дело. Надо сказать, что гарантированное сидячее место в «Газели» ничуть не хуже такси, а вот стоит намного меньше – всего десять рублей против пятидесяти. И ходят они вереницей. Забравшись в микроавтобус, я выбрал одинарное сиденье и вольготно на нем устроился, ощущая себя гораздо более значимо, чем обычно. Как-то помимо воли даже плечи расправились. Я достал из кармана десятку и протянул водителю, стараясь всем видом показать, что для меня это вовсе не деньги, что я не первый раз сел в маршрутку, а только и делаю, что езжу на них взад-вперед. Мне не хотелось выглядеть среди присутствующих гражданских ущербно, а ощущал я себя именно так. Трудно сказать почему. Как будто меня не в живот на войне ранило, а в какое-то другое, очень важное для повседневной жизни место. Словно на мне написано было, что я, как дурак, бегал под пулями за чужие интересы, когда другие, более сообразительные, устраивали собственный быт и личную жизнь.

Водитель погасил свет в салоне, погрузив пассажиров в приятную полутьму, и наконец маршрутка тронулась. Поначалу я не обращал внимания на музыку из приемника, работавшего в кабине водителя, но вдруг голос Леонида Федорова из группы «АукцЫон» вывел меня из забытья.

Сон. Приснилось мне,
Что я воюю в чужой стране.
Рок, неравный бой...
Я ранен в голову, я герой...

У меня озноб пробежал по коже, я отвернулся к окну и закрыл глаза. Свет фар от встречных машин пробивался сквозь веки, создавая убаюкивающий световой ритм.

Выбравшись из микроавтобуса на конечной остановке у метро, я глянул на свои «Командирские» – времени было в обрез. Пришлось поспешить, но, сбежав по лестнице, я не удержался и купил-таки слоеный пирожок, который так соблазнял меня этим утром. Не сам пирожок был мне важен – я перекусил, выходя из дому, – но мне хотелось совершить нечто вроде ритуала, подчеркнуть таким образом переход на новый уровень жизни. Взять то, что раньше я хотел, но не мог себе позволить. Ведь теперь у меня была работа. А может, две? Нет, это бред, конечно. Просто ответ подсознания на утренний стресс. Как еще можно рассматривать этот сон? Не ждать же действительно три тысячи долларов! Шестисот – отлично. Мне хватит шестисот.

Пока поезд метро, в котором я ехал, проминал собой темноту тоннелей, у меня в голове вертелись разные варианты того, как обустроить быт, исходя из новой зарплаты. На войне про удобства как-то не особенно думаешь, да и шестисот долларов в месяц у меня никогда не было. Это ведь с одной зарплаты можно новый телевизор купить! Или оставить старый, но взять видак.

И тут меня осенило. Можно ведь и машину купить. Старую какую-нибудь «копейку», долларов, может, за четыреста-пятьсот. Тогда и на жизнь целая сотня останется. А потом, через месяц, мне снова дадут шесть сотен и я снова буду в порядке. А машина останется.

Раньше о приобретении автомобиля я и не задумывался. И некогда, и незачем. Но сейчас твердо решил – куплю. Воображение живо нарисовало неплохой «жигуленок», почему-то темно-красного цвета. Пространство, отгороженное от непогод и суетного мира, да еще на колесах в придачу. Я начал было углубляться в дебри фантазии, но вовремя спохватился, вспомнив, что дали мне всего три сотни, а шесть пока только пообещали. Через месяц, если выдержу испытательный срок. Так что с машиной придется повременить.

Настроение, такое приподнятое после поездки в маршрутке, под землей стремительно начало ухудшаться. Когда подъезжали к станции «ВДНХ», я сомневался уже не только в том, что получу обещанное через месяц, но и в том, что сейчас, в одиннадцать ночи, вообще не окажусь перед запертой дверью. Представилось, как будет хохотать над шуткой Кирилла вахтер, когда я начну барабанить кулаком в дверь.

«Не буду ломиться, – твердо решил я. – Дерну дверь слегка. Если заперто, тихонько уйду. Хрен им будет, а не шутка над боевым офицером!»

Когда я вышел со станции, ночное небо роняло мелкие капли дождя. Оранжевый свет фонарей отражался в мокром асфальте и в лужах, шум города напоминал низкое гудение насекомых. Прохожие спешили по делам или домой с работы, не замечая друг друга, словно каждый из них находился в отдельной, удобной ему реальности. У закрытых торговых палаток, поглядывая по сторонам, курили двое милиционеров.

Подняв воротник плаща, я протиснулся через очередь на остановке маршруток и поспешил к киностудии. Некоторые окна в здании были освещены, что давало хоть какую-то надежду на то, что Кирилл мог нанять меня всерьез. Если бы все окна оказались темными, я бы не стал переходить дорогу, чтобы не позориться. Не очень приятно ощущать себя полным лохом, в особенности когда прекрасно осознаешь собственную непри приспособленность к изменившимся условиям, но сделать ничего не можешь. Прослужив много лет в войсках, погоняв молодых как следует, я попал на гражданку и сам ощутил себя здесь салагой. А вот бывалым воякой тут был Кирилл – это по всему видно. Избежать издевательств и мелких подколов от людей такого рода, как он, у меня все равно не выйдет, так что лучше уж не обращать на это внимания.

Шагнув к двери, я потянул ручку и с некоторым, прямо скажем, удивлением обнаружил, что она не заперта. Вахтер вопросительно глянул на меня.

– Мне было сказано явиться в двадцать три часа к вам на вахту, – сказал я.

– Фамилия?

– Фролов. Александр Фролов.

Вахтер порылся в журнале, со скрипом водя заскорузлым ногтем по строчкам, и ответил:

– Есть такой. Распишитесь за постоянный пропуск.

Он протянул мне какой-то бланк, и я расписался не глядя, затем еще раз, уже в журнале. В обмен на подпись получил картонную карточку с печатью, но без фотографии.

– Действителен с паспортом или правами, – напоследок сообщил вахтер.

Я предъявил ему паспорт, куда он глянул лишь мельком, после чего поспешил к знакомой лестнице.

Наверху царил полумрак, никаких голосов слышно не было, лишь одинокое эхо моих шагов отскакивало от стен. Но едва я, чуть ли не ощупью, добрался до лестничной площадки, в глаза мне ударил яркий свет пламени бензиновой зажигалки. Я остановился как от удара об стену и невольно зажмурился – глаза успели отвыкнуть от света.

– Ценю пунктуальность, – донесся до меня голос Кирилла.

«Черт! – подумал я, открывая глаза. – В более дурацкую ситуацию давненько не попадал».

– Перекурим? Угощайся! – предложил мой новый начальник, протягивая раскрытую пачку сигарет, каких я до этого никогда не видел.

Я взял одну и прикурил от до сих пор не погасшего огонька. Только после этого Кирилл со звоном закрыл крышечку зажигалки и сунул в карман. Он по-прежнему был в черной кожаной одежде, но мне показалось, что не в той же, что утром.

– Готов к труду, дорогой?

– Вполне, – ответил я.

– Ну и прекрасно. Твоего предшественника я уже рассчитал, так что дела принимать не у кого. Как-нибудь сам разберешься со временем. А сейчас, прямо сегодня, мне нужны светлые мысли. Вроде тех, какие ты выдал сегодня на съемках. Нервничаешь?

– Да.

– Это хорошо. Значит, не дебил. Тогда так... Сегодня я тебе уделю некоторое внимание, познакомлю с народом, покажу, как тут все взаимодействует, а потом сам будешь барахтаться.

Он затянулся сигаретой, распалив уголек, при этом его лицо, высвеченное алым светом, повисло в воздухе призрачной маской – черная кожа одежды делала другие части тела невидимыми во тьме.

– Сегодня же придется поработать в новом качестве. Задание дам позже. И не нервничай так. Не надо показывать остальным, что ты полный профан в нашем деле.

– А то они не знают...

– Знает только Зинаида Исайевна. Остальные могут догадываться, могут строить предположения. Не более. Я не жду от тебя всплесков гениальности, но совершенствоваться заставлю. Или уволю. Это честно, дорогой. Согласен?

– Да.

– Замечательно. Давай докуривай. И пойдем. Хочешь увидеть, как монтируют ту передачу, где ты сегодня снимался?

– Не знаю... – пожал я плечами. – Если это важно для той работы, которой я буду заниматься...

– Только не старайся выглядеть еще большим придурком, чем ты есть на самом деле. И так нормально. Сойдет.

Побросав окурки в урну, мы прошли через студию, в которой я заметил те же лица, что и с утра, только массовка отсутствовала. Увидев меня, Зинаида Исайевна приветливо кивнула, а остальные были заняты и мое появление проигнорировали. Я думал, мы идем в кабинет Кирилла, но он повел меня дальше, по коридору, в который выходили двери с непонятными надписями «АЛМ-1», «АЛМ-2», «АЛМ-3». На последней двери надпись отличалась на одну букву – «АНМ», а цифра отсутствовала.

– Заходи, – Кирилл толкнул эту дверь и пропустил меня вперед.

Большую часть места внутри занимала громоздкая аппаратура, а в оставшемся пространстве без намека на комфорт могли разместиться не более чем четверо. Как раз столько было крутящихся кресел. Два были заняты – на одном сидела женщина лет тридцати пяти, с копной длинных черных волос и очень грубыми на мой взгляд чертами лица, а рядом с ней восседал грузный блондин лет двадцати пяти. Лицо его было широким и добродушным. Я заметил у него на лбу капельки пота, но это немудрено в такой духоте. Не знаю уж, какой там КПД у применяемой здесь аппаратуры, но тепла она излучала в избытке. Пахло перегретым пластиком и пылью, которая всегда оседает на узлах высокого напряжения.

Женщина просто сидела, рассматривая изображение на телевизионном экране внушительного размера, а молодой человек орудовал компьютерной мышью и кнопками на клавиатуре, производя какие-то манипуляции с кадрами утренней массовки. Мельком я заметил на экране и себя – стою, раззявив рот в стоп-кадре, рядом с никому не доставшейся «Ладой».

– Ирочка, – окликнул женщину Кирилл. – А вот и наша звезда. Саша Фролов. Будет работать у нас сценаристом.

– Очень приятно, – улыбнулась мне женщина.

– А это Данила, – начальник представил парня, но тот только невнятно кивнул, не отрываясь от работы. – Садись, дорогой.

Кирилл придвинул мне кресло, а сам уселся в оставшееся, причем развернув его спинкой вперед.

Присмотревшись, я понял, что Данила делает с утренними кадрами. Компьютер, послушный его приказам, вырезал из утренней съемки ненужные куски и склеивал оставшиеся в единое целое. Но, несмотря на проделанную им работу, выглядело все на экране невероятно убого. Мне не раз доводилось видеть розыгрыши лотерей, но ни одна студия, в каких они снимались, не была такой простенькой. Особенно поразил кадр, где жалкие двадцать человек массовки сгруппировались в центре экрана, а за их спиной виднелась лишь ровная светло-голубая стена.

«Да, – подумал я разочарованно. – Похоже, что студия не блещет бюджетом. Скорее всего, они только на таких растяхах, как я, и живут».

В который уж раз возникли сомнения в том, что стоит продолжать здесь работу. При таких раскладах с меня возьмут, сколько смогут, а потом вышвырнут, не заплатив денег.

– Ну, вроде подчистил, – сообщил парень, не отрываясь от монитора. – Что на этот раз будем лепить?

– Возьми из папки, где Семины съемки, – подумав, сказала Ирина. – Они, как мне кажется, подойдут по колориту.

– Тогда ракурс был другой, – ответил Данила. – Надо что-нибудь посвежее.

– Тогда возьми летние Витины.

На экране появились гораздо более качественные кадры – более просторная студия, полная самых разных людей, стены, увешанные рекламными щитами. Вот это было похоже на то, что я видел по телевизору!

– Да, хорошо, – кивнула Ирина. – Только щиты замени.

К моему удивлению, от одного нажатия кнопки вся реклама на заднем плане исчезла, точнее, исчезли надписи и фирменные цвета, оставив на стенах лишь безликие коричневые полотнища. На них Данила с легкостью соорудил новые надписи и логотипы, доставая их из папочки на экране, как дети достают из коробки детали конструктора.

– А не легче было повесить на стены настоящие щиты? – не сдержал я удивления.

– И что потом с ними делать? – глядя на экран, пробурчал Кирилл. – Рекламодатель все время разный, а файлы со съемками массовки библиотечные.

– Какие?

– Да, дорогой, надо тебе вникать в терминологию... Удели этому внимание на досуге. Библиотечные файлы – это то, что один раз снято, а потом сто раз используется. Съемки, знаешь ли, дорогое удовольствие. Рабочее время, грим, хороший свет, работа операторов, режиссеров, аренда студии, наконец, – все стоит денег. Да к тому же хоть сколько-то надо заплатить каждому статисту. Так что нанимать их в полном количестве каждый раз до крайности нерентабельно. Поэтому делается все проще и эффективнее – полная студия набивается один раз, все снимается в разных ракурсах, а затем хранится в архиве. Затем, уже на каждую передачу, мы приглашаем всего десять-двадцать статистов, снимаем их и с помощью компьютера накладываем на готовые библиотечные съемки. Главное, чтобы ракурс, освещенность и колорит соответствовали.

– А разве такие спецэффекты не дороже съемок?

– Все на свете относительно. И спецэффекты тоже бывают разными. Но главное в том, что в монтажной у меня задействованы всего два человека – режиссер, вот Ирочка, и сам монтажер. А в съемках бывает, что и за сотню человек зашкаливает. Это если с урезанной массовкой. Если же каждый раз все делать по полной программе, то в трубу вылетишь.

«Ну и дела...» – подумал я.

Мне-то сегодня казалось, что подмена счастливого обладателя приза – главный обман передачи. Ан нет. Кажется, меня ждет еще не один сюрприз подобного рода.

– Розыгрыш лотереи еще ничего, – поддакнула Ирина. – Он ведь не только с рекламы отбивается, поэтому можно позволить себе поснимать. А вот интервью монтировать труднее. Это же все малобюджетка. Сколько герой передачи принесет, на столько и снимаем.

– В смысле денег? – поразился я.

– Нет, – рассмеялся Кирилл. – Мы шкурами убитых енотов берем. Чего глаза округлил?

– Да я был уверен, что платят тем, у кого берут интервью.

– Интересно, за что им платить?

– Ну как? Они же знаменитости! Своим присутствием поднимают рейтинг передачи...

На этот раз расхохотались все, кроме меня, даже Данила не удержался и прыснул.

– Круто! – Кирилл смахнул навернувшуюся слезу. – Знаменитости, говоришь? Ну ты даешь, дорогой! А кто же их, по-твоему, делает знаменитостями? Телевизор! Запомни главное, на чем делаются большие деньги. Если показывать по телевизору любой столб, но каждый день и желательно по нескольку раз, то даже он – обычный, ни на что не годный столб – станет знаменитостью. К нему потечет людская река и можно будет огораживать его заборчиком, чтобы брать плату с желающих посмотреть. Это называется массовой рекламой. Понял? Подавляющее число людей, особенно в нашей стране, имеют весьма усеченные функции головного мозга и живут в основном простыми, чуть ли не рефлекторными мотивациями – пожрать, выпить, потрахаться, заработать на все это денег. Еще время от времени необходимо выпустить пар, но это уже к производству политических программ.

– И что? – мне совсем не понравилось то, что он говорил, хотя за последние недели я сам начал приходить к похожим выводам.

– А то, что качество продукта и услуг стало не то что вторичным, а вообще относительным. Нет ни малейшего смысла вкладывать деньги в улучшение производства, поскольку надо быть гением, чтобы создать, например, супермыло. Гораздо проще и эффективнее вложить деньги в рекламу на телевизоре, с экрана которого всей стране докажут в считанные секунды, что именно это мыло и есть супер. Потом люди распробуют и будут покупать его не больше, чем остальные марки, но это потом, а в то время, пока ролик будет крутиться по всем каналам, производитель этого, самого обычного, мыла как следует успеет набить карманы. Часть этой сверхприбыли уйдет на новую рекламу, только уже не мыла, а каких-нибудь неудобноносимых ботинок, а остальное – на счета за границу. Все это просто, эффективно и многократно проверено. Именно поэтому те, кто хотят стать знаменитостями, несут деньги нам. Мы их показываем каждый день, они становятся знаменитостями и спокойно, уже без нашего участия, зарабатывают свои деньги.

– Погодите... – я решил выяснить все до конца. – Но ведь продукт все равно должен понравиться народу, чтобы его продавать.

Кирилл повернулся и неприятно близко придвинул свое лицо к моему.

– Я тебе отвечу на этот вопрос... – вкрадчиво произнес он. – Но это, как бы тебе сказать, для внутреннего пользования. Есть такие товары, которые нравятся людям. Их мало, но есть. Так вот их никто и не рекламирует. Ты видел по телевизору рекламу автомобилей марки «Ягуар»? Нет? Думаешь, почему?

– Они дорогие, – осторожно предположил я.

– Правильно. Они дорогие, и качество их не нуждается в доказательствах. Их не нужно делать прозрачными, чтобы продать, не надо делать сверхплоскими, не надо рисовать на багажнике голых красоток или придавать им экзотическую форму морской раковины. Они продаются потому, что хороши сами по себе. Но если у товара нет никаких достоинств в сравнении с другими в таком же классе, то его надо рекламировать. Отсюда вывод – можно вложить миллионы в повышение реального качества, а можно вложить десятки тысяч в рекламу мнимого

качества. Причем во втором случае, когда речь идет о России, продажи будут заметно выше. А следовательно, и рентабельность второго пути оказывается намного больше.

– Бред! – возмутился я. – Получается, что все, что рекламируют по телевизору, – дерьмо?

Кирилл улыбнулся. Очень теплая у него получилась улыбка, прямо-таки отеческая.

– А ты найди в этой аппаратной хоть одну знакомую марку, – он широко обвел рукой. – Где здесь телеэкран LG, «по качеству сравнимый с профессиональным»? Где здесь устройства видеозахвата «с революционными характеристиками»? Где все то, что тоннами продают дилетантам под видом профессиональной и полупрофессиональной техники? Нету? Надо же, жалость какая...

Я промолчал, мне надо было переварить услышанное. Между тем Данила ловко соорудил липовую массовку, подправил рекламу, после чего кадры стали выглядеть вполне привычно – как во всех розыгрышах лотерей. Затем он вытащил из очередной папки и установил внизу экрана полосу с нумерованным шариком на конце, такие шарики крутятся в лототронах. Шарик выглядел очень естественно, как настоящий.

– Настоящий? – спросил я.

– Конечно, – спокойно ответил Кирилл. – У Данилы в библиотеке есть кадры падения из лохотрона шариков со всеми имеющимися номерами. Вот, кстати, данные о проданных номерах.

Он вынул из нагрудного кармана и протянул Даниле распечатку.

– Так, значит, сегодня сделай сотню выигрышей по сто рублей и тысячу по полтиннику. Затем возьми пять номеров, которые не были куплены, и на эти номера дай три машины, одну квартиру и один выигрыш в миллион долларов. Только окончательный рендеринг пока не делай, я сверюсь, чтобы эти билеты точно были сданы продавцами. А то будет потом... Обратится какой-нибудь придурок за миллионом, нам тогда и выставят счет. Так, Ирочка, пусть Данила заканчивает, у него хорошо получается. По линейке потом пройдетесь, чтобы вогнать в хронометраж. И сверите номера, чтобы крупные выигрыши с купленными билетами не совпали. А сейчас надо идти эту мымру снимать. Время не терпит. Саша, ты тоже с нами. Нужна будет твоя профессиональная помощь, о которой я говорил.

У меня чаще забилося сердце. Честно говоря, я не ожидал, что придется включаться в работу так вот, с места в карьер. Даже история с подложными номерами, в сравнении с моей личной ответственностью, показалась мне мелкой, недостойной особенного внимания.

Когда Кирилл, Ирина и я добрались до съемочного павильона, там уже вовсю кипела работа. Причем павильон было не узнать – машины в нем уже не было, стулья для массовки тоже убрали, зато установили диван, журнальный столик и книжные полки на заднем плане. На диване сидела яркая блондинка, но приглядевшись, я заметил, что крашеная. Остальное вроде все при ней: упругая грудь, ноги от ушей, и юбка кончалась чуть раньше, чем начинались ноги. Но все вместе смотрелось до отвращения отталкивающе, то ли из-за толстого слоя грима, то ли от ощущения немытости, какое вызывают стоящие на панели проститутки. А наша посетительница выглядела именно как вышедшая на работу проститутка, причем не очень дорогого пошиба. Еще через секунду я не удержался и отвесил челюсть, потому что узнал в ней жутко популярную певицу Сирень, которую по десять раз в день крутили по всем радиостанциям и не меньше того показывали по телевизору. Однако на экране она смотрелась намного моложе и куда приличнее, если не сказать соблазнительно. Здесь же... Точно сказал Кирилл – мымра.

Увидев Кирилла, она помахала ему, но он ответил лишь едва заметным кивком.

– Где твой? – спросил он, останавливаясь возле дивана.

– Рафик с Мурзой в машине что-то забыли, – ответила Сирень. – Сейчас придут. А это у вас новенький?

Кирилл отвернулся от нее, словно она и не задавала никакого вопроса.

– До одного места им наша спешка, – он сунул пальцы в карманы кожаных штанов и присел на край журнального столика.

Я не из тех, кто способен рваться к сцене за автографом звезды, но, если быть полностью откровенным, столь неожиданная встреча с поп-дивой меня впечатлила. И у меня не было ни малейшего опыта, как вести себя в таких ситуациях.

– Ты новенький? – игриво глянув на меня, спросила Сирень.

– Слушай, красавица, ты задолбала! – неожиданно резко прикрикнул на нее Кирилл. – Нашла время заигрывать с персоналом! Что, манда зачесалась? Учила бы лучше текст, а то опять будем по сто дублей снимать! Ирина, дай ей текст! Каждая минута на счету.

Я был в шоке. Нет, не оттого, что начальник наехал на женщину, а оттого, что он позволяет себе так разговаривать со знаменитостью всероссийского значения. У нее ведь наверняка миллионы в банке, так сколько же тогда у него?

«Кажется, я погорячился насчет малозначительности этой студии», – мелькнуло у меня в голове.

Через минуту в павильон вломились, иначе не скажешь, двое богато одетых кавказцев. Один остался у входа, дымя сигаретой, другой направился напрямик к Кириллу, ни на кого больше не обращая ни малейшего внимания.

– Здравствуй, уважаемый, – он улыбнулся и протянул продюсеру руку.

– Здравствуй, Мурза, – вставая и отвечая на рукопожатие, ответил Кирилл. – Зачастили вы к нам.

– Хорошо снимаешь. Зачем другим деньги давать, если ты меня ни разу не подводил? Пойдем в кабинет.

– Пойдем, пойдем. Только сучка твоя опять язык распускает, вместо того чтобы работать. Ты бы поговорил с девушкой, а то я ей не могу приказывать...

Но Мурза говорить с ней не стал. Он просто шагнул к певице и вклепил такую затрещину, что Сирень не удержалась и рухнула на диван.

– Что мне на тебя жалуются? Почему не делаешь, что говорят?

– Да я просто спросила...

Он дал ей с другой руки, но на этот раз не так сильно.

– Хочешь в Нальчик обратно? К маме, к папе? Я устрою. В один день устрою.

Его товарищ крикнул от входа:

– Слушай, Мурза, ты ее так убьешь совсем! Или синяк сделаешь, как ее потом на сцену выставлять?

– Ладно. Читай давай, что дали. Будешь спрашивать, только если совсем непонятно.

– Мне уже непонятно, – Сирень даже не всхлипнула от побоев, словно они были ей привычны, как для меня утренняя сигарета. – Что это за слово?

– Ирочка, растолкуй нашей героине непонятное место, – упавшим голосом попросил Кирилл. – А то мы до завтра провозимся.

– Что здесь у тебя? – Ирина присела на диван рядом с поп-звездой.

– Вот здесь, в кавычках.

– «Бентли». Это машина так называется.

– Дорогая?

– Очень.

– Как правильно говорить?

– «Бен-тли», – сдержанно повторила по слогам Ирина. – Не забудь, пожалуйста.

– А разве «Мерседес» не лучше? Мурза! Что они мне тут написали? Какую-то «Бентли»... Может, лучше «Мерседес»? Его все знают.

– Кирилл? – Мурза повернулся к продюсеру.

– Все в порядке, – успокоил тот. – Ты же сам говорил, что я тебя еще не подводил. «Бентли» сейчас в моде, недавно показывали презентацию московского представительства, многие слышали. А что «Мерседес»? На них половина Москвы разъезжает.

– Я так, – развел руками кавказец. – Просто чтобы знать.

Он повернулся к певице и так зыркнул на нее, что она сочла за благо уткнуться в бумаги.

– Ладно, пойдем в кабинет, – едва заметно улыбнулся Кирилл. – Виски хочешь?

– Издеваешься?

Вскоре я перестал их слышать. Ирина занималась с Сиренью, остальные каждый своими делами, а поскольку мне никакого конкретного задания дано не было, я решил выйти на лестничную площадку покурить.

Там по-прежнему было темно, так что если пробираться, то только ощупью. Пришлось заранее достать зажигалку, все равно ведь от нее прикуривать. Синий огонек вяло высветил стену и лестницу. Обогнув урну, я взгромоздился на каменный подоконник и достал сигарету из пачки. Коснувшись пламени, ее кончик покраснел и выпустил скрученную ленточку дыма. Здесь, возле окна, было чуть светлее, так что можно было погасить зажигалку. Я глянул наружу – во дворе не было ни одного фонаря, деревья и кусты роняли на черную землю последние листья.

– Можно прикурить? – раздался позади меня юношеский голос.

– Пожалуйста, – я чиркнул колесиком зажигалки и протянул огонек, стараясь не показать, что вздрогнул от неожиданного появления незнакомца.

– Я тебя тоже не сразу заметил, – признался случайный собеседник.

Теперь, когда его лицо осветило пламенем, я узнал в нем одного из помощников режиссера, которых в павильоне Кирилла было человек пять.

– Ты новенький сценарист? – спросил он.

– Да.

– Зовут как?

– Саша.

– А меня Влад. Ну, типа, познакомились.

– Типа.

– Ты так сигарету держишь, что в темноте не видно, – заметил Влад. – Ты геологом был?

– Почему же геологом?

– Ну, там, типа, дикая природа, дождь там, ветер. Я слышал, что люди, работающие на природе, имеют привычку прятать огонек сигареты в руке.

– Да.

В принципе курить в засаде вообще нельзя, там эта привычка становится куда более смертельно опасной, чем для обычных граждан страны. Но все курят. Просто со временем вырабатывается привычка держать сигарету так, чтобы огонек не был виден в прицел вражеского снайпера. Но это в обычный прицел. Если же оптика инфракрасная, то рука с сигаретой все равно выглядит на экране яркой звездой. Я с трудом удержался, чтобы не потрогать шрам на шее, оставшийся от первого моего ранения. Хорошо, снайперская пуля прошла между горлом и сонной артерией.

– Так ты бывший геолог?

– Нет, моряк. Рыбу ловили в Атлантике.

– А, понятно. А на сценариста где учился?

– За границей, – соврал я.

– Круто. Вашего брата Кирилл каждые два месяца меняет. Только ты не трепись, что я протек. Прошлый сценарист еще меньше проработал. Одну зарплату получил, и все. Другие по две получали, а потом их тоже пинком под зад. С тобой тоже так будет. Так что, если ты планируешь надолго трудоустроиться, лучше на эту работу не забывайся.

– Да я как-нибудь разберусь...

– Все так говорили.

– А тебя-то самого почему не увольняют? – усмехнулся я.

– Меня нельзя. И Ирину, режиссера, нельзя. И Зинаиду Исайевну нельзя. Тут долго держатся только те, от кого Кирилл хоть немного зависит.

– От тебя-то он чем зависит?

– Зинаида Исайевна – моя мать.

– А она что за важная птица?

– Ты что, совсем без опыта работы?

– Ну, в Москве да.

– Оно и видно.

Мне показалось, что Влад рассердился оттого, что я не понял значимость его матери. Или его собственную, уж не знаю. Наверняка он имел в виду какой-то блат, как говорили раньше, но меня эти расклады пока интересовали мало. Самому бы удержаться на месте...

– И что, прошлого сценариста уволили без всякого повода? – поинтересовался я.

– Повод всегда найдется, – мой новый знакомый махнул огоньком сигареты. – Но ты сильно отличаешься от предшественника.

– Чем?

– Всем. Тебя Кирилл сам присмотрел? Знаешь, это не совсем в его духе. Обычно он дает объяву в газету, лохи приходят на кастинг, и он берет самого лоховатого.

Ко мне в душу закралось нехорошее подозрение. Мелькнула мысль, что я сэкономил Кириллу деньги – лох сам к нему пожаловал, не пришлось давать объявление.

– А что, профессиональные качества вообще ничего не значат? – решил я узнать хоть сколь-нибудь компетентное мнение.

– Какие? – чувствовалось, что Влад усмехнулся, хотя в темноте я не видел его лица. – Профессиональные? То, чем тут надо заниматься, осилит и школьник выпускных классов. Надо просто выдавать текст, вот и все. Народ скушает что угодно, если это показывают по телевизору. Смысл твоей должности состоит в том, что просто кому-то надо делать эту работу – выдавать текст. Люди на экране должны что-то говорить, внутри концепции продюсера и режиссера. А самим им не до того.

– Понятно.

– Да не расстраивайся, – Влад стряхнул пепел в урну. – Мы все здесь фигней занимаемся. Как говорил Пелевин – поддерживаем огонь потребления.

– Какой еще огонь?

– А ты что, не читал «Generation-П»?

– Нет.

– Ну, ни фиги себе! В тайге ты жил, что ли?

– Некоторое время, – отшутился я.

Мне надоело, что меня здесь все поддевают, как молодого бойца.

– Фролов! – донесся из павильона голос Зинаиды Исайевны. – Сашенька, дорогой! Надо работать!

– Это меня. – Я щелчком отправил окурочек в урну, и он скрылся из глаз, на мгновение мелькнув в темноте трассирующей пулей.

На съемочной площадке уже вовсю кипела работа. Певица, грациозно изогнув спину, восседала на диване и с улыбкой отвечала на вопросы ведущей.

– Я и мечтать не могла о такой жизни! – говорила Сирень. – Я ведь из очень небогатой семьи, а кругом только и говорили, что о деньгах. Мол, без денег в жизни не пробиться, без связей тоже.

– Что же тебе помогло?

– Когда знаешь, что можно рассчитывать только на себя, сразу понимаешь, что тебе нужно работать в тысячу раз больше, чем другим, у кого есть деньги и связи. Я с детства много работала, много училась. А главное – постоянно развивала голос. Занималась по несколько часов в день.

– Говорят, что голос – очень тонкий инструмент и за ним необходим особый уход.

– Совершенно верно. Я много в чем себе отказывала, ретировала его...

– Стоп! – замахал руками Кирилл, останавливая съемку. – Ну что ты опять мелешь? Дали же тебе бумагу, неужели трудно было запомнить? А не можешь запомнить, перед тобой монитор с текстом! Ну что же за курица?

– А что? Я и читаю с монитора.

– Ну и что там написано? «Ретировала»? Репетировала! Давайте этот кусок еще раз! А вообще постойте. Саша, где тебя черти носят?

– Я курил, – пришлось оправдываться.

– Беги в кабинку редактора. Будешь придумывать звонки в студию от телезрителей. И быстрее, быстрее. Потом все вопросы. Редактор вкратце объяснит, что к чему.

Несмотря на то что задание меня шокировало, пришлось делать, что сказано. Назвался ведь груздем, значит, кузова не миновать.

В стеклянной кабинке было душно. Кроме редактора там сидели две девушки с телефонными гарнитурами.

– Ты новый сценарист? – спросил редактор – рыжеволосый конопатый мужчина лет тридцати пяти. – Меня зовут Игорем.

– А я Саша.

– Отлично. Давай, включайся в работу. Представь, что ты поклонник этой красавицы. А еще лучше – поклонница. Придумай вопрос, только без заковырок. Простой, доступный массам вопрос. И вот еще тебе список вопросов от предшественника. Может, что пригодится. Бери вот этот ноутбук, набивай на клавиатуре, а девочки обработают.

– Я не работаю на компьютере! – запаниковал я.

– Как это? – не понял Игорь.

– Ну, не приходилось никогда. Мне легче на бумаге писать.

– Ну, ни фиги себе... – режиссер вытащил лист бумаги из ящика и протянул мне ручку. – Напишешь, отдавай девушкам, они набьют.

– А сейчас послушаем звонок от телезрителя, – сказала ведущая. – Алло! Назовите свое имя!

В динамиках слышались какие-то гудки и шорох.

– Алло! Мы вас слушаем!

Сидящая рядом со мной девушка пробежала пальцами по клавиатуре и сказала очень громко: «Алло! Алло!»

В динамиках же раздался лишь далекий, едва различимый голос, чудовищно искаженный к тому же.

– Все, давай отбой, – махнул рукой редактор.

В динамиках запищали частые гудки.

– К сожалению, связь прервалась, – ведущая с разочарованным видом развела руками. – Ну, тогда я задам вопрос сама. Скажите, Сирень, говорят, что перед концертом в «Лужниках» вы потеряли нательный крестик. Это правда?

– Ой, да. Я так расстроилась из-за этого! Это ведь мой главный талисман! Я так боялась, что без него что-нибудь случится с моим голосом!

– Как же это произошло?

– Я отдыхала на Сейшелах и во время купания обнаружила, что крестика нет. Но представляете, рядом с катера ныряли водолазы. Они увидели, как я расстроилась, и предложили мне помощь.

– Неудивительно! – улыбнулась ведущая. – Трудно оставить без внимания такую красивую девушку.

– Да нет, что вы! Они были совершенно бескорыстны! Они ныряли около двух часов, пока один из них наконец не нашел мой крестик.

– И какова была его награда? Поцелуй?

– Да нет, что вы. Представляете, они были из Франции, но оказалось, что они меня знают, слушают мои песни! Я оставила смельчаку-водолазу автограф. Ну а какой аншлаг был на моем выступлении в «Лужниках», вы, наверное, знаете.

Стараясь не слушать, что они там несут, я судорожно придумывал вопросы. Оказалось, что о творчестве Сирени я почти ничего не знаю, если не считать припевы из нескольких ее песен, которые каждый день можно было услышать по радио. Но тут меня осенило, и я заскрипел ручкой по листу.

Редактор глянул через плечо на бумагу и удовлетворенно кивнул.

– А сейчас к нам таки дозвонилась телезрительница! – радостно сообщила ведущая. – Алло! Как вас зовут?

– Вероника, – ответила в гарнитуру сидящая возле меня девушка.

– Что вы хотели спросить у Сирени?

– А можно я передам привет друзьям? А то так тяжело до вас дозвониться!

– Да, конечно.

– Хочу передать привет всем, кто меня знает, а в особенности десятиклассникам саратовской школы номер три, Олегу и Ванечке.

– А теперь ваш вопрос.

Девушка посмотрела на строчки, которые я успел написать, и прочла мой шедевр:

– Скажите, а как вы относитесь к тем артистам, которые поют под фонограмму?

Я заметил, как редактор на своем компьютере спешно набивает ответ, который должен показаться на мониторе перед Сиренью. Сама певица в это время улыбнулась, словно собираясь с мыслями. Надо отдать ей должное – эту гримасу она освоила в совершенстве.

Наконец редактор закончил и нажал «ввод».

– Вы знаете, – начала Сирень, – мне кажется, что работа под фонограмму – это своего рода обман слушателя. Ведь поклонники платят деньги не только за то, чтобы увидеть артиста, как говорится, живьем, но и за то, чтобы услышать не запись, а настоящее пение. У меня, например, был такой случай...

Редактор продолжал набивать текст и кусками отправлять на монитор.

– Один раз, – певица прочла следующую порцию, – во время распевки я немного подорвала связки. И продюсер решил, что один раз, возможно, следует поддержать мой голос фонограммой. Но я категорически отказалась. С большим трудом, но все же отпела всю программу вживую.

– Это достойно уважения, – с понимающим видом кивнула ведущая. – Кстати, наверняка такие усилия не пропадают даром. Говорят, что Сирень – одна из самых богатых звезд нынешнего шоу-бизнеса.

– Ну нет, наверное, они преувеличивают. Хотя недавно я купила дом в Подмосковье. Точнее, дачу, так как пятикомнатная квартира в центре у меня уже есть.

– А машина какая?

– «Брендли».

– Стоп! – разозлился Кирилл. – Ты что, с десяти раз одно слово не можешь запомнить? Произнеси при мне несколько раз – «Бентли».

– Но мне легче произнести «Мерседес»!

– Как ты достала... – вскипел продюсер. – От представительства «Мерседеса» мы не получили ни копейки, а «Бентли» оплатила половину эфирного времени твоего сраного интервью! Так что будь любезна.

Он действительно заставил ее повторить марку машины пять раз и только после этого позволил снимать дальше. Через минуту снова пошли вопросы от телезрителей, но я уже был готов. Я понял, что требовалось от меня, понял, зачем нужна была эта дурацкая история с крестиком, с квартирой-дачей и дорогой машиной. Главное во всем этом – сформировать имидж богатой женщины, примера для подражания. Мол, отдыхает она исключительно на Сейшелах, а из пятикомнатной квартиры до дачи доезжает исключительно на «Бентли». Создать образ недоступного совершенства.

Поняв это, я пошел шпарить – редактору оставалось лишь выбирать. Я написал вопрос о фирме, платья которой носит певица, о часах, которые ей подарили (хотя никаких часов во время съемок на ней не было), о том, есть ли у нее собака и какой породы.

Когда съемки закончились, Кирилл отдал несколько распоряжений и поманил меня пальцем из стеклянной будки.

– Отличная работа, – похвалил он. – Для первого дня – восхитительная. Все бренды поднял. А насчет собаки... В общем, молодец. Я завтра, пока передача монтируется, отправлю Ирину в клуб, где разводят этих гребаных йоркширских терьеров. Может, разведем и самих разводчиков на какую-нибудь копеечку. Тогда можешь рассчитывать на премию, у нас так принято.

– Спасибо. А теперь что делать?

– Теперь? Можешь отдыхать. Все, работа на сегодня закончена. Отоспись.

– Да я днем отоспался, – осторожно заметил я.

– Ну, найдешь себе занятие. С девушкой познакомься, в клуб своди или на ночной сеанс в кино. Девушек у меня в команде достаточно, и все работают в ночном режиме.

– Это приказ?

– Что, извини? – поднял брови продюсер. – У тебя после армии совсем крышу свернуло? Здесь никто не будет приказывать. По работе я отдаю распоряжения и директивы, а в свободное время можешь заниматься чем заблагорассудится. Хоть водкой нажрись. Но завтра к одиннадцати вечера должен быть как огурчик. Идея понятна?

– Да. Извините.

– Ладно.

Я всерьез разозлился на себя за то, что время от времени попадаю впросак. Хорошо, хоть по работе пока ляпов не допустил, а то выгнали бы в первый же день. Точнее, в первую же ночь. Понятно, конечно, что к новому коллективу некоторое время придется притираться, но именно в данном конкретном коллективе притирка давалась мне с огромным трудом. Все было не таким, как я привык, – и цели этих людей, и методы достижения этих целей. Они представляли другой мир, тот самый, который, пока я был на войне, казался мне миром бесчестия и порока. Ну, если патетически выражаться. А если по-простому, то все сотрудники Кирилла, да и он сам, были, на мой взгляд, моральными уродами. Но в их руках были деньги, которые были мне нужны совсем не для того, для чего они нужны им.

«А для чего, кстати?» – подумал я. И тут же сам себе ответил: «Для того чтобы жить не как собака, а как человек. Чтобы просто питаться не дерьмом, купить машину, завести семью. То есть сделать все то, что в Европе, к примеру, считается не достижением, а нормой».

Плохо было лишь то, что для достижения этих вполне человеческих целей мне самому на какое-то время необходимо было утратить человеческий облик и поработать на сволочей, которым любой из моих сослуживцев с удовольствием бы яйца отрезал. Вот только в течение

какого времени я собирался на них работать? Год, два? Сколько денег мне нужно для счастья, как вопрошал Шуру бессмертный Остап Бендер?

«Да хоть бы пару месяцев здесь продержаться, – невесело подумал я. – Хоть по пояс выбраться из финансовой пропасти, в которой оказался. Просто выкарабкаться из нищеты, а там можно послать всех подальше».

Однако меня не покидала мысль, что любой из моих сослуживцев после сегодняшних съемок с удовольствием отрезал бы яйца не только Кириллу, но и мне самому. Просто за то, что я ради денег помогал зажавшимся козлам дурить простых людей. Странно как получилось. Только сегодня утром, часов десять назад, я думал, что для заработка хорош любой честный способ. А сейчас сомневаюсь в честности первой приличной работы, на какую чудом устроился. С другой стороны, сам-то я в чем проявил нечестность? Меня наняли сценаристом, и я пишу тексты. Если бы я для фильма реплики придумывал, это тоже было бы нечестным? Хотя... Смотря для какого фильма. Смотря для какого...

В таких невеселых раздумьях я миновал вахту и выбрался на улицу, под липкий моросящий дождик. Другие сотрудники Кирилла, все без исключения, рассаживались по машинам – кто за руль, кто по двое-трое пассажирами. Я глянул на часы и понял, что на переход в метро не успею. Такие дела.

К моему удивлению, с мягким гудением приоткрылось темное водительское стекло серебристого «Мерседеса», и я увидел улыбающееся лицо Влада.

- Далеко тебе ехать? – спросил он.
- Вообще-то далеко. На метро уже не успеваю.
- А куда именно? Да ладно. Садись, подброшу.
- Да нет. Не напрягайся.
- Садись, говорю! Что ты как девка ломаешься?

Переться на метро не хотелось. Не улыбалось также под дождем ловить такси за накрученную ночную цену. Полчаса проторчу на обочине, не меньше. А тут вроде как коллега предлагает помощь. Глупо отказываться. Не очень уверенно я шагнул к машине и открыл серебристую дверь. Из салона тут же пахнуло кожей и чем-то еще, что вызывало стойкую ассоциацию с большими деньгами, хотя раньше я этого запаха никогда не чувствовал.

– Тебя что, заклинило? – Влад наклонился, чтобы заглянуть мне в лицо. – Или боишься сиденье запачкать? Забей. От этой кожи любая грязь отмывается.

«Любая грязь отмывается, – мысленно повторил я, забираясь в машину. – Вот она – философия».

– До дома не обязательно, – сказал я, захлопнув дверцу. – Можно до «Площади Революции», а я там перескочу на нужную ветку.

– На метро разъезжаешь? – усмехнулся Влад. – И что ты собираешься дома делать? Дрыхнуть? Днем отоспишься! А мы – работники ночи. Ночь – наша жизнь. Ночью нам надо не спать, а дышать полной грудью. А? Как тебе? Мамаша моя до утра будет с Кириллом сидеть, деньги считать и распределять куда надо. А мы уже все, отработали! И весь ночной город в нашем полном распоряжении. Погнали в клубешник, а то одному в ломяк.

- Куда?
- В клуб. Ну, танцы там, бухло, трава, экстази, кому что нравится. Мальчики. Бабы.

Последним он меня зацепил. И хотя разум подсказывал, что лучше ехать домой, а не искать среди ночи на задницу приключения, но зверь, сидящий внутри меня, взбунтовался. Измученный многомесячным половым воздержанием, загнанный разумом в клетку, он зарычал и заклацал зубами, натянул мои нервы, как вожжи, и сумел перехватить часть управления мотивациями.

- А что там за цены? – это было последнее разумное, что я смог произнести.
- Дурак ты, что ли? – недоуменно пожал плечами Влад. – А на что еще деньги нужны?

Я хотел возразить, но зверь во мне не дал раскрыть рот. Он-то уж точно был уверен, что деньги только для того и нужны, чтобы жрать и предаваться другим плотским радостям. Хотя из всех плотских радостей сейчас он хотел лишь одну. И желание его было столь сильным, что я не смог больше сопротивляться.

– Ладно. В клуб так в клуб.

Влад удовлетворенно наступил на газ, и «Мерседес» рванулся вперед с такой силой, что меня вдавило в спинку сиденья. При этом мотора почти не было слышно, а через секунду мой новый знакомый нажал какую-то кнопку – и салон заполнила тугая, как ударная волна, музыка. Упругие толчки и однообразные визгливые гитарные пассажи воздействовали не только и не столько на слух, сколько на весь организм, сотрясая и будоража его, рождая эмоции напрямую из происходящих в крови химических процессов. Я был оглушен, я был ошарашен, подавлен, но, как только перестал сопротивляться, ритм завладел мной и перевел чувства на не очень высокий, но устойчивый уровень возбуждения. Скорость, с какой машина рассекала пространство ночного города, вместо того чтобы напугать, вызвала щемящий, почти детский восторг. И тут из мощных динамиков, поверх ритмичного взреывания баса, раздался тонкий женский визг, граничащий с ультразвуком. Мне захотелось подхватить его и завизжать тоже. Я с огромным трудом удержался.

Влад между тем вписался в крутой поворот, еще поддал газу и с заносом вылетел на проспект Мира. В голубом свете фар я заметил у обочины патрульную машину дорожной инспекции, но никто, к моему удивлению, нас не остановил. Остановили такси, медленно телепавшееся вдоль обочины. А мы промчались мимо, как вихрь, заставив милицейские плащи рвануться от ветра.

За парковку у входа в клуб Влад отдал швейцару двести рублей. С моей точки зрения, это была несусветная сумма, я бы лучше пару минут прошелся пешком. Странно было, что самый рядовой помощник режиссера так швыряется деньгами. Охранники в вестибюле на моего спутника не обратили ни малейшего внимания, а вот в меня вперились взглядами, словно увидели на лбу неприличное слово.

– А ну стоять! – один резко рванулся ко мне, целясь в грудь портативным металлоискателем.

Я хотел отпрянуть, но, видимо, охранник перешел ту невидимую границу, после которой я не в состоянии контролировать собственные рефлексy. Руки сами схлопнулись на его запястье, далеко выбив металлоискатель, а колено коротко, но сокрушительно вонзилось ему в живот. Охранник сухо крикнул, согнулся пополам и рухнул на пол, а второй успел сделать в мою сторону только один шаг. На следующем я врубил ему кулаком промеж глаз, он отлетел к стене, ударился затылком и сполз вниз, закатив глаза.

– Ты что? – ошарашенно спросил Влад.

– Черт... А чего они кидаются?

– Ну ты и дикий... Это же фейс-контроль! Ладно, потом объясню. А сейчас надо уладить все, а то неудобно.

Следующие полчаса ушли у нас на улаживание конфликта. Точнее, улаживал его Влад в беседе с толстячком-директором в его кабинете, а я сидел рядом, улыбался и кивал время от времени, совершенно не понимая, что происходит.

– Вы нас, пожалуйста, извините, – директор налил нам виски в стаканы со льдом. – Ребята новенькие, постоянных посетителей в лицо не знают. А ваш друг так странно одет...

– Это наш новый сотрудник, – ответил Влад. – Кирилл взял себе сценариста.

– О! Еще одного?

– Нет, вместо старого.

– Очень приятно познакомиться! – директор привстал и протянул мне пухленькую ладошку. – Вы, наверное, занимались единоборствами?

– В юности, – отшутился я, пригубив виски.

Если честно, то самогон самогоном, правильно про него говорили. Сивуха сплошная.

– Повыгоняю я этих охранников, – директор тоже приподнял стакан, погонял в нем виски со льдом и залпом выпил. – Ну что за дела? Вдвоем с одним посетителем справиться не могут!

– Крупные очень, – охотно пояснил я. – Это вредит скорости реакции и устойчивости. Знаете, как говорят? Большой шкаф громко падает.

Все сдержанно посмеялись.

– Но дохлячков мне нельзя, – посетовал директор. – Уважать не будут.

– Так устроен мир, – я философски развел руками.

Поначалу мне было неловко за происшедшее у входа, но постепенно я расслабился. Импонировало то, что директор, важная шишка и толстосум, разговаривает со мной как с равным. Только потому, что я работаю в фирме Кирилла. Раньше я ощущал силу от того, что принадлежу к отряду, где каждый прикрывает спину каждого, но и здесь все оказалось очень похожим. Ведь принадлежность к клану Кирилла, оказывается, тоже выводила меня из ряда простых смертных. Пару дней назад, если бы я повалил этих охранников, меня бы скрутили, отмузузили палками и сдали ментам. Это точно. А теперь за то же самое угощают виски и извиняются.

– А кстати, Владик! Раз уж мы встретились, давай я тебе клубную карту продлю.

– Сейчас не могу... – Вадим напрягся лицом. – Сегодня же еще не седьмое число.

– Да нет... – директор широко улыбнулся. – В виде извинения за происшедшее я тебе бесплатно этот месяц закрою. Не разорюсь, честное слово. И сценаристу вашему тоже сделаю голден-кард, а то что он будет в коллективе как белая ворона?

Директор позвал секретаря – хмурого юношу с желтоватым цветом лица, – и тот, взяв мои документы, через пять минут вернул их с крашенной под золото клубной картой.

– Добро пожаловать в наши члены, – хихикнул директор. – Не забывайте нас.

Мы попрощались и спустились в зал. Интерьер мне очень понравился – все было стилизовано под внутренности то ли полуразрушенного космического корабля, то ли фантастического завода на неизвестной планете. Хромированные трубы, рамки под картины, вырезанные автогеном из нержавеющей стали, непонятные иероглифы, флюоресцирующие на полу. Но больше всего меня поразило, как сияет все белое в ультрафиолетовом свете. Прямо-таки полыхает – белые узоры на моем свитере превратились в нечто таинственное, коктейли в стаканах посетительниц переливались перламутровыми туманами. Именно посетительниц, поскольку мужчин в зале было явное меньшинство, а в основном тут отдыхали девушки – часть сидела за десятком столиков, а часть пританцовывала под негромкую музыку на краю танцпола. Некоторые с интересом поглядывали на нас.

Более громкая музыка доносилась из соседнего зала, но была приглушена стеклянными дверями настоящего шлюза, как в космическом корабле. Официантки и бармен были одеты в блестящие костюмы-скафандры со множеством вшитых светодиодов разного цвета. Все это двигалось, переливалось, вызывая ощущение нереальности происходящего.

– С тобой так по клубам можно деньги зарабатывать, – довольно усмехнулся Влад. – Давай присядем.

Он усадил меня за столик, сваренный из перфорированных металлических полос.

– В каком смысле?

– Ты, наверное, понятия не имеешь, сколько стоит здешняя золотая клубная карта. Ровно тысячу зеленых денег на месяц. Не то чтобы много, но вот так, чтобы походя срубить по штуке на рыло... Вечер пропал не зря.

– Что значит «стоит»? – не понял я.

– А то и значит. Это кредит на все услуги клуба. Пей, ешь, пой девочек... Все бесплатно в пределах суммы. Но думаю, что у тебя пока фантазии не хватит, как просадить штуку за месяц.

Я сглотнул.

«Ничего себе, – подумалось мне. – Никогда еще два моих удара не оплачивались так щедро. По тысяче долларов за удар».

– И что, я прямо могу подходить к бару и заказывать?

– Конечно. А когда предъявят счет, расплатишься картой. С нее снимут то, что ты просидел за вечер, и вернут. Все просто. Ты что, кредитками не пользовался?

Я решил не отвечать.

– Все точно так же, – добавил Влад. – Только наличные в банкомате не снимешь. Ну, давай отдыхать. Первым делом, раз так все обернулось, я предлагаю обмыть твою новую должность. Она явно дана тебе свыше. Знамение-то ничего себе, а? Что предпочитаешь из спирто-содержащих напитков?

– Водку.

– Стильно, – с пониманием кивнул Влад. – Но водкой мы быстро нажремся, и весь вечер пойдет насмарку, а завтра будем искать лбом что-нибудь холодненькое. Мы же отдыхать собрались, а не проверять, кто скорее в салат лицом попадет? Предлагаю начать с коктейлей, а там поглядим.

– Похоже, ты в этом лучше меня разбираешься. Командуй тогда. Кстати, можно один вопрос?

– Валяй хоть десять.

– Что имел в виду директор, когда говорил, что я странно одет? И почему охранники на меня кинулись?

– А... Ну, вообще-то одежда у тебя действительно доисторическая.

– Да нет. Совсем новая!

– Какая разница? Ты же ее, небось, на рынке в Лужниках покупал?

– Нет, на Черкизовском.

– И это по ней видно. Видно, что эти брючата и свитер вместе стоят тысячу рублей.

– Восемьсот, – поправил я.

– Вот видишь. А плащик от деда тебе достался?

– От отца.

Влад не выдержал и расхохотался.

– погоди, – я приблизил к нему лицо. – Я не понимаю, чем мои костюмные штаны хуже твоих джинсов, да еще с дырами на карманах? Всегда ведь в рестораны пускали в костюмах, а в джинсах нет. Что, мир вверх ногами перевернулся?

– Ага... – продолжал хохотать Влад. – Точнее, нет. Если бы ты пришел в нормальных костюмных штанах, баксов за восемьсот, тебя бы еще под ручки проводили и за столик посадили. Но видно ведь, что твои брюки скроены и сшиты в подвале возле станции Каширская!

– По какому признаку видно?

– Да отстань ты! Достал. Пойдем лучше коктейли возьмем.

Начали мы с прозрачных коктейлей, которые нам подали в тонких высоких стаканах. Коктейли были красивыми, особенно в ультрафиолетовом свете, казалось, что в стакане медленно полыхает холодное голубое пламя. И мы это пили.

– Прикольно, – оценил Влад, потягивая жидкость через трубочку.

– Что они туда намешали?

– Скорее всего, джин с тоником. А что?

– Да нет, ничего.

Никогда не думал, что доведется попробовать джин. Хотя что такого? Виски я сегодня уже попробовал.

«Интересно, все ночи теперь будут такими насыщенными?» – подумал я.

Хотя вряд ли подобных впечатлений хватит надолго. Однако я не мог быть ни в чем уверен, поскольку, как оказалось, совершенно не представлял себе ночной жизни Москвы. Точнее, представлял, но очень поверхностно. По-обывательски, что ли? Влад же в ночной жизни был профессионалом.

Следующим ходом мы повторили коктейли, и меня потихоньку начало забирать. Не так, как от водки, уводить в заторможенность, а, наоборот, разгонять все сильнее. Это можно было списать просто на хорошее настроение, но я прекрасно отдавал себе отчет, что дело все же в легких алкогольных напитках.

– Мальчики, вам тут не скучно одним? – раздался у меня за спиной приятный женский голос.

Слово «скучно» прозвучало в устах незнакомки как «скушно», лениво так, с глубокой и теплой буквой «ш». У меня по спине пробежала волна теплых мурашек, и я обернулся. Перед нашим столиком стояли две девушки – одна крашеная блондинка, другая, наоборот, черненькая и смуглая. Обеим лет девятнадцать на вид, обе упругие, обтянутые лоснящейся кожей и яркой тканью.

– Не против, если мы к вам подсядем? – поинтересовалась черненькая. Судя по голосу, первой к нам обратилась не она, а улыбчивая блондинка.

– Ты как? – покосился на меня Влад.

– Да я не против. Садитесь.

Девушки вспорхнули на стулья и вперились глазами в карту напитков.

– Я Ника, – улыбнулась мне блондинка.

– А меня зовут Эльвира. – Черненькая под села ближе к Владу. – Мне «Маргариту».

– Мне тоже.

– Пойду закажу, – проявил я разумную инициативу, чувствуя, как разгоняется сердце от возбуждения.

Девушки были не просто красивы, а такие, о каких я и мечтать не мог, – как на журнальных обложках. Влад глянул на меня с насмешливым прищуром, но ничего не сказал.

У барной стойки я решил, что никогда не пробовал коктейль под названием «Маргарита» и это есть не что иное, как пробел в моей богатой приключениями биографии. Взял четыре стакана с апельсиново-желтым содержимым – все в счет своей карты – и, чуть покачиваясь, вернулся за столик. Странное дело! Водку ведь приходилось кушать стаканами, а тут от двух коктейлей стало весело. Может, оттого, что тоник в них газированный?

– «Маргарита»! – воскликнула блондинка Ника, придвигаясь еще ближе к моему стулу.

– Вообще-то меня зовут не Маргарита, а Саша!

Все захихикали.

– А Маргарита – это его подпольная кличка, – Влад подлил масла в огонь.

Коктейль оказался очень забавным, сладко-горьким, хотя понятно, что так быть не может. То есть он отдавал вкус как бы в два захода – сначала горький водочный, а затем вкус апельсинового сока.

– Водка? – спросил я.

– Текила! – поправил меня Влад. – Александр-Маргарита у нас сын снежного человека. Он не знает, из чего готовят коктейли.

Девушки с готовностью захихикали.

Нас все сильнее разбирало, так что воспоминания о дальнейшем вечере сохранились у меня фрагментарно. Помню, как мы с Никой выплясывали на танцполе и у меня произошло отчетливое раздвоение личности – зверь, живущий во мне, неожиданно вырвался на свободу и начал откровенно лапать девушку за задницу и за грудь, а я сам проявил рыцарство и вступился за Нику, надавав нахалу по рукам. Окружающая публика была в диком восторге от такого фокуса. Ника, надо сказать, тоже.

Потом мы брали еще коктейли, потом я заказал-таки сто граммов водки. Потом помню свое отражение в зеркале и разверзшийся овал унитаза у самого лица. Перед унитазом я стоял коленопреклоненный, как перед идиолом. Кстати, было с чего, поскольку унитаз того явно заслуживал – был он совершенно прозрачным, как глыба хрусталя, а в эту кристальную массу были вплавлены ягоды – вишни и клубнички.

Выбравшись из туалета, я провел среди посетителей клуба тест-опрос, не видел ли кто-нибудь мою Нику. Мнения разделились. Потом оказалось, что Ника, Эльвира и Влад тоже были в туалете, только в другом и все вместе. Меня одолел приступ ревности, и я решил добавиться. У барной стойки увидел, что полненькая посетительница заказала прозрачный коктейль с плавающими в нем клубничками и вишенками. Мне это напомнило унитаз, и я решил, что должен попробовать этот коктейль непременно. Взял. Это уж точно было из водки с чем-то огненно-пряным. С первого глотка я немного отрезвел и пошел мириться с Никой, хотя мы вроде и не ссорились.

Второй глоток меня на какое-то время выключил, и я пришел в себя снова в туалете, но на этот раз не один. Со мной в одной запертой кабинке находилась совершенно голая Ника и та толстушка, с которой мы повстречались у стойки. Толстушка не совсем голая – в рубашечке и без штанов. Но больше всего меня удивило, что я и сам-то был не вполне одет. Дальше начался настоящий цирк с унитазом в качестве гимнастического снаряда. Было здорово, но даже сквозь кураж опьянения меня мучила совесть, что я участвую в настоящем групповом половом акте. Успокоил я себя тем, что акт был не совсем групповым – толстушка оказалась скорее зрителем, чем участником. Еще точнее – ассистентом. Но справлялась с этой ролью мастерски.

Потом снова помню себя за столом, в обнимку с рыдающей Эльвирой. Влад отплясывал с Никой на танцполе. В какой-то момент я испугался, что сижу за столом без штанов, но посмотрел вниз и успокоился – все было в порядке. Коктейль передо мной был уже красного цвета, но я не мог вспомнить, когда его поменял. Эльвира рыдала и жаловалась, что она хотела стать историком, а тратит тут время впустую, потому что Влад поимел ее и не дал денег. Я пошел разбираться с Владом. Тот сунул мне стодолларовую банкноту и продолжал веселиться, а я долго не мог понять, за что он мне заплатил. Потом вспомнил и отдал деньги Эльвире. Она допила мой коктейль и, продолжая рыдать, удалилась в неизвестном направлении.

У меня голова шла кругом, к тому же музыку сделали громче и она била по мозгам, вызывая легкую, но напрягающую тошноту. Я встал и решил подыскать место потише, что привело меня сначала к бармену, где я за все расплатился новенькой карточкой, а затем в какое-то подсобное помещение, с диваном, столиком и широким зеркалом. Угнездившись на узком диване, я прикрыл ладонью глаза от света и быстро провалился в пульсирующий нервный сон.

Тяжелые капли дождя били в размокшую глину, словно пули, поднимая водяную пыль и фонтанчики грязи. Тучи висели над землей толстым слоем, едва пропуская свет солнца.

С первых шагов я не удержался и плюхнулся на колени. Это испугало меня до одури – впервые в жизни я оказался пьяным во сне. А вокруг тот же чужой лес, и та же дорога через него, с размытыми следами гусениц и широких колес.

– Черт! – прошипел я, пытаясь подняться.

Испуг во мне нарастал, не только из-за совершенной немыслимости состояния, но и оттого, что я вспомнил слова Кирилла. Не того, который нанял меня сценаристом, а того, который взял снайпером. Он говорил, что если я умру во сне, то наш неписанный контракт потеряет силу. Даже если не в бою умру, а так просто. Погибнуть же пьяным в здешних условиях было проще простого – появись над головой рейдер, я был бы для него очень легкой мишенью. К тому же впервые в подобных снах я оказался совсем без оружия, в костюмных брюках и свитере, то есть в том, в чем уснул.

И все же боевой опыт так просто не пропешь. Первым делом я скатился с дороги и залег в большой луже, затем подумал и ползком начал углубляться в лес. Что делать дальше, представлялось смутно, но во мне крепко сидела уверенность, что без оружия лучше уйти от дороги как можно дальше. Наконец я устал и залег за рухнувшим перегнувшимся деревом. Где-то, наверное километрах в трех от меня, застучал пулемет калибра 7.62. Кажется, наш, российский. Грохнула граната, выпущенная из подствольника.

– Жарко тут у них, – шепнул я.

Падающая с небес вода и чувство близкой опасности отрезвили и освежили меня. Не полностью, я все еще был в стельку, но голова начинала работать все яснее. Слева короткими очередями пулемету ответили трое автоматчиков. Затем присоединился четвертый. Этот вообще был профи – посылал с каждым нажатием на спусковой крючок ровно по три пули. Такому приему за день не научишься. Надо нажимать на спуск, говорить про себя «двадцать два» и лишь после этого отпускать. Казалось бы, просто, но на самом деле выдержка должна быть железная. И просто на стрельбище, когда грохот кругом, а автомат дергается в руках, швыряясь гильзами, и уж тем более в бою. Но, несмотря на ответный пулеметный огонь, неведомый стрелок продолжал, как ни в чем не бывало, – «тук-тук-тук, тук-тук-тук». Наконец пулемет умолк.

И только тут до меня дошло, что это первый сон из странной военной серии, где людское оружие работает против людского. Мало того – российское против российского. На тренажере, как называл его Хеберсон, ничего подобного никогда не было.

«Похоже, прав Кирилл, здесь все иначе», – подумал я.

Стрельба еще какое-то время продолжалась, смещаясь в сторону, затем стихла. Через лес здесь никто не ходит – просто некуда, в основном движение происходит вдоль дороги, а все отклонения отрядов связаны с подавлением артиллерии на господствующих рядом с дорогой высотах. Поэтому, углубившись в чащу, я ощущал себя в относительной безопасности. Проснуться по собственной воле, я уже знал, не получится, так что оставалось одно – продержаться живым до того момента, когда меня разбудят. Найдет ведь кто-нибудь меня на диване! Вот только когда – неизвестно.

Ливень усилился, стало почти темно. Я промок до нитки, и меня начало знобить, чего раньше во сне никогда не бывало. Кажется, алкоголь начинал отпускать под воздействием прохладной воды, а следом за этим, как водится, наступало похмелье. Хотя до полного отрезвления, я чувствовал, было еще ох как далеко!

Вдруг с удивлением я услышал совсем рядом человеческий окрик, причем кричали по-русски.

– Давайте! Вперед, вперед!

«Кого это понесло через лес? – подумал я, прекрасно осознавая, что в нынешнем состоянии любая встреча будет лишней. – А главное, зачем?»

Однако любопытство было не таким острым, чтобы выгнать меня из укрытия. Наоборот, я распластался вдоль древесного ствола и прикинулся шлангом, как говорили у нас в отряде.

Вскоре сквозь шум дождя послышалось шлепанье шагов по воде.

– Быстрее, быстрее! – командовал зычный голос. – Ну почему мне вечно такие сопляки достаются?!

Я плотнее вжался в грязь, но неизвестные, как назло, двигались прямо на меня. Шаги приближались, шлепали, а уходить мне было некуда, да и поздно. Наконец надо мной нависла фигура в камуфляже, причем не в боевом, а в купленном на ВДНХ в магазине формы и снаряжения типа «все для профессионалов». Это меня так поразило, что на испуг уже сил не хватило, несмотря на то что в лицо мне был направлен самый настоящий автомат. Не муляж.

– Ты кто? – спросил я, чтобы не выглядеть более испуганным, чем я есть на самом деле.

– Ни хрена себе вопрос...

Надо мной склонился верзила, без преувеличения двухметрового роста, рыжий, как белка, да к тому же еще конопатый, со светло-серыми, будто выцветшими, глазами.

– А что я должен спросить?

– Не знаю. Но вот я у тебя точно спрошу, кто ты такой. Точнее, как тебя занесло сюда в таком виде? Где твой ствол? Из чьего ты отряда? Ну?

Я не знал, правду лучше отвечать или что-нибудь соврать. Что именно врать, я не имел ни малейшего представления, а это могло привести к печальным последствиям. Правда обычно тоже приводит к печальным последствиям, но тогда хоть совесть будет чиста. Но вообще-то совесть меня в тот момент беспокоила мало, просто я не знал, какую ложь он скушает, а какую нет.

– Я с Базы, – решил я ответить как есть. – Непосредственный командир – Хеберсон.

Что мне еще оставалось отвечать? Однако слова мои возымели на верзилу столь странное действие, что я опешил.

– Кто командир? – он выпучил глаза и неожиданно разразился диким хохотом, подняв к небу лицо. – Хеберсон? С Базы? Ну ты дал... Вставай-ка! Ребята, я тут подчиненного Хеберсона нашел. Хотите взглянуть?

Он поднял меня за ворот свитера, но после разнообразия влитых в меня коктейлей стоять было ох как нелегко. Сфокусировав разбегающийся взгляд, за спиной верзилы я обнаружил еще троих. Их экипировка поразила меня не меньше, чем экипировка рыжего, – все они были одеты в дрянной коммерческий камуфляж с бирочками и пластиковыми пряжечками. Да и возраст удивил не меньше – самому старшему лет восемнадцать, а младший, скорее всего, еще в школу ходил. Однако оружие у всех было настоящее. Не новое, но настоящее.

– Да это бомжара какой-то... – улыбнулся младший. – Как он сюда попал?

– Да как все. Вон он нажрался и попал, – ответил ему парень чуть постарше.

– Ну да, – одернул их верзила. – Вон уже стали на улицах продавать? Бомжам?

– Может, он из наших? – предположил самый старший из пацанов.

– А? – верзила строго глянул на меня. – Чего придуриваешься? И на кой хрен жрать вонь, когда нет автомата? Новый способ самоубийства придумал? Кто твой командир?

– Достали вы!... – разозлился я, но коктейли рвались из меня наружу, поэтому под конец фразы я не удержался и икнул.

– Да он бухой! – пригляделся верзила. – Ну ни фиги себе! А ну, вяжите его!

Он ловко сбил меня с ног и завернул руку за спину, а реакция у меня после веселья была такая, что я и ойкнуть не успел, не то что увернуться. И мордой в грязь. Неприятно, конечно. В спину тут же уперлось колено, а на руки начали натягивать снятый с кого-то брючный ремень. Плохонький, жесткий ремень, какие продают для частных охранных агентств.

Правда, связать меня как следует не успели. Сначала я услышал позади себя глухой удар и болезненный выдох, затем грохот выстрела, а еще через миг на меня свалилось подростковое, совсем легкое тело. И тут же с грохотом и ревом ответили автоматы рыжего и оставшихся ребят. И мне за шиворот все же попала раскаленная гильза. Свитер – это ведь не форма, у него ворот широкий, для боевых действий не приспособленный. Ну, взвыл я, конечно. Руки за спиной, гильза за шиворотом шипит, автоматы грохочут. Того и гляди, еще одну гильзу поймает. В общем, от греха подальше я кувыркнулся через плечо в ближайшую лужу, а когда гильза остыла, высвободился из незатянутых пут и вытряхнул ее из-под свитера. С облегчением вытряхнул, понятное дело, но, поскольку ребята отнеслись ко мне не очень дружелюбно, я решил воспользоваться суматохой и смыться подобру – поздорову. Благо ребята были заняты дальше некуда – невидимый противник плотным пулеметным огнем загнал их за тот же ствол, где недавно прятался я, а они не очень прицельно, но ожесточенно отстреливались. Я услышал знакомое «тук-тук-тук, тук-тук-тук» – это сериями по три пули отбивался рыжий верзила.

Вытянув руку из ременной петли, я ползком добрался до ближайшего дерева и спрятался за ним, слушая, как плотно свистят по воздуху пули. Одна угодила в ствол за моей спиной, с глухим толчком застряв в древесине и сбив тонкие чешуйки коры.

– Эй, незнакомец! – услышал я голос рыжего. – Капец тебе!

«Это вам капец, если высунетесь», – злорадно подумал я.

Пули между тем продолжали свистеть, а вот ответный огонь со стороны верзилы и его малолеток умолк. Я забеспокоился, уж не перебили их там всех? И так это меня обеспокоило спяну, что я возьми и высунись из-за дерева. Смотрю, а ни малолеток, ни рыжего нет. Вообще нет, словно и не было никогда. Только под дождем стреляные гильзы блещут.

Наступавшие, видимо, заподозрили, что враг улизнул, поскольку через пару минут стрельба окончательно стихла, а на поляну, держа американские автоматические винтовки на изготовку, широкой цепью вышли пехотинцы в форме, какую носят в Восточной Европе. Судя по профессиональной экипировке и выправке, это были люди Кирилла, но так вот просто выскочить и радостно замахать руками я побаивался. К тому же меня напрягло, что они не американцы. Хотя что я знал о людях Кирилла, да и вообще об этом странном мире моих сновидений?

И тут у меня забавная мысль мелькнула в голове – если это люди Кирилла, то кто такие рыжий с пацанами? И одно слово в голове застряло: «браконьеры».

Прятаться было не менее опасно, чем выскакивать, поэтому я помахал сначала рукой, чтобы заметили, а потом осторожно высунулся из-за дерева. Пехотинцы подбежали ко мне, осмотрели, пытались расспросить, кажется, по-польски. Я ни черта не понимал, что они говорят. Они и по-английски пробовали, но не прошло.

– Я русский! Русский! – попытался я им объяснить. Потом додумался выговорить: – Ай эм рашн! Во гневе страшен.

Они зашикали между собой, потом по рации, а минуты через три к нам со стороны дороги подбежал пухленький офицер в забавной польской фуражке.

– Русский? – спросил он почти без акцента.

– Совершенно верно, – сдерживая икоту, отрапортовал я. – Капитан Фролов. В прошлом сне был доставлен лейтенантом Хеберсоном на Базу, после чего зачислен в отряд снайпером.

– Имя?

– Александр Фролов.

Офицер взял рацию у одного из пехотинцев и справился у невидимого собеседника по-польски. Свое имя я хорошо различил.

– Да, все верно, – офицер оглядел меня с удивлением. – И как ты сюда попал? Почему в лес, а не на Базу?

– Почему мне знать? Выпил, заснул, оказался здесь.

– Что выпил?

– Ну... Много всего.

– Спирт?

– Конечно, не чистый. Коктейли в баре.

И тут я проснулся.

Кто-то бесцеремонно тряс меня за плечо, и мне пришлось разлепить веки.

– Э, мужик, ты как тут оказался? – хмуро склонился надо мной красномордый боров в форме охранника.

– Ногами зашел, – не очень любезно ответил я, для верности показав ему золотую карточку.

И он заткнулся. Улыбнулся даже.

– Вид у вас не очень, – виновато заметил он. – Думал, мало ли кто из персонала провел знакомого через служебку. Бывает. Нас дрючат за это.

– Расслабься, – я поднялся с дивана и похлопал его по плечу. – До сортира доведешь?

– Легко! – боров обрадовался, что у меня миролюбивое настроение.

Скорее всего, обычно с клиентами бывало иначе. Я представил, как бы отреагировал на подобную побудку тот же Влад, и усмехнулся. Правда, если быть до конца точным, Влад бы в подобную ситуацию не попал. Во-первых, вряд ли бы ему пришло в голову завалиться спать в подсобке, а во-вторых, внешний вид у него такой, что не подкопаешься. У меня же, как я начинал понимать, вид был именно в стиле «Прицепись ко мне, охранник». Почему, я понять не мог, но все реагировали именно так.

В туалете я как следует умылся холодной водой, все еще ощущая другую прохладу – прохладу ливня из сна. Он отрезвил меня больше, чем умывание. В ушах еще позванивало от автоматной стрельбы. Я попробовал собрать в голове все странности этого сна. Место ведь было то же, что и обычно, но что касается остального... И люди другие, и обстановка, в общем, все другое и непривычное, а главное – я без оружия. Это насторожило и встревожило, потому что если так будет каждый раз, то получалось, что три тысячи долларов за работу снайпером во сне – это не куча денег, как казалось вначале, а в самый, что называется, раз. Даже как бы не мало, если придется голой задницей «ежей» давить.

Влада с девочками я нашел в почти пустом зале. Я понятия не имел, сколько по времени получилось проспять, но никто не удивился моему долгому отсутствию, из чего можно было сделать вывод, что прошло не так уж много времени. Влад курил кальян, стоящий на низком столике, сидя в углу зала на диване, как какой-то шейх, а девочки кошками прижимались к его ногам. Посреди Москвы это обычное для таджиков занятие показалось мне диссонирующим с окружающей обстановкой, с хромированными трубами, шлюзами и прочей бутафорией. Уголек шипел в чашечке, распространяя вокруг отчетливый запах гашиша.

– Хочешь? – спросил Влад, отрываясь от мундштука.

– Нет. – Я помотал головой и плюхнулся на диван.

– А можно мне огоньку? – Ника игриво улыбнулась и протянула в мою сторону тоненькую розовую сигаретку.

– Легко! – Мне было неловко за происшедшее в туалете, но я постарался скрыть эти чувства избытком веселости и услужливости.

Вытащив зажигалку, я от усердия и остатков опьянения соскользнул с дивана и грохнулся на колени. Все прыснули, а Влад от неожиданности толкнул столик с кальяном, и раскаленный уголек выскочил из чашечки, едва не попав мне за шиворот. Я еле увернулся. Тут же подбежала официантка, загасила уголек специальной лопаточкой и убрала пепел.

– Весь кайф обломали! – махнул рукой Влад. – Поехали-ка по домам.

«Что у меня, магнит на спине? – с тревогой подумал я. – Во сне гильза за шиворот, а тут чуть уголек не поймал. И фигя себе совпаденье!»

Влад до дома меня не довез, остановил, не доезжая до дорожной развязки.

– Там пост ДПС, а я бухой дальше некуда, – развел он руками. – Не хочу дармоедов кормить. Доберешься сам?

– Доберусь. Ну мы и погуляли...

– Ладно. Только на работу не проспи. Кирилл этого не любит.

Я вышел под утихающий дождик и поднял воротник плаща. Вокруг горящих фонарей вибрировало оранжевое гало, делая их похожими на близкие лохматые звезды. Идти до дому оставалось с километр, не меньше, но, как говорили китайцы, дорога в тысячу миль начинается с одного шага.

На посту ДПС ко мне прицепились менты, но я от них благополучно отвязался, несмотря на попытки слупить с меня денег за перемещение по городу в пьяном виде.

- Водителей пьяных лучше ловите, – посоветовал я им, забирая назад документы.
– Поговори еще! – начал заводиться тот, что был помоложе, но я уже уходил прочь.

Недалеко от моего дома разлеглась на земле огромная дорожная эстакада, навороченная, как несколько свитых между собой колец Мебиуса. Она напоминала мне древнего Змея, каким представляли его славяне, – многолапое чудище с сотней хоботов. Змей этот как следует врос в землю лапами и вел малоподвижный образ жизни, все время спал, сотрясаясь время от времени от проходящих по нему тяжелых машин. Правда, в столь поздний час машины его не тревожили, он молча дремал, освещенный прожекторами и оранжевыми фонарями, блестел гребнями поручней и подхрапывал вибрирующим от ветра железным листом. На миг мое опьяненное воображение допустило, что он может видеть сны, как и все. Но в отличие от всех сны и являются его основной жизнью. Здесь он спит, а там, во сне, живет полнокровной жизнью, ворует девок по деревням, дерется с витязями...

«Прямо как я, – подумалось мне. – В реальности дрянью занимаюсь какой-то, а в снах вернулся к тому, что мне нравилось больше всего. Хотя нет, не нравилось. Просто я привык быть на войне – жить незатейливой жизнью, не требующей личной ответственности, выполнять чужие приказы... Странно звучит, но так проще».

Мне показалось, что я понял причину и суть моих военных снов. Наверняка это всего лишь воплощенные мечты и ничего больше – мне бы хотелось попасть обратно в отряд, хотелось бы зарабатывать тем, что я умею лучше всего. Вот и все. Поэтому такое и снится. Чего уж тут мистику всякую городить? Как оно ни горько.

Я шел в темноте, приближаясь к громадине эстакады, пока наметанный глаз не заметил на фоне неба яркую алую искорку.

«Сигарета», – механически отметил я.

Затем только подумал, что надо же было кому-то взобраться на самую верхнюю полосу эстакады, чтобы покурить у перил. Странно. Подойдя ближе, я заметил, что это девушка. Она одиноко стояла, а ветер дул ей в спину, то и дело закидывая волосы на лицо. Поэтому лица я не разглядел.

«Уж не вниз ли она собралась броситься?» – подумал я без должной, в общем-то, тревоги.

Раньше, пожалуй, я бы рванул вверх, спасти, предотвратить... Но нас разделяло три уровня в высоту, и мне лень было дергаться. Именно лень. Перемахнув через ограждение, я услышал наверху скрип тормозов, щелчок открывшейся дверцы, голоса. Невнятно. Ни единого слова не разобрать. И вдруг дикая боль обожгла мне спину – в том самом месте, куда во сне попала раскаленная гильза. Я матюгнулся и взвыл от боли, затем, не думая, не разбираясь, с места сделал кувырок через плечо по асфальту и снова взвыл – боль от ожога была невыносимой. Уже лежа на спине, сорвал себя плащ, стянул через голову свитер – и только тогда боль отпустила, а на асфальт выпал погасший окурок.

– Чертова девка! – ругнулся я в сердцах, поднимая взгляд.

Но наверху уже никого не было, только габаритные огни отъезжающей машины мелькнули на съезде с эстакады.

– Ну и везет мне сегодня! – морщась, я осмотрел прожженную в свитере дыру, затем подвигал лопатками.

Больно! Это надо же было с такой высоты столь прицельно попасть бычком мне за шиворот! Одеваться было не очень приятно, спину жгло, но не идти же под осенним дождиком с голым торсом! Правда, до дома было уже недалеко.

Продолжая ругаться, я поспешил к спящему жилому массиву.

Глава четвертая

Первый бой

За три недели работы у Кирилла на студии я здорово набил руку в написании текстов для самых разных телевизионных нужд. Приходилось и «вопросы от телезрителей» придумывать, и даже ситуации для проходящих по разным каналам реалити-шоу. Но главной работой была та, на которую меня нанимали, – написание текстов для еженедельных розыгрышей лотерей. Это только кажется, что две недели – два текста. На самом деле извести пришлось не менее двухсот листов бумаги, поскольку большую часть моих наработок Кирилл браковал и складывал у себя в столе. Мне приходилось писать снова, улучшать и опять писать, а попутно хоть в какой-то мере освоить такую непривычную для меня вещь, как компьютер. Это тоже отняло много времени, но Кирилл словно не замечал моей неуклюжести. Он терпеливо снабжал меня затертыми брошюрами по психологии и НЛП, выделил массивный том переводного издания «Реклама – как это делается», а также через каждые час-полтора вызывал на лестничную клетку. Там мы курили, он расспрашивал о продвижении работы и осчастливливал искрами своего бесценного опыта.

Я не мог понять, почему он не курит в кабинете. Весь персонал курил и в павильоне, несмотря на запреты пожарников, и в кабинетах, у кого они были. У меня был. И я там мог курить сколько вздумается. У Кирилла же был самый большой кабинет, просто огромный, там не то что курить, там можно было костер разводить, не боясь копоти на потолке. Но в кабинете он не курил. Такая вот странность. Спрашивать о ее причине мне казалось неловким, а сам Кирилл никогда не касался этой темы. И никто из работников не касался, словно это совершенно нормально, когда самый главный человек предприятия курит не в кресле собственного кабинета, а на лестничной клетке.

Мы работали только ночью, но вскоре я привык к тому, что спать приходится днем, и это перестало меня напрягать. Мои военные сны прекратились – тот, где были поляки в лесу, оказался последним. И чем больше проходило времени, тем менее серьезно я воспринимал происшедшее. Тем более что Кирилл в реальности ничем не напомнил о нашем договоре во сне. Единственное, что то и дело вспоминалось с тревогой, так это попавший мне за шиворот окурок. И не до конца заживший ожог в том месте, где во сне меня прижгло выскочившей из автомата гильзой. Правда, здравый смысл списывал это на идиотское стечение обстоятельств.

В общем, к концу третьей недели, когда мне надо было сдавать пачку текстов для ведущего, три листа для участника и еще пачку для активных «зрителей в зале», тот странный сон казался уже просто сном. Без всяких странностей. Ну что за странность, действительно, если после реального найма на работу вам снится ваш наниматель, который нанимает вас на другую работу, причем за гораздо большие деньги? Все вписывается в общепринятую теорию сна. А что касается пьяного сна, так то вообще... Черт-те что там намешали в эти коктейли, так чего удивляться эффекту? Глупо. Так что сон с поляками я твердо решил считать бредом и не вспоминать. А сон с наймом... В снах часто реализуются потаенные желания.

Короче, я понял, что трех тысяч долларов мне не видать, как не видать многого из того, что снилось в детстве и так хотелось перенести в реальность. Нам снятся наши мечты, что-то недоделанное, неисполненное, невыполнимое. Лишь крохотный червячок сомнения затаился глубоко в душе, примерно в том самом ее уголке, где живет вера в то, что мы не одиноки во Вселенной. Этот червячок ждал дня выплаты денег. Если будет шестьсот, то о странных снах можно забыть навсегда, если же три шестьсот... Но это было из той же оперы, что и «если бы у меня была волшебная палочка».

Кстати, в детстве у меня было много идей по поводу волшебной палочки, исполняющей всего одно желание. Но если бы такая палочка попала мне в руки теперь, я бы загадал только одно – деньги. Столько денег, на сколько хватило бы мощности магического прибора. Потому что, работая на студии, я понял, что за деньги можно купить все, в том числе и здоровье. В том числе и любовь. Не проституку, упаси боже, а именно любовь, настоящую, пылкую и страстную, может, даже на всю жизнь. Почему? Да потому, что мужчина с деньгами действительно выглядит значительно привлекательнее заскорузлого торговца с рынка. От него пахнет хорошим одеколоном, он гладко выбрит, у него мягкая кожа и великолепные, ухоженные зубы. С ним просто приятно общаться. И дружбу можно купить за деньги. Отчасти по тем же причинам, что и любовь, отчасти еще и потому, что обеспеченный человек и друзьям способен принести пользу, вспомнить о них в нужный момент, а от нищего – только проблемы.

Я видел это каждый день на живых примерах. Трех недель мне хватило с избытком. Я видел людей богаче Кирилла. Я видел людей беднее, чем я был теперь. И я прекрасно помнил себя три недели назад, когда с последней десяткой в кармане шел мимо киоска с горячей выпечкой и облизывался. Это все были не просто состояния души и тела, это были разные уровни реальности. И в ту реальность, где я не мог себе купить сраный пирожок за девять рублей, возвращаться не хотелось.

Вообще-то деньги – вещь странная. Когда-то за триста долларов я рисковал жизнью и лез в такие передраги, что сейчас становится страшно. Недавно триста долларов, полученные от Кирилла, казались мне достойной суммой, но жизнью за них я бы уже не стал рисковать. Сейчас, когда я понял, что работа и впрямь не сахар, эти же самые триста долларов казались мне недостаточной оплатой труда. Такая вот получалась баллада о трехстах долларах.

Вспомнив фразу «работа не сахар», я вспомнил и Катю, благодаря которой встретился с Кириллом. Ведь именно от нее я впервые услышал эти слова. Но я приходил на студию ночью, а она днем, и нам никак не удавалось встретиться. В одном здании работаем, а я до сих пор не смог пригласить девушку на чай. Она-то чаем меня как раз угостила и сигареты свои отдала.

У меня защемило сердце, и возникло острое желание хотя бы позвонить ей, была ведь где-то визитка, но надо было сдавать проклятые тексты, а Кирилл, как назло, больше половины забраковал и велел переписывать. Не успею до утра – зарплаты не видать. Кирилл называл такой подход к оплате коммунистическим принципом. То ли в издевку над идеями вождей пролетариата, то ли в издевку над нами. Черт его вообще разберет. Даже если полностью забыть странный сон, где он нанял меня снайпером в несуществующий отряд на несуществующей войне, то странностей у него и по жизни хватало. И курение на лестничной площадке – не единственная. Взять хотя бы одежду. Уж не знаю, сколько у него было одинаковых комплектов кожаных штанов, рубашек из тонкой кожи и кожаных жилеток, но появлялся он только в них. Все черное, лоснящееся, чуть хамовато-разнузданное. Неизменное. Он словно подчеркивал этой одинаковостью одежды, что ничего никогда не изменится, все будет, как скажет он. Очки с круглыми стеклами без оправы тоже странность. Дело в том, что, сколько я ни приглядывался, диоптрий на стеклах заметить не удалось. И затемненными они не были. В общем, чистый прикол, как он сам выражался. Очки ни для чего. Без всякой функции. Зачем бы я, к примеру, стал таскать такую штукину на носу? Мне хотелось это понять. Мне казалось, что, узнав секрет этих дурацких очков, я смогу узнать хотя бы часть секрета власти Кирилла над другими людьми. А она была, эта власть, причем выражалась не только деньгами.

Над текстами я прокорпел до четырех ночи. Чем больше я над ними работал, тем большее отвращение они у меня вызывали. Иногда казалось – вырвет на клавиатуру. Глупейшая ситуация. Спустя рукава делать работу не хочется, не в моих это привычках, а хорошо делать – тошнит. Потому что чем лучше, тем на самом деле хуже, чем точнее я сработаю, тем больше обычных, хороших, честных людей попадутся на удочку моего остроумия и отдадут деньги за лотерейные билеты без малейшего шанса вернуть обратно большую их часть. Говорят, что

азарт – болезнь. Значит, я был ее рассадником, из-под моих пальцев посредством клавиатуры рождались новые и новые штаммы вирусов, которые потом будут разнесены по стране через экраны телевизоров. Затем, уже после очередного розыгрыша, Кирилл принесет мне статистику рейтингов, а еще через несколько дней статистику продаж билетов. Мы вместе будем стоять на лестнице, курить и обсуждать, не выработался ли у народа иммунитет к нашим вирусам, а если выработался, как его подавить и какую новую заразу придумать. Над заразой, кстати, работать придется именно мне, за это деньги как раз и платили, а Кирилл был специалистом по подавлению иммунитета, он думал не над тем, какую заразу занести, а над тем, как ее подать, чтобы организм поменьше сопротивлялся. Он думал над музыкой, какая будет звучать за кадром, над светом, над декорациями, над костюмами, сам беседовал с актерами на каждую роль, сам утверждал их или отвергал. А я сидел за компьютером и штамповал фразы-вирусы. Черт бы меня за это побрал. Совсем недавно я гордился тем, что начал войну с иллюзиями, а теперь собственными руками конструирую их и внедряю в сознание масс.

Захотелось выпить. Причем выпить как следует, до пороссячьего визга, чтобы потом было хреново. Но сегодня не получится, а завтра будет поздно. И так всегда. Я уже с неделю не появлялся в клубе, наверное, и на четверть не израсходовав сумму золотой карты.

– О, кстати! – я радостно забил в компьютер название столь щедрого заведения.

Завтра мне надо будет сдать интервью с модной молодой писательницей, которая, как выражался Кирилл, кроме как о сексе ни о чем двух слов связать не сможет. Пусть она расскажет о своем любимом клубе, где она черпает вдохновение для молодежных романов. Директор порадует.

Я подумал, что, скорее всего, золотая карта мне и была вручена с тем, чтобы произошло нечто подобное, чтобы я при случае вспомнил именно этот клуб, а не какой-то другой. Точно-точно! Но мне было все равно. Уж кого-кого, а директора мне упрекнуть было не в чем.

Дверь открылась, вошел Кирилл.

– Ну что, дорогой, как успехи? – спросил он, поставив на стол непечатую бутылку виски «Джонни Уокер». – Когда можно ждать результат?

– Уже все готово, – я наклонился и достал из принтера очередную порцию распечаток. – Кроме реплик из зала. На них уйдет еще полчаса.

– Забей, – отмахнулся начальник. – Лучше тащи стаканы.

– Что значит «забей»? – удивился я.

– То и значит. Не нужны твои реплики. Нам на пять минут сократили эфирное время, так что для реплик все равно места не будет. Я целый день парился, как главное уместить. Так вот.

У меня возникло нехорошее предчувствие. Даже мой весьма скромный опыт работы на «ящик» подсказывал, что сокращение эфирного времени связано со снижением рейтинга, а значит, и доходности программы. Тогда непременно урежут бюджет, а могут и вообще закрыть лавочку. Если это так, то все плохо, а если нет, то еще хуже, потому что в этом случае Кирилл врал. Программа может процветать, а он лепит мне о сокращении эфирного времени только затем, чтобы обвинить в несостоятельности, забрать сделанную работу и выгнать, не заплатив ни копейки. А чего удивляться? Такая участь постигла всех моих предшественников, так откуда иллюзии, что со мной поступят иначе? Из-за снов?

Я представил, как Кирилл начинает разговор о моем увольнении, и понял, что, если такое случится, я его просто убью. Убью, сяду в тюрьму и оставшуюся часть жизни проживу счастливо. Причем убью не из-за денег, это было бы пошло, а за то, что он, используя мою нужду в средствах, вынудил меня дурить людей. И за то, что он точно так же поступает с другими.

– И что теперь? – спросил я напрямую.

– Ссышь, когда страшно, а, Саша? – усмехнулся Кирилл. – Стаканы, говорю, тащи.

Я послушно выдвинул ящик стола, где у меня валялись три низких широких стакана, оставшихся от прежнего владельца кабинета. Я ими еще ни разу не пользовался.

Кирилл подозрительно понюхал посуду, открутил пробку и плеснул на два пальца виски себе и мне.

– Льда нет, – пожал он плечами и выпил порцию залпом. Налил еще.

«Отличный тост», – подумал я, пригубив напиток.

За три недели я привык, что все тут пьют виски. Точнее, привык намного раньше, сразу, как распробовал этот новый для меня напиток. Вкус-то ладно, хотя и в нем я быстро нашел прелесть, но эффект от водочного отличался невероятно. То есть, несмотря на одинаковую градусность, виски давало прямо-таки противоположный эффект тому, какой наступал после водки. Виски расслабляло, а не нагнетало, настраивало на философский, а не на бойцовский лад. Как-то Влад сказал, что с моим характером водку пить вообще нельзя, а то перемкнет и я всем выпущу кишки в беспамятстве. А виски можно. От него такого никогда не бывает.

Мои бывшие знакомые, сослуживцы, приятели часто ругали виски, называя его самогоном. Не знаю. Мне он таковым, может, и показался сразу, но ненадолго и лишь потому, что я привык именно к такой характеристике данного напитка. Но то был совсем другой круг людей. Водка им была необходима, она была как раз источником боевого куража, без которого ни один дурак не поперет в полный рост из окопов на пулеметы. С виски такие подвиги более чем сомнительны, а с водки – как раз. Наверное, потому русские и отличались на полях сражений безудержным героизмом, вошедшим в легенды.

На самом же деле при ближайшем знакомстве виски имело более чем приличный аромат и хоть какой-то, в отличие от водки, вкус. Отдаленно напоминало коньяк. В общем, мне понравилось.

– В том, что нам убавили время, твоей вины нет. – На этот раз Кирилл сделал маленький глоток. – И выгонять я тебя не собираюсь. Кое-кого выгоню, несомненно, но не тебя. Ты пашешь, много кушать не просишь, а некоторые оперились уже, оборзели... Но лохов в стране убывает, а это нам ох как не на руку. Точнее, не так: лохов не становится меньше, но мы не одни с тобой умные. Есть еще государство, шоу-бизнес, магазины, торгующие коллекциями «Дольче и Габано» с турецкого рынка. Турфирмы всякие... В общем, лохи есть, но денег у них почти не осталось. Надо искать новые пути извлечения прибыли.

– Со студии нас теперь могут вышибить?

– Нет. Но работать надо. Под лежащий камень, знаешь, вода не течет. А шампанское и виски тем более. – Он взял кипу моих распечаток, бегло просмотрел. – Не фонтан, но потихоньку справляешься. Писарем, говоришь, при штабе работал? Ох, Саша...

У меня похолодела спина. Я вдруг живо представил, как он сейчас улыбнется и напомнит о том, что нанял меня еще и на другую работу. Но ничего такого не произошло.

– Ты наливай, наливай. У меня тут идея вызревает, как поднять рейтинги, но я никак ее за хвост поймать не могу. Ладно. Утро вечера, как говорят, мудренее. Так?

– Вроде бы.

– Ну и хорошо. Езжай-ка домой, отдыхай. Надо тебе выспаться, а то вид утомленный. На следующей неделе нам много сил понадобится для прорыва.

– Для чего?

– Для восстановления статуса на рынке, дорогой. Иногда бывает, что удержать статус сложнее, чем его вернуть, а то и повысить. Так что дурного в голову не бери. Короче, отоспись. Хороших тебе снов.

Поймав предутреннее такси и добравшись до дома, я включил телевизор и принялся искать визитку Кати. Я помнил, что сунул ее в карман, но куда она делась потом – начисто вылетело из головы. Глупо получилось. Три недели проработали рядом, а я ни разу к ней не заскочил. Теперь же, только собрался ей позвонить, потерялась визитка.

«А может, не судьба? – подумал я. – Бывает ведь такое – опоздаешь на пароход, а он возьми да пойди ко дну. Может, и здесь тот же случай?»

Это я так себя успокаивал, но на самом деле одиночество в последнее время начало сильно мне досаждать. С девками в клубе было весело, иногда даже приятно, но все это было не то. Все равно как спать с пластиковой скульптурой, так что такое веселье мне быстро наскучило. Хотелось живого общения, а не просто перепихнуться с подвыпившей красоткой, которая на следующий день и внимания на тебя не обратит. Влад объяснил, почему эти женщины ходят в клуб и предаются там разнузданному сексу. Попадались и проститутки, вроде Эльвиры, но я от их услуг отказывался. Не от жадности, просто денег действительно не было – что такое триста долларов? Смех один. На три раза. Однако проститутками были далеко не все. Ника, с которой я познакомился в первую ночь, проституткой как раз не была. От халявной выпивки не отказывалась, это входило в процесс, но денег не требовала никогда. А выпивка что? У меня золотая карта. Что же касается секса, то именно секс таким девушкам и был нужен, равно как и мне. Влад сказал, что Нику знает давно. У нее муж, двое детей, неплохая работа на какой-то музыкальной студии. Но то ли наскучило ей все, то ли фиг ее знает. Короче, в клуб такие красавицы приходили за острыми ощущениями, а потому простой, как они выражались, «семейный» секс их не интересовал. В основном всяческие, на мой взгляд, извращения. Ну, более или менее извращения. Раньше я и групповуху извращением считал, а здесь трахаться вдвоем считалось по меньшей мере странным.

Я глянул на часы – почти шесть. По «ящику» непрерывным потоком транслировали «Евроныус». После устройства на работу к Кириллу другие программы я попросту не включал. Иногда «Время» перед выездом на работу просматривал для понимания, куда в стране ветер дует, хотя достоверную информацию оттуда почерпнуть удавалось нечасто. Раньше я как-то не задумывался, что телевизор в последние годы стал не развлечением, не источником каких-то знаний, а инструментом рекламы, и больше ничем. Рекламировались товары, рекламировались услуги, прямо и нет, увлекательно и не очень. Рекламировался образ жизни, который побуждает что-то покупать. Рекламировались политические взгляды. Даже в художественных фильмах герои обязательно что-то рекламировали – образ мыслей, книги, какие-то имена, логотипы каких-то компаний. Раньше я этого не замечал, этот поток проходил мимо сознания, внедрялся глубоко в подсознание и руководил мной, вызывая то приступы патриотизма, то жажду деятельности, то уважение к кому-то – в зависимости от того, за что уплатил заказчик. Потом я сам попал в телевизор, увидел, как и кто это делает, за какие деньги заказывает, какие технологии применяются, насколько все держится на лобовом беспринципном вранье, и меня стало тошнить от любого движущегося изображения на экране.

А «Евроныус» меня не бесил. Может быть, во мне теплилась надежда, что в Европе все делается хоть чуточку иначе, чем у нас. Тоньше. Искуснее.

Американцам в Ираке снова надрали задницу. На этот раз, похоже, всерьез. Какой-то безбашенный оператор умудрился заснять, как на мосту горят два американских танка, один танкист ранен, пытается сползти с брони. По нему ведут плотный огонь и прямо в кадре убивают.

Я выключил телевизор, погасил свет и лег спать.

Во сне я сразу понял, что нахожусь на Базе. Во-первых, было сухо, во-вторых, интерьер внутренностей бетонного саркофага я представлял себе именно так – комната с узким оконцем, глухие стены, проем в коридор без двери. Я сидел на металлическом табурете, возле шаткого металлического стола, как в «Макдональдсе», и не знал, что делать. То ли оставаться на месте и ждать неизвестно чего, то ли попробовать найти кого-нибудь или что-нибудь интересное. Однако не успел я принять решение, как ко мне ворвался запыхавшийся Хеберсон. Лицо его

было красным, потным, от аромата дорогого одеколona не осталось и следа. Он перевел дух и сказал:

– Фролов? Я вас по всей Базе ищу. Значит, здесь теперь будет ваша ячейка. – Он достал блокнот и сделал пометку. – Что здесь и как, я вам потом объясню. Сейчас не до того. Пойдем вооружаться и экипироваться.

На мне был привычный для таких снов камуфляж, но не было ни кобуры с пистолетом, ни, тем более, тяжелой винтовки. Собственно, кроме одежды и обуви, не было вообще ничего, даже сигарет в кармане не обнаружилось. Я послушно отправился за американцем по бетонным и металлическим лестницам, по гулким пустым коридорам. Освещения было мало, в закутках пустых помещений притаилась тьма. Пахло старым, давно нежилым домом, в каких мне иногда доводилось устраивать огневые точки.

– Это правда, что вы попадали в лес, минуя Базу? – неожиданно спросил Хеберсон.

Я так удивился, что получилась некоторая пауза.

– В общем-то да, – мне все же пришлось ответить. – Хотя, если честно, я уже решил, что это был бред.

– Не совсем. Это был тренажер.

– Вот как? – я какого угодно ожидал поворота, но не такого.

– Тренажерных программ несколько, – пояснил лейтенант. – Для разных кандидатов разные.

– А противник? Там были люди!

– Некоторые не способны сразу воспринимать столь фантастического врага, с каким нам тут приходится иметь дело. Мы сначала адаптируем их к местности, к лесу, к дождю, а уже потом к плазмоганам.

– И я попал не в ту программу?

– Сами вы никуда попасть не можете. Это вина дежурившего оператора. Все люди, с которыми установлен контакт, находятся на специальном учете. Как только кто-то из них засыпает, оператор получает сигнал об этом и включает бойца либо в тренажер, если он кандидат, либо в сферу взаимодействия, если тренинг окончен. Вы уснули в неурочный час, поэтому оператор ошибся.

– А сейчас я где?

– В сфере взаимодействия, – ответил американец. – На Базе. Там, куда я доставил вас с тренажера.

– Что за странное название?

– Сфера взаимодействия? Ничего странного. Именно здесь происходит взаимодействие с врагом. Название сложилось исторически.

– Так Рыжий с пацанами были просто нарисованы, как Цуцук, Искорка и Андрей?

– Именно так. По замыслу создателей программы в сферу взаимодействия как бы несанкционированно проникают вооруженные гражданские лица...

– Браконьеры, – подсказал я.

– Что?

– Я, когда Рыжего впервые увидел, сразу понял, что они браконьеры. У них обмундирование магазинное, с витрины какого-нибудь «Профессионала».

– Ах, вот вы о чем. Да. Браконьеры. По легенде их надо ловить или уничтожать. Лишь тех, кто освоится с этими задачами, мы переводим на более высокие уровни тренажера. С вами все получилось проще, у вас стойкая психика.

Это меня успокоило. Про возможную связь упавшей за шиворот гильзы с попавшим в меня окурком я спрашивать не стал, чтобы не выглядеть идиотом. Не могло быть такой связи между сном и реальностью! Чем бы ни был вызван сон, он все-таки является только сном.

Наконец мы добрались до большой комнаты, в которой были устроены стеллажи с обмундированием и стойки с оружием. Хозяйничала здесь очень милая чернокожая девушка в американской военной форме, не красивая, а именно милая – полненькая, с простоватым добродушным лицом представительницы южных штатов. Несмотря на несомненную разницу во внешности, она мне напомнила Катю. И снова я удивился тому, что во сне вспоминаю реальность.

Хеберсон передал негритянке заполненный бланк и, шагнув в коридор, прикурил огрызок сигары.

«Кажется, в этот раз дела здесь совсем плохи», – заподозрил я.

Девушка начала собирать со стеллажей обмундирование и складывать его передо мной на стойку вроде барной. Не без удовольствия я узнал ту черную форму, в которой мне приходилось воевать на самом деле. Честно говоря, я побаивался, что мне навяжут американскую экипировку, раскрученную, распиаренную, но переусложненную и ненадежную. Но нет, обошлось. Я предвкушал удовольствие освобождения от солдатского камуфляжа, в котором на протяжении всех военных снов чувствовал себя неуютно. Те сны можно было теперь смело называть тренировочными, а что будет дальше – неизвестно. Пока девушка продолжала бегать со списком вдоль стеллажей, я шагнул к незастекленному окну и глянул наружу.

В радиусе трех километров от Базы, на границе сухого пространства горели американские танки. Десятка два, не меньше. Черный дым, похожий на тот, что дети рисуют в школьных тетрадках, мохнатыми хвостами вздымался к светло-зеленому небу. На фоне пересохшей красной глины, в контрастном свете жаркого солнца, картина выглядела ужасающей и величественной одновременно. Видно было, что в непосредственной близости от Базы совсем недавно шел тяжелейший бой, а поскольку на данный момент канонада не была слышна, можно было предположить, что атака отбита. Надолго или нет – вопрос другой. Кроме всего прочего, меня поразил тот факт, что в поле зрения не было ни одной единицы подбитой техники неприятеля. То ли противника остановили дальше, поэтому его не различить за полосой ливня, то ли огонь с нашей стороны был не столь эффективен, как с их.

Хеберсон вернулся из коридора и перекинулся несколькими фразами по-английски с негритянкой. Та кивнула и взмахом руки пригласила меня за стойку.

– У нас есть несколько винтовок, пригодных для выполнения сегодняшней задачи, – пояснил лейтенант. – Вам надо выбрать.

– Смотря что за задача, – ответил я.

– Если кратко, то за ливневой полосой, на высоте «А-12» расположилась батарея противника, которая не дает возможности выдвинуться нашей бронетехнике. Ваша задача – подавить оружейную службу, состоящую из зарядных погрузчиков, снайперским огнем.

– Дистанция?

– Большая... – хмуро ответил американец. – Очень большая. Близо они попросту не подпустят.

– Понятно. Но если в сотнях метров, хоть приблизительно?

– Могу в километрах, – вздохнул Хеберсон. – Около двух.

Я молча шагнул за стойку. Негритянка провела меня в смежную комнату, где в ложементах покоилось тяжелое вооружение – станковые пулеметы, портативные зенитно-ракетные комплексы и крупнокалиберные снайперские винтовки. Я узнал нашу тяжелую многозарядную снайперку «В-94», но она для поставленной задачи не годилась – работа автоматики сильно снижает прицельность и дальноточность, несмотря на то, что калибр у «В-94» вполне подходящий – 12.7 миллиметра или, на американский манер, 50, то есть полдюйма. Нужен был именно этот калибр, но винтовка должна быть однозарядной или хотя бы не автоматической. Это снижает скорострельность, но значительно повышает мощность выстрела, а это, если верить Хеберсону, сегодня приоритетная характеристика.

Я прошелся вдоль ложементов и вскоре обнаружил несколько образцов с более или менее подходящими характеристиками. Красавец «Robar RC-50» под патрон .50 BMG – весь лоснящийся, с ложем и прикладом из стеклопластика «МакМиллан», покрытый камуфляжной расцветкой. Довольно легкая для своего класса пятизарядка, весом всего одиннадцать килограммов. К тому же не автоматическая, после каждого выстрела затвор надо взводить вручную. В принципе ничего, к тому же красива, спору нет – так и хочется взять в руки. С такими американцы выступали во время «Бури в пустыне» и колотили арабов с дистанции в километр. Желание взять именно «Robar», который я видел в кадрах «Евроныус», было очень сильным, но я удержался. В этой винтовке маловато боевого духа, она вызывала ощущение хоть и мощного, но скорее спортивного оружия.

Совсем другое дело – продукция американской фирмы L.A.R. Фирма, по оружейным стандартам, достаточно молодая, основана в 1968 году и занималась поначалу поставками деталей для других оружейных заводов. Но вот в производстве именно крупнокалиберных снайперских винтовок они весьма преуспели. Одна возле другой лежали в ложементах две винтовки L.A.R. – «Grizzly 50 Big Bore» и «Grizzly 50 Big Bore Competitor». Обе почти близняшки, как по мощности, так и по основным характеристикам – однозарядки вообще без магазина для повышения мощности, цельнометаллические, похожие скорее на костыль, нежели на снайперку. Изящества в них не было никакого, но бой зато более чем приличный. В принципе, при удачном стечении обстоятельств и наработанных умениях, из такой машинки можно вести эффективный огонь и на три тысячи метров. Я бы взял «Competitor», он потяжелее, почти четырнадцать килограммов, и с дульным тормозом, что снижает очень тяжелую отдачу от патрона .50, но цельнометаллическое исполнение меня остановило. Если вдруг придется вести плотный огонь, оружие нагреется так, что его не ухватишь. Это для американцев – выстрелил-убежал. А если речь идет о подавлении батареи, то тут надо с гарантией.

– Лейтенант! – окликнул я Хеберсона. – Здесь нет ничего подходящего.

– А что вам нужно? – удивился американец. – Здесь все, с чем американская армия участвовала в серьезных военных конфликтах.

– И хоть один выиграла? Батарею, блин, подавить не можете. Не обижайтесь, мистер Хеберсон, но это все для налогоплательщиков. Что я, не понимаю? Сам сейчас пишу сценарии для телевидения. Мощь, красота, угрожающий вид. И все это в ущерб удобству и эффективности. Мне нужны первые машинки, восьмидесятых годов, а не эти ваши «паркетники». Или «RAI» модели 500, или наша советская «Рысь», что в общем-то почти одно и то же. Лепили их явно по одним чертежам. Я бы предпочел «Рысь», как-то привычнее.

– «Рыси» у нас точно нет.

– Как это нет? – удивился я. – А с чем я три месяца воевал на вашем чертовом тренажере под проливным дождем?

– То была имитация. Тренажерный вариант. Иллюзия.

«Иллюзия во сне, – снова подумал я. – Черт меня побери!»

– А здесь не иллюзия? – психанул я. – Вы что, не понимаете, где мы находимся? Вы не понимаете, что спите сейчас в какой-нибудь Айове?

– В Вирджинии.

«Теперь понятно, почему я работаю по ночам, а сплю днем! – запоздало догадался я. – База американская, разница в часовых поясах. У них сейчас ночь, все спят, а русских в этой армии явно меньше, так что их можно набрать из тех, кто спит днем, вроде меня!»

– Какая разница где? – я поморщился. – Все равно это сон.

– Здесь не совсем иллюзия, – хмуро ответил Хеберсон.

– Что значит «не совсем»?

– Мы с вами реально взаимодействуем. И противник взаимодействует с нами реально. Ну, в пределах реальности сна, разумеется. В общем, для уничтожения противника годится

лишь то оружие, которое входит в реальность сна. «Рыси» у нас здесь нет. Мы спроецировали ее специально для вас на время прохождения тренажера. Как и ваших друзей.

– Понятно. Но хоть «RAI 500» у вас есть?

– Минуту.

Он вынул из-за воротника крохотный наушник, сунул его в ухо и постучал пальцем по бусинке микрофона на проводе.

– Это Хеберсон. Фролову нужен «RAI 500». Я понимаю. Но такого быть не может, чтобы не было. Это старая винтовка, середины восьмидесятых годов. Понимаю, что редкая, но они принимали участие в спецоперациях. Хотя бы одна должна была к нам попасть. Хорошо. Вы с ней свяжетесь?

Тут же сухо, громко, навязчиво зазвонил телефон. Я бросил взгляд в комнату с обмундированием и заметил, как негритянка подскочила к допотопному эбонитовому аппарату и схватила трубку. Закончив короткий разговор по-английски и положив трубку, она выдвинула ящик стола и передала Хеберсону увесистую связку ключей.

– Идемте, – сказал он мне. – У нас мало времени. Только сразу переоденьтесь, а то мы больше сюда не вернемся.

С превеликим удовольствием я переоделся в черную форму и чуть закатал рукава – вопреки уставу, но так положено, если придется идти в бой. На этот раз мы не стали спускаться по лестницам. Выбравшись в коридор, лейтенант открыл одним из ключей неприметную металлическую дверь, выкрашенную шаровой краской, а за ней, к моему удивлению, оказался небольшой сетчатый лифт, какие бывают в старых московских домах.

Ехали вниз мы минуты две, не меньше, а ведь добирались не с самого верха, насколько я мог судить по виду из окна в батальерке. Меня снова поразили размеры Базы, но я не стал задавать вопросов. На том уровне, куда мы спустились, не оказалось окон, и я понял, что это подвал. Сразу за лифтом располагалась решетка из стальных прутьев толщиной с руку, а в ней дверь, за которой сидела крупная женщина – к моему удивлению, в форме российского сержанта милиции.

– Здравствуйте, Вероника, – поздоровался Хеберсон. – У меня ключ от пятого бокса.

Он показал ей железный ключ, словно от амбарного замка, она чуть сощурилась близоруко, после чего нажала кнопку, открывающую электрический замок решетки. Мы шагнули внутрь и направились напрямик к двери, на которой чернела огромная цифра пять. За нашими спинами лязгнула вставшая на место решетка.

Лейтенант провернул ключ в замочной скважине и пропустил меня вперед. За дверью оказался склад внушительных размеров, но пораженный вирусом беспорядка – никаких ложементов, никаких стеллажей, никаких бирок и надписей. Оружие, боеприпасы, тубусы переносных ракетных установок валялись прямо на полу, на брезентовых ковриках. Причем тубусов было огромное количество, они почти целиком занимали площадь в триста квадратных метров, лежали навалом, без всякого намека на сортировку. Между ними рассыпались ручные гранаты, выстрелы для «РПГ-7» и для подствольных гранатометов. Другое оружие было представлено скромно – на глаза мне попались несколько автоматов Калашникова и американских легких винтовок.

– Что это? – не удержался я от вопроса.

– Склад первичного поступления, – отмахнулся Хеберсон, словно я это и сам должен был знать. – Если на Базе есть «RAI», то он только здесь. Причем скорее всего в глубине, ведь его в последних конфликтах не применяли. Я вообще не уверен, что к нам попал хотя бы один образец. Может, обойдетесь винтовкой фирмы L.A.R.? Они хорошо себя показали.

– Да, при темпе стрельбы один выстрел в час. Сами из них стреляйте.

– Я слышал, что русские солдаты менее склонны к комфорту, чем американские...

– Комфорт тут ни при чем. Если металлическое ложе перегреется, эффективность стрелка будет равна нулю. Где искать-то?

– Везде. Но больше вероятность найти такую винтовку в дальнем краю склада.

– Почему?

– К нам попадает оружие, приведенное в негодность во время реальных боев.

– Вот как? – Это меня удивило.

– Да. Подбитая в реальности бронетехника, уничтоженное взрывом оружие, отработавшие выстрелы из гранатометов, расходное вооружение вроде гранат и взрывчатки. С горючим тоже проблем нет. В общем, все, что пропало в бою. Поэтому я знаю, что «Рыси» у нас точно не найдется. Винтовка редкая, и ни одна из них не была уничтожена. А вот «RAI 500» задействовался в наших спецоперациях и мог попасть в переделку.

Я оглядел пространство склада и понял, что провожусь здесь несколько дней, не меньше. Хеберсон проследил за мной взглядом и улыбнулся.

– Думаете, долго придется искать? – спросил он. – Ничего подобного. Усилий много, а времени ноль. Склад находится на нулевом уровне базы, в подвале, а это почти в реальности. Время сна здесь течет крайне медленно. Если заглубиться еще метров на пять, можно вообще оказаться у себя на кровати.

– Вот как? – заинтересовался я.

Это была хоть какая-то информация о мире сна, и я взял ее на заметку, чтобы перенести в тетрадь.

– Да, – кивнул американец. – Склад первичного поступления специально устроен близко к реальности. А чем выше, тем менее от нее зависишь, так что... Вообще-то это не имеет отношения к вашим поискам.

Прежде чем я нашел то, что искал, мне действительно пришлось перелопатить гору железа. Но «RAI 500» ни с чем не спутаешь – огромная винтовка с прикладом на гидравлических амортизаторах для погашения отдачи, с дульным тормозом на конце ствола, как на пушке. Так что когда я ее заметил, мне оставалось только откопать ее. При беглом осмотре я понял, что пользоваться ею можно – прицел не разбит, это главное. Я больше всего боялся, что какая-нибудь упавшая из кучи железяка повредит оптику, но за многие годы, судя по толстому слою пыли и ржавчине, с винтовкой ничего не случилось.

– Лучше почистить. – Я перелез через железные баррикады обратно к Хеберсону. – Но можно стрелять и так.

– Здесь нет масла и ветоши, – лейтенант развел руками. – Если же выбраться из подвала, то время потечет быстрее и будет потеряно. Попробуйте в этот раз обойтись.

– Понятно...

Я водрузил четырнадцатикилограммовую винтовку на плечо, и мы покинули помещение склада.

– Мне нужен корректировщик, – напомнил я уже в лифте. – Скоростную стрельбу трудно вести одному.

– Знаю, – кивнул лейтенант. – Мы уже подготовили для вас человека.

На самом деле мне нужен был не любой корректировщик. За время службы мы так сработались с Андреем, что я не желал другого напарника. Да что подделаешь? Смерть забирает у нас друзей, не спрашивая согласия. И теперь всегда во сне будет другой, хотя недавно еще казалось, что хоть в мире вечного ливня Андрей жив. Трудно свыкнуться с мыслью, что предыдущие сны были как бы снами внутри этого сна. Надо же, слово какое придумали – тренажер.

– Человек-то надежный? – для проформы спросил я.

– Думаю, да.

Честно говоря, я ожидал напутствия от Кирилла. Деньги деньгами, но я не совсем понимал, как можно воевать только за плату без всякой идеи. Я понимал, что это бред, но привык

слышать от начальства нечто вроде «мы на тебя надеемся, не подведи». Однако ничего подобного не случилось – лифт повез нас не наверх, а вниз. Оказалось – в гараж.

Вновь подумалось про деньги. Я ведь и на войне получал зарплату, но наемником себя не считал. И никто не считал, потому что всем нам с детства внушалось, что Родину следует защищать даром. Деньги – лишь приятное дополнение. Потом это вошло в привычку и действительно боевые задачи решались как-то отдельно, а денежное довольствие получалось тоже отдельно. Что же касается тренажерных снов, то там я вообще воевал непонятно за что. Ни денег мне никто не предлагал, ни к защите Родины не привлекал. Какая на фиг Родина в чужом лесу под бесконечным проливным дождем? Все чужое. И враг непонятный. Нет, это просто привычка. Вроде рефлекса, как у собаки Павлова, – едешь на броне, значит, будет враг и по нему придется стрелять. И когда враг появляется, стреляешь по нему уже не задумываясь.

В гараже пахло пылью и надолго оставленной техникой, между стенами металось звонкое эхо.

– Вы будете старшим в группе, – наставлял меня Хеберсон, протискиваясь между грузовиками, бронетранспортерами и трофейными шагающими механизмами. – Сейчас я вам на карте покажу высоту «А-12», а вы сами выберете позицию для подавления батареи.

– Так... – вздохнул я. – Похоже, с корректировщиком вы меня подставили. Совсем сосунок?

– Нет. Не совсем. Он обучался в центре подготовки спецподразделений вашей полиции, но попал под сокращение и в боевых действиях не участвовал.

– Хорошо, хоть русский, – невесело усмехнулся я.

– Да. Мы его тоже проверяли на тренажере. У него хорошая реакция, четкая дикция. Его неплохо выучили.

– Посмотрим.

– Он ждет нас в выходном боксе.

Я не ответил. Понятно было, что хороших корректировщиков у них не было, где их взять? «Может, лучше вообще одному? – подумал я. – Хотя нет. Пусть винтовку таскает. А то и поможет в чем. Глаза и уши в бою лишними не бывают. На мозги, конечно, надежды мало, на опыт вообще никакой. А в остальном... Поглядим. Лишь бы не обосрался».

– Мне нужны сигареты, – запоздало вспомнил я.

– А сигары не подойдут? Сигареты надо было взять у батальерши.

– Подойдут и сигары. Только с огоньком. У меня вообще ничего нет.

Хеберсон виновато развел руками, после чего передал мне пару сигар в алюминиевых упаковках и свою латунную зажигалку. Зажигалка была классной – настоящий «Zippo», отличающийся от продукции московских палаток, как моя винтовка от рогатки, стреляющей шпульками.

– После задания верну, – пообещал я, свободной рукой рассовывая добычу по карманам.

Мы добрались до выходного бокса. Дальняя стена помещения была из толстых проклепанных листов ржавой стали, а вся мебель состояла из длинного металлического стола и десятка таких же стульев. На одном ссутулясь сидел молодой человек лет двадцати пяти. Черноволосый, тощий, с впалыми глазами – то ли от пьянок, то ли от наркотиков, то ли от бессонницы. У его ног на полу покоился ранец корректировщика с необходимыми приборами – дальномерами, ветромерами, биноклями и прочей требухой, помогающей быстро наводить снайпера на цель.

– Привет, – поздоровался я.

– Это Александр Фролов, – представил меня американец. – Ваш старший группы. А это Михаил. Корректировщик. Давайте посмотрим карту.

– Здравствуйте, – молодой достал из ранца карту и положил на стол. Я заметил, что пальцы у него дрожат крупной дрожью.

«Бухает как черт», – пронеслось у меня в голове.

Примерно полчаса ушло у нас на инструктаж, который тщательно и педантично провел Хеберсон, стараясь ничего не упустить. Кирилл не зря держал его здесь – таких вышколенных штабников мне до этого видеть не приходилось. Он показал нам на карте высоту «А-12», кратко остановился на особенностях местности и трудностях, с которыми придется столкнуться, ответил на все мои вопросы, касающиеся противника, проверил, как работают гарнитуры связи, вынутые из ранца корректировщика, а под конец достал из-под стола ящик с боеприпасами калибра .50 и помог корректировщику уложить патроны в рюкзак.

– До ливневой полосы вас довезут, – напоследок сказал американец. – А дальше сами. Ни пуха вам, ни пера.

– К черту, – я не любил этого дурацкого пожелания удачи. – Вы что, на всех языках напутствия знаете?

– На семи. По числу регионов, работа с рекрутами из которых входит в мои обязанности.

– Понятно.

Дальняя стена с гулом отодвинулась, оставив узкую щель – только протиснуться.

– Вы что, никогда не открываете эти ворота полностью? – из любопытства поинтересовался я.

– При мне они ни разу не распахивались настежь, – ответил Хеберсон.

– А зачем такие огромные?

– Не знаю. Я даже не знаю, кто строил эту базу, если честно. Наверное, игрок в «Quake».

– Что это? – не понял я.

– Компьютерная игра, – подал голос салага. – Бегаешь и стреляешь по монстрам. Тут все очень похоже. Коридоры, лифты, стены.

– А... – я глянул на молодого искоса, чтоб у него не было иллюзий по поводу моего к нему отношения. – Пойдем.

Мы протиснулись в узкую щель между створкой ворот и стеной. Под палящими лучами синего солнца нас ждал «Хаммер» с тем же сержантом за рулем, который привез меня сюда в первый раз. Усадив Михаила назад, я передал ему громоздкий «RAI 500», а сам расположился рядом с водителем и тут же жестом стрельнул у него сигарету.

Закурив, мы тронулись в путь. Впереди догорали танки, коптя светло-зеленое небо.

За полчаса марш-броска по заболоченному лесу мы с салагой вымокли до нитки. Ливень хлестал с небес непрерывным потоком, словно кто-то наверху опрокинул переполненную шайку с водой. Меня успокаивало лишь то, что сигары не просто валялись в кармане куртки, а были упакованы в герметичные алюминиевые тубусы. Хотя какое курево в таких условиях?

– Глянь карту, – бросил я плетущемуся позади Михаилу.

Конечно, ему было труднее, чем мне, – мало того, что свой ранец приходилось тащить, так я еще и винтовку ему вручил. А она тринадцать килограммов с хвостиком весит. Для ее переноски на дальние дистанции та еще нужна тренировочка, но молодой не роптал, чем здорово меня порадовал. Он присел на корточки, аккуратно уложил оружие на колени, после чего достал прозрачный планшет с картой. Ему пришлось согнуться в три погибели, чтобы прикрыть документы от ливневого потока, иначе работать невыносимо – брызги от пластика во все стороны, в том числе и в глаза. Я присел рядом и взял новый курс на азимут. Приходилось это делать часто, поскольку в качестве ориентира, кроме деревьев, выбрать было нечего, а они почти все одинаковые в этом лесу. Мне в разных условиях приходилось ориентироваться на местности, но хуже еще не бывало. Тут нужен спец скорее по подводному ориентированию, чем по наземному. Чтоб его...

Мы двинулись в путь, уже по новому ориентиру, погружаясь в грязную жижу по щиколотки. Вода потоками стекала по лицу, ухудшая и без того отвратительную видимость. Иногда

высоко над тучами со свистом проходили тяжелые рейдеры, тогда приходилось задерживать дыхание и плюхаться в воду всем телом, лицом вниз, и лежать там по полминуты, не меньше, пока свист не утихнет. Еще по тренажерным снам я помнил, что тяжелые рейдеры барражируют с левой циркуляцией вокруг важных объектов, сканируя местность. Тучи для сканеров не были помехой, а вот вода оказывалась замечательным укрытием, так что приходилось ею пользоваться. Рейдеры двигались по концентрическим окружностям и пролетали над нами все чаще, значит, мы не заблудились – расстояние до высоты «А-12» постоянно сокращалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.